

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ЮГО-ЗАПАДНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»**

На правах рукописи

Смирных Александр Александрович

**КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД
ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
В ЦЕЛЯХ ЗАЩИТЫ ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ**

Специальность 5.1.2. – Публично-правовые (государственно-правовые) науки
Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук

Научный руководитель
доктор юридических наук, доцент
Гуторова Алла Николаевна

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
Глава 1. Ограничение прав и свобод в конституционном праве России	20
§ 1.1 «Ограничение прав и свобод» как категория конституционного права.....	20
§ 1.2 Конституционные процедуры ограничения прав и свобод в России	41
Глава 2. Правовое регулирование и реализация конституционных ограничений прав и свобод человека и гражданина в целях защиты здоровья населения.....	65
§ 2.1 Ограничение прав и свобод личности в целях защиты здоровья населения в частной и общественно-публичной сферах	65
§ 2.2 Ограничение прав и свобод личности в целях защиты здоровья населения в сфере экономической, социальной и культурной деятельности.	96
§ 2.3 Позитивная дискриминация в условиях эпидемий, пандемий и иных ситуаций тяжелой эпидемиологической обстановки	114
Глава 3. Ограничение прав и свобод личности в целях защиты здоровья населения в практике стран ЕАЭС	133
§ 3.1 Конституционно-правовые ограничения прав и свобод личности в целях защиты здоровья населения в странах ЕАЭС	133
§ 3.2 Ограничения прав и свобод человека и гражданина в целях защиты здоровья населения в позициях конституционных судов стран ЕАЭС	163
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	187
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	194
Приложение.....	234

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационной работы обусловлена необходимостью научного осмысления конституционно-установленных порядка и пределов ограничений основных прав и свобод человека и гражданина в ситуации, предполагающей обеспечение защиты здоровья самого человека, третьих лиц и населения.

Человек живет в сложной общественной системе, в которой для эффективного функционирования требуется достижение баланса между правами и свободами одной личности и правами и законными интересами иных субъектов общественных отношений. В качестве одного из способов гарантирования такого баланса в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ предусмотрен механизм ограничения прав и свобод человека и гражданина. Согласно указанной норме в качестве одного из общественных благ, в целях защиты которого могут подвергаться ограничению права и свободы человека и гражданина, является здоровье других лиц.

В истории современного российского государства данный критерий ограничения прав и свобод человека и гражданина имел латентный характер до пандемии новой коронавирусной инфекции COVID-19. Возникновение и стремительное распространение нового, высококонтагиозного заболевания выявило не только проблему правовых пределов установления ограничений основных прав и свобод личности в целях защиты здоровья самого человека, других лиц и населения в целом, но и позволило по-новому оценить порядок установления таких ограничительных мер. Правовой режим, обусловивший с одной стороны введение ограничительных мер для обеспечения здоровья населения и каждого гражданина, а с другой – необходимость социальной и экономической поддержки лиц, оказавшихся в сложной ситуации, объективно спровоцировал стремительный рост применения цифровых технологий, вызвал масштабные изменения законодательства и принятие управленческих мер для его реализации.

В настоящее время, по прошествии нескольких лет с момента пандемии новой коронавирусной инфекции COVID-19, необходимо с позиции публично-правовой науки оценить конституционность, эффективность и достаточность вводимых ограничений прав и свобод человека и гражданина в целях триединства защиты здоровья (собственное здоровье человека, здоровье третьих лиц и здоровье населения (нации), в целях масштабирования опыта в условиях новых пандемических вызовов, исключая фрагментарность, избыточность и коллизионность их установления.

Развитие международного сотрудничества Российской Федерации в рамках Евразийского экономического союза, формирование интеграционного права актуализируют научную задачу выработки тождественных правовых позиций, в том числе относительно порядка и пределов ограничений основных прав и свобод в целях защиты здоровья. В 2020-е годы не только Россия, но и страны ЕАЭС столкнулись с идентичными проблемами правового регулирования ограничений прав и свобод человека в целях защиты здоровья других лиц и населения. В связи с этим актуальность темы видится также в выявлении приемлемых для Российской Федерации мер по ограничению прав и свобод человека и гражданина в целях защиты здоровья, которые были апробированы и выработаны в странах ЕАЭС в период пандемии.

Актуальность темы подтверждается происходящей трансформацией системы обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия Российской Федерации в контексте введения новых требований к гражданам по охране и защите здоровья, новых инструментов обеспечения контроля за состоянием здоровья граждан и предотвращения заболеваний в повседневной жизни. В данных условиях возрастает публично-правовое значение нормы ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации о допустимости ограничений прав и свобод человека и гражданина в конституционно установленных целях и конституционно предопределенных процедурах.

Особую значимость конституционность ограничений прав личности в целях защиты здоровья приобретает при введении режимов контртеррористической операции¹. Сложная система особых правовых режимов, отсутствие единого подхода к разграничению комплексов специальных мероприятий, обуславливают неоднородность правоприменения в части порядка и пределов ограничения прав и свобод человека в целях защиты здоровья. В настоящее время требуется переосмысление устоявшихся, и, казалось бы, незыблемых понятий, в том числе и в сфере правового статуса человека, форм и механизмов его реализации, обязанностей публичной власти по обеспечению конституционно гарантированных достойного уровня жизни и свободного развития каждого человека.

Таким образом, в публично-правовой науке имеется необходимость научного осмысления современной доктрины прав и свобод человека в контексте определения правовых механизмов ограничения конституционных прав и свобод личности в целях защиты здоровья, выработки правового порядка введения таких ограничений и предложений по совершенствованию действующего российского законодательства в сфере охраны и защиты здоровья человека и населения. В связи с этим исследование конституционных ограничений прав и свобод личности в целях охраны здоровья населения является значимым не только для науки конституционного права, но и практики конституционного регулирования.

Степень научной разработанности темы обусловлена многогранным характером механизма ограничений прав и свобод человека в целях защиты здоровья населения, что предполагает наличие значительного количества научных работ, посвященных отдельным аспектам темы настоящего исследования.

¹ На территориях Белгородской, Брянской и Курской областей введен правовой режим КТО/ Контртеррористические операции / Главная / Национальный антитеррористический комитет [официальный сайт]. URL: <http://nac.gov.ru/konttrterroristicheskie-operacii/na-territoriyah-belgorodskoy-bryanskoy-i-kurskoy.html> (дата обращения: 27.04.2025).

Вопросы, связанные с изучением концепта конституционных прав и свобод человека и гражданина, теории и практики их ограничений потребовало обращения к научным трудам следующих российских авторов: С.А. Авакьяна, К.В. Арановского, Е.В. Астафьевой, Н.С. Бондаря, Н.А. Богдановой, О.В. Брежнева, Г.А. Василевича, Т.А. Васильевой, Д.С. Велиевой, Н.В. Витрука, В.Д. Зорькина, В.И. Гойман, А.Н. Гуторовой, В.Н. Григорьева, И.Г. Дудко, Т.В. Заметиной, В.Т. Кабышева, В.В. Комаровой, М.А. Краснова, О.Е. Кутафина, А.В. Кропачева, А.А. Ливеровского, М.А. Липчанской, А.В. Малько, М.В. Мархгейм, Е.Е. Никитина, Е.М. Павленко, А.А. Подмарева, М.Ю. Попова, В.Г. Романовского, П.С. Самыгина, С.И. Самыгина, Е.В. Тарибо, В.Е. Чиркина, Б.С. Эбзеева и других авторов.

Исследование позитивной дискриминации, как неординарного проявления ограничения прав, осуществлено на основе работ таких отечественных ученых как Н.С. Бондарь, Л.В. Кириллов, Г.Н. Комкова, С.Ю. Суменков, Л.К. Рябова, М.А. Филатова и других.

Особенности ограничений прав человека в условиях сложной санитарно-эпидемиологической обстановки на примере пандемии новой коронавирусной инфекции COVID-19 были изучены в трудах следующих российских ученых-юристов: В.А. Болдырев, Е.Н. Дорошенко, Н.В. Панкевич, В.В. Руденко, И.В. Ушанкова, Т.С. Черепанова, О.А. Ястребов и других.

Исследование конституционно-правовой сущности ограничения прав потребовало ознакомления с научной юридической литературой, посвященной таким теоретическим правовым концептам, как: теория прав и свобод человека и гражданина, общественный договор, теория естественных прав, социальное государство, что обусловило обращение к трудам таких отечественных и зарубежных правоведов и философов, как: Г.А. Гаджиев, Т. Гоббс, В.В. Гошуляк, А.Л. Кононов, М.А. Краснов, О.Е. Кутафин, Дж. Локк, С.П. Маврин, М.С. Пермиловский, К. Штерн и других.

В науке конституционного права существует значительное число диссертационных исследований, посвященных тем или иным аспектам ограничения конституционных прав и свобод человека и гражданина, среди которых можно выделить работы В.Н. Агеева¹, А.В. Ашихминой², Е.Е. Грецов³, Ю.В. Казимирской⁴, А.А. Смирнова⁵, А.А. Троицкой⁶, А.А. Умаровой⁷.

Предметом перечисленных диссертационных исследований главным образом являлись общетеоретические основы ограничения прав и свобод человека и гражданина, их конституционно- и международно-правовое регулирование, зарубежный опыт применения данного правового института, а также его роль в обеспечении обороны страны и безопасности государства. Ни одно из научных исследований не было специально посвящено изучению особенностей ограничения прав и свобод в целях защиты здоровья населения. При этом ограничения прав и свобод человека и гражданина с указанной целью приобретают особую актуальность в свете недавнего отечественного и мирового опыта масштабного установления ограничений в связи с пандемией новой коронавирусной инфекции COVID-19. Вследствие этого, представляется необходимым проведение всестороннего научного публично-правового исследования имеющегося российского и зарубежного

¹ Агеев В.Н. Конституционные ограничения основных прав и свобод личности в Российской Федерации: теория, история, практика: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань. 2006. 30 с.

² Ашихмина А.В. Конституционно-правовой механизм ограничения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва. 2008. 35 с.

³ Грецов Е.Е. Правомерные ограничения прав и свобод человека в международном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва. 2009. 26 с.

⁴ Казимирская Ю.В. Конституционно-правовые основы ограничения личных (гражданских) прав и свобод человека и гражданина в России и зарубежных странах: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва. 2016. 22 с.

⁵ Смирнов А.А. Ограничение прав и свобод человека и гражданина Российской Федерации при обеспечении обороны страны и безопасности государства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва. 2007. 24 с.

⁶ Троицкая А.А. Конституционно-правовые пределы и ограничения свободы личности и публичной власти: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 24 с.

⁷ Умарова А.А. Институт правовых ограничений: общетеоретическое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Грозный. 2018. 26 с.

опыта ограничения прав и свобод человека и гражданина, а также особенностей конституционно-правового механизма ограничения отдельных категорий прав и свобод человека в целях защиты здоровья населения.

Объектом исследования являются общественные отношения, возникающие в процессе ограничения прав и свобод человека и гражданина в целях защиты здоровья населения.

Предметом исследования выступают выработанные в науке публичного права доктринальные подходы категории «ограничения прав и свобод человека и гражданина», конституционно-правовые нормы, регулирующие применение указанных ограничений в целях защиты здоровья населения, особенности их осуществления в отношении отдельных категорий прав личности.

Цель настоящего диссертационного исследования состоит в получении новых научных знаний относительно онтологической сущности ограничения прав и свобод, как института конституционного права, установлении особенностей его применения в целях защиты здоровья населения для формулирования предложений по совершенствованию российского законодательства.

Указанная цель исследования конкретизируется в следующих задачах:

- установить существующие подходы в российской конституционно-правовой доктрине к пониманию категории «ограничения прав» и представить их авторскую классификацию;
- систематизировать основания введения режима чрезвычайного положения, установить их корреляцию с ограничением прав и свобод личности в целях защиты здоровья населения в Российской Федерации;
- сформулировать авторское определение категории «здоровье населения» с точки зрения конституционного права для совершенствования нормотворческой и правоприменительной деятельности в части ограничения основных прав и свобод личности в целях защиты здоровья населения в частной и общественно-публичной сферах;

- установить особенности ограничения социальных и экономических прав и свобод в целях защиты здоровья населения;
- представить концепт позитивной дискриминации, как средства защиты здоровья населения в ситуации тяжелой эпидемиологической обстановки;
- установить объем конституционно-правовых ограничений прав и свобод личности в целях защиты здоровья населения в странах-членах Евразийского экономического союза для взвешенной интеграции опыта правового регулирования в данной сфере;
- дать оценку актам конституционного контроля по вопросам ограничения прав и свобод человека и гражданина в целях защиты здоровья населения в странах-членах Евразийского экономического союза для установления целесообразности адаптирования опыта указанных стран в правовом регулировании правоотношений по защите здоровья населения в Российской Федерации.

Методологическая основа диссертационного исследования представлена совокупностью апробированных общенаучных и специальных методов, изучения правовых явлений во взаимосвязи и взаимообусловленности с точки зрения теории и практики.

Методы анализа, синтеза и системно-структурного подхода позволили исследовать объект как сложное, многогранное явление, состоящее из взаимосвязанных элементов, образующих относительно неизменную структуру. С помощью указанных методов были уточнены или дополнены теоретические конструкции конституционных понятий «ограничение прав и свобод», «позитивная дискриминация», проанализировано соотношение понятий «ограничение», «умаление», «уничтожение», «изъятие» и «пределы» прав и свобод, установлено сущностное наполнение указанных теоретико-правовых явлений. Указанные методы были использованы для установления сущностной вариативности позитивной дискриминации, как правового явления.

На основе сравнительно-правового метода было проведено исследование конституционно-правового законодательства, а также решений конституционных судов по вопросам ограничения прав и свобод в странах-членах ЕАЭС. Посредством применения указанного метода стало возможным сопоставление правовых систем стран, входящих в ЕАЭС, выявление фундаментальных принципов, общих и особенных черт ограничения прав и свобод человека и гражданина в целях защиты здоровья населения.

Формально-юридический метод применялся для непосредственного изучения федеральных конституционных и федеральных законов, подзаконных актов Российской Федерации и ее субъектов в сфере ограничения прав и свобод человека и гражданина в целях защиты здоровья населения, для уяснения смысла норм, интерпретации понятий, используемых в нормативных правовых актах. С помощью методов индукции и дедукции были сформулированы логические заключения относительно конституционно-правовых процедур введения ограничения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации.

Использование указанных методов научного познания позволило комплексно исследовать объект и обобщить теоретический, нормативный и практический материал, выявить теоретические недостатки, особенности практической реализации правил введения ограничений прав и свобод в целях защиты здоровья населения, и на этой основе выработать предложения и рекомендации по унификации теоретических вопросов в исследуемой сфере.

Нормативную базу исследования составили Конституция Российской Федерации, общепризнанные принципы и нормы международного права, законодательство Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, подзаконные акты федеральных и региональных органов государственной власти Российской Федерации, конституции зарубежных

государств, законодательство и подзаконные акты стран-членов Евразийского экономического союза.

Эмпирическая база представлена:

- решениями Конституционного Суда Российской Федерации за 1995–2023 гг.;
- сведениями, размещенными на официальных сайтах Президента Российской Федерации (kremlin.ru), Правительства Российской Федерации (government.ru), Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий Российской Федерации (mchs.gov.ru), Мэра и Правительства Москвы (mos.ru);
- материалами практики Конституционного Суда Республики Армения и Конституционного Суда Республики Беларусь за 2011–2023 гг.;
- данными с официальных сайтов Конституционной Палаты Верховного Суда Кыргызской Республики (constsot.kg), Единой платформы интернет-ресурсов Республики Казахстан (gov.kz);
- данными статистического исследования НИУ «Высшая школа экономики» по динамике уровня безработицы в России за период апрель 2017 г. – сентябрь 2020 г.

Научная новизна диссертационного исследования определена содержащимся в работе новым подходом к решению научной задачи определения онтологической сущности ограничения прав и свобод, как института конституционного права, и установления особенностей его применения в целях защиты здоровья населения.

К элементам научной новизны относятся следующие теоретические и практически прикладные результаты:

- определена юридическая природа и сформулирован авторский подход к пониманию категории «ограничения прав и свобод человека в целях защиты здоровья населения»; предложена авторская модель классификации ограничений прав в целях защиты здоровья населения по следующим

основаниям: по процедуре введения, по субъектам, подвергаемым ограничениям, по основанию введения;

- дана характеристика взаимосвязи ограничений прав и свобод личности в условиях различных правовых режимов; обнаружена и доказана взаимосвязь ограничения прав и свобод личности в целях защиты здоровья населения и синергетической природы конституционного права на охрану здоровья;

- сформулировано авторское определение позитивной дискриминации в целях защиты здоровья, под которой предлагается понимать правовое регулирования конституционного статуса человека, сущность которого заключается в создании более благоприятных условий для лиц, относящихся к той или иной менее защищенной в силу естественных причин категории населения в сравнении с другими, а также исследована ее роль в обеспечении защиты здоровья населения.

- определены общие принципы введения ограничений прав и свобод в целях защиты здоровья населения стран-членов евразийского экономического совета, на основе которых сформулированы предложения по точечной имплементации норм, регламентирующих основания и порядок ограничений прав и свобод личности в целях охраны и защиты здоровья населения в указанных странах для российской правовой системы и практики. Обосновано заимствование опыта Республики Беларусь в вопросах закрепления обязанности граждан заботиться о своем здоровье, сопряженной с необходимостью их самоизоляции при заболевании, а также установления института предварительного конституционного контроля федеральных нормативных актов, ограничивающих права человека в целях защиты здоровья других лиц и нации.

На защиту выносятся следующие положения, которые являются новыми или содержат существенные элементы научной новизны.

1. Под ограничением прав и свобод человека в целях защиты здоровья населения предлагается понимать сужение объема прав и свобод, не

влекущее их уничтожение или деформацию материального содержания, направленное на обеспечение состояния совокупной защищенности населения определенной территории от заболеваний. Проявлением такого сужения объема прав и свобод является исключение возможности реализации правомочий, составляющих конкретное конституционное право при определенных условиях в конституционно установленных целях.

В виду конституционно установленных принципов и критериев ограничения прав и свобод человека и гражданина в целях практического обеспечения принципов достаточности и соразмерности ограничений предложена авторская классификация: по процедуре введения – обычные (вводимыми в порядке, предусмотренном ч. 3 ст. 55 Конституции РФ) и чрезвычайные (вводимыми в порядке ст. 56, 87 и 88 Конституции РФ) ограничения; по субъектам – общие, относящиеся ко всем гражданам, и специальные, касающиеся отдельных категорий граждан; по времени действия – временные и постоянные; по основанию для введения – ординарные – существующие независимо от общественной ситуации, и экстраординарные – вводимые в результате событий, требующих особой охраны здоровья населения.

2. В зависимости от природы возникновения основаниями установления особых правовых режимов могут быть стихийные (природные и антропогенные) и политические факторы. Введение чрезвычайного положения в результате стихийных обстоятельств прямо преследует цель защиты здоровья населения. Введение чрезвычайного положения вследствие политических обстоятельств направленно на защиту здоровья населения опосредовано. Карантин и самоизоляция не являются самостоятельными правовыми режимами, их следует рассматривать как мероприятие или комплекс мероприятий, вводимых в определенных правовых режимах для недопущения распространения заболеваний.

В целях систематизации оснований введения особых правовых режимов и ограничительных мер предложена сравнительная таблица

(Приложение 1), которая демонстрирует особенности введения особых правовых режимов, допустимые в их рамках конституционные ограничения прав и свобод личности, а так же соотношение с ними ограничительных мероприятий (карантина и самоизоляции), что позволило не только систематизировать имеющиеся научные разработки в данной сфере, но и предложить новый концептуальный подход к их нормативному правовому оформлению.

3. Здоровье населения с точки зрения конституционного права, как объект ограничения основных прав и свобод личности в частной и общественно-публичной сферах, представляет собой общественное благо, гарантируемое посредством интегральных показателей обеспечения здоровья граждан, к которым относятся эффективная инфраструктура сферы здравоохранения, меры государственной политики по поддержке здоровья неограниченного круга лиц, обеспечивающие комфортную среду обитания и общее состояние защищенности населения от заболеваний различного генеза.

4. Ограничение прав и свобод личности в целях защиты здоровья населения в сфере экономической, социальной и культурной деятельности имеет комплексную цель, поскольку выявлена и доказана прямо пропорциональная зависимость уровня здоровья населения от реализации права на охрану здоровья каждого конкретного человека. В основе обеспечения необходимого уровня здоровья населения лежит синергетический эффект реализации права на охрану здоровья личности.

5. Позитивная дискриминация имеет две основные цели – индивидуально-личную и общественную. Первая цель – поддержание конкретных менее защищенных категорий лиц в той или иной ситуации, посредством «уравнивания» их конституционно-правового статуса с более защищенными лицами. Вторая – обеспечение нормального функционирования сфер общественной жизни путем создания дополнительных гарантий для менее защищенных категорий населения (например, индивидуально-личная цель позитивной дискриминации при

создании более благоприятных условий труда для медицинских кадров – поддержка категории работников, оказавшихся в тяжелых и опасных для жизни условиях, общественная цель – сохранение ценных медицинских специалистов в условиях тяжелой эпидемиологической обстановки,).

6. Эффективным правовым инструментом обеспечения здоровья населения может стать заимствованный опыт Республики Беларусь в части установления обязанности граждан заботиться о своем здоровье. Такая обязанность должна влечь действия, направленные на частичное самоограничение таких прав, как право на труд, право на образование, право на участие в культурной жизни в случае наличия инфекционного заболевания у человека. Соответствующая обязанность должна быть нормирована посредством запрета и последующего императива: не осуществлять действия, влекущие за собой нарушение прав других граждан на охрану здоровья, в том числе в случае установления факта инфекционного заболевания; оформлять временную нетрудоспособность и не посещать место работы, учебы, иные публичные места до полного выздоровления.

7. На основе правоприменительной практики определено, что органы конституционного контроля стран-участников ЕАЭС во всех случаях ограничения прав и свобод в целях защиты здоровья населения формулируют правовую позицию о необходимости соблюдения принципов соразмерности, адекватности и справедливости вводимых ограничений. Указанные принципы составляют концептуальную основу правомерности ограничения основных прав и свобод в целях защиты здоровья населения.

Выявлена специфика конституционного контроля в Республике Беларусь, состоящая в обязательном предварительном конституционном контроле всех нормативных актов федерального уровня, устанавливающих ограничение прав и свобод человека и гражданина, в том числе, в целях защиты здоровья населения. Предлагается адаптация данного опыта в российском правовом порядке. Конституированная в Российской Федерации концепция предварительного конституционного контроля должна быть

дополнена особым направлением: обязательная проверка федеральных законов, устанавливающих ограничения прав и свобод человека в целях охраны здоровья.

Теоретическая значимость исследования заключается в полученных результатах, обогащающих науку конституционного права, развивающих конституционную теорию ограничений прав и свобод человека в целях защиты здоровья населения. Сформулированные автором положения и обобщенные выводы позволяют выявить сущностные характеристики ограничений прав и свобод личности как правового явления, определить роль ограничений в механизме защиты здоровья населения, специфичные черты ограничения отдельных категорий прав и свобод человека и гражданина в целях защиты здоровья населения, а также установить общие фундаментальные принципы ограничения прав и свобод личности в законодательстве и правоприменительной практике стран-членов ЕАЭС и высказать предложения о целесообразности и возможности применения опыта этих стран в отечественной публично-правовой науке.

Основные положения диссертационного исследования позволяют расширить теоретические знания о механизме реализации конституционных ограничений прав и свобод личности в целях защиты здоровья населения. Предложенный системный подход к основаниям и процедуре ограничений прав и свобод человека и гражданина в целях защиты здоровья населения способствует углубленному пониманию недостатков существующего нормативного правового регулирования и определению направлений дальнейшего совершенствования и развития теории конституционного права.

Практическая значимость исследования обусловлена возможностью использования полученных результатов, выводов и предложений, содержащихся в работе, для научно обоснованного развития российского законодательства и совершенствования практики ограничения прав и свобод в целях защиты здоровья населения.

По результатам исследования в целях обеспечения охраны здоровья населения на основе ч. 3 ст. 55 Конституции РФ предлагается внесение изменений в ст. 1 федерального закона «Об иммунопрофилактике инфекционных болезней». Автором обосновывается целесообразность законодательного закрепления дефиниции «обязательная вакцинация», под которой предложено понимать медицинское мероприятие по проведению профилактических прививок по эпидемическим показаниям категориям граждан, определенным в установленном законом порядке, отсутствие которых влечет за собой ограничение права на образование, свободы труда, свободы передвижения.

Предлагается дополнить ст. 10 федерального закона «Об иммунопрофилактике инфекционных болезней» п. 4, изложив его в следующей редакции: «Уклонение граждан, подпадающих под категории, подлежащих обязательной вакцинации в соответствии с календарем профилактических прививок по эпидемическим показаниям, влечет за собой ограничение свободы передвижения, выражающееся в принудительной самоизоляции на период до отмены главным государственным санитарным врачом Российской Федерации, главным государственным санитарным врачом субъекта Российской Федерации, принявшим решение о проведении профилактических прививок по эпидемическим показаниям, соответствующего решения».

Аргументируется целесообразность закрепления в Федеральном законе от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения», обязанности заботиться не только о своем здоровье, но и здоровье неограниченного круга лиц. В этих целях предложена новая редакция аб. 4 ст. 10 указанного закона: «не осуществлять действия, влекущие за собой нарушение прав других граждан на охрану здоровья и благоприятную среду обитания, в том числе, в случае установления факта инфекционного заболевания, в порядке, установленным законом, оформлять временную нетрудоспособность и не посещать место

работы, учебы и иные публичные места до полного выздоровления, подтвержденного медицинским заключением».

Апробация результатов исследования. Диссертация обсуждена на кафедре конституционного права ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» и рекомендована к защите.

Основные положения и выводы, содержащиеся в диссертационном исследовании, отражены в научных публикациях и были представлены на международных и всероссийских научно-практических конференциях, в том числе: «Актуальные проблемы правового, социального и политического развития России» (2022 г., Саратов, ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского»); «Реализация социальных прав и свобод человека и гражданина с использованием искусственного интеллекта» (2022 г., Москва, ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»); «Права человека: история, теория, практика» (2023 г., Курск, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»); «Тамбовские правовые чтения им. Ф.Н. Плевако» (2023 г., Тамбов, ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»); «Взаимодействие власти, бизнеса и общества в правовом воспитании граждан» (2024 г., Саратов, ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского»); «Государственное управление и развитие России: вызовы, стратегии и перспективы» (2025 г., Москва, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ»), «Теоретические и практические вопросы фундаментальных и прикладных научных исследований» (2025 г., Уфа, Научно-издательский центр «Вестник науки»).

По теме диссертационного исследования опубликовано девять научных статей, в том числе три статьи в ведущих рецензируемых научных изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации.

Кроме того, материалы диссертационного исследования внедрены в образовательный процесс ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» и ФГБОУ ВО «Курский государственный аграрный университет им. И.И. Иванова» при преподавании дисциплин конституционное право и права человека. Выводы и результаты диссертационного исследования используются научным коллективом юридического факультета ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» при работе над государственным заданием на проведение научного исследования на тему «Правовые меры обеспечения стратегических приоритетов по противодействию угрозам национальной безопасности».

Структура и содержание диссертации определены целью и задачами исследования. Работа состоит из введения, трех глав, объединяющих семь параграфов, заключения, списка литературы и одного приложения.

Глава 1. Ограничение прав и свобод в конституционном праве России

§ 1.1. «Ограничение прав и свобод»

как категория конституционного права

Достижением современной российской демократии явилось признание и закрепление в Основном законе неотъемлемых прав и свобод человека и гражданина, что свидетельствует о правовом характере российского государства¹. Ст. 2 Конституции Российской Федерации человека, его права и свободы провозглашает высшей ценностью современного Российского государства. Данная норма лежит в основе всей правовой системы России. В ней закреплено признание государством человека и его прав как основной конституционной ценности.

Несмотря на то, что в настоящее время в России не сформировалось единого подхода в науке к концепции прав человека², по мнению профессора Б.С. Эбзеева, данная норма является проявлением признания Конституцией Российской Федерации человека самоценностью³. Данный подход основан на общепризнанных моральных позициях о равенстве между собой всех людей, которые стали одним из лозунгов демократических преобразований в обществе. Результатом указанных преобразований стала их конституционализация, то есть, обретение ими конституционного смысла⁴, возведение в ранг конституционного положения⁵, в частности для Российской Федерации в ст. 2 Конституции. Данная статья косвенно обязует

¹ Система защиты прав человека в Российской Федерации: учебник / Г.Н. Комкова, Е.А. Абаева, Н.Н. Аверьянова [и др.]. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Проспект", 2023. С. 219.

² Павленко Е.М. Современные подходы к развитию научного знания о правах человека // Вестник Филиала Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова в Душанбе. 2024, Т.2, №2 (40). С. 48-58.

³ Эбзеев Б.С. Статья 2. Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В.Д. Зорькина. 3-е изд., пересмотр. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2013. С. 61.

⁴ Плотникова И.Н. «Конституционализация»: к вопросу о понятии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2021. Т. 21. Вып. 2. С. 188.

⁵ Шупицкая О.Н. Конституционализация права и правовая система // Юридический вестник ДГУ. 2018. Т. 28. № 4. С. 105.

государство создать эффективный, развитый, сложный механизм защиты и реализации прав человека, и наоборот – наделяет человека правом требовать соблюдения принадлежащих ему прав и создания необходимых условий для их реализации¹. Представляется возможным согласиться с утверждением М.С. Пермиловского, что данную норму следует считать одной из нормативных основ конституционного антропоцентризма, заложенного в основах конституционного строя². Как верно отмечает В.Т. Кабышев: «Конституционные права и свободы человека и гражданина, составляя субстанцию конституционализма, обладают специфическим набором средств и методов своей защиты, к каковым относятся конституционно-судебные механизм, судебная защита, административные действия органов исполнительной власти, законная самозащита человеком своих прав, международно-правовой механизм»³.

Таким образом, центральной идеей построения конституционного строя России является необходимость гарантирования защиты и беспрепятственной реализации прав человека, тем самым – обеспечение его гармоничного существования. В таком контексте права человека должны толковаться, имея своей конечной целью обеспечение максимальной пользы для него⁴, необходимо выстраивать эффективные взаимоотношения власти и личности⁵.

Тем не менее, провозглашение человека и его прав высшей ценностью не следует воспринимать как норму, возводящую данные ценности в ранг абсолюта посредством умаления иных конституционных ценностей. В

¹ Эбзеев Б.С. Статья 2. Комментарий к Конституции Российской Федерации. 2013. С. 61.

² Пермиловский М.С. Конституционная аксиология прав человека: философия антропоцентризма в конституционном праве // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 3. С. 9.

³ Кабышев В.Т. Российский конституционализм на рубеже тысячелетий // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2001. № 4 (237). С. 70.

⁴ Там же. С. 9.

⁵ Комкова Г.Н. Конституционные принципы взаимоотношений власти и личности: реализация в современной России // Lex Russica (Русский закон). 2009. Т. 68, № 2. С. 344-351.

практической плоскости это касается, в первую очередь, реализации прав одного человека в ущерб прав других людей.

Рассуждая о самоценности человека и его прав, Б.С. Эбзеев отмечает, что признание в ст. 2 Конституции Российской Федерации их (человека и его прав) высшей ценностью, свидетельствует об их атрибутивном, по отношению к человеку, характере¹. Данная позиция проистекает из концепции естественных прав человека, согласно которой права принадлежат каждому с момента его рождения, а не даруются ему государством. В таком случае государство выступает не всемогущим сувереном, а гарантом прав, обеспечивающим их. Следовательно, государство не может изъять у человека его права.

Однако абсолютизация прав человека может привести к ущемлению иных конституционных ценностей. В том числе возможна ситуация нарушения прав одного человека в ходе реализации прав другого. Для предотвращения подобных ситуаций, в соответствии с ч. 3 ст. 17 Конституции РФ осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц. Данное правило так же проистекает из ст. 2 Конституции РФ, однако теперь оно работает в направлении установления границ прав человека, пытающегося их использовать параллельно с ущемлением прав другого человека или группы лиц. Системное толкование ст. 2 и ч. 3 ст. 17 Конституции РФ свидетельствует о возможности и необходимости установления границ прав человека. Такая необходимость: «проистекает из естественного сочленства индивида в обществе, в котором только и возможно его становление как личности и в этом смысле является атрибутивным свойством человеческой личности и потребностью социального развития»².

В подобном ключе сформулированы идеи философов – творцов концепции общественного договора. Так, по Т. Гоббсу: «при установлении

¹ Эбзеев Б.С. Статья 2. Комментарий к Конституции Российской Федерации. 2013. С. 61.

² Эбзеев Б.С. Статья 17. Комментарий к Конституции Российской Федерации. 2013. С. 173.

государства люди руководятся стремлением избавиться от бедственного состояния войны, являющегося ... необходимым следствием естественных страстей людей там, где нет видимой власти, держащей их в страхе и принуждающей их угрозой наказания к выполнению их соглашений и к соблюдению естественных законов»¹. В условиях отсутствия достаточно сильной власти, имеющей целью обезопасить каждого, всякий человек будет законно применять всю «свою физическую силу и ловкость», чтобы обезопасить исключительно себя².

Похожей точки зрения придерживается Дж. Локк, который считает, что в отсутствии субъекта, обладающего большей властью, чем сами люди, а также законов, ограничивающих их абсолютную свободу, человек может перейти от естественного состояния в состояние войны³. Во избежание данной ситуации люди объединяются в общество, в котором создаются законы, общие для всех и защищающие одних лиц от «непостоянной, неопределенной, неизвестной самовластной воли другого человека»⁴.

Таким образом, идея об ограничении прав человека в целях защиты тех самых прав была неотъемлемой частью учения об общественном договоре. Сама суть создания государства, в идеях творцов указанной концепции, сводилась к обеспечению и защите прав человека, в первую очередь от произвола других лиц, в том числе от использования ими своих прав в ущерб другим людям.

Ограничения прав человека возможны и даже необходимы для обеспечения истинного равенства прав людей. Однако предусмотренные в российской Конституции положения об ограничении прав человека предусматривают возможность ограничения не только в целях защиты прав человека, но и в целях защиты иных благ. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 55 Конституции РФ права и свободы человека и гражданина могут быть

¹ Гоббс Т. Левиафан // Т. Гоббс. Москва. РИПОЛ классик, 2017. С. 169.

² Там же. С. 172

³ Локк Дж. Два трактата о правлении // Сочинения в трех томах / пер. с англ. и лат. Т. 3 / ред. и сост., авт. примеч. А.Л. Субботин. Москва.: Мысль, 1988. С. 270-274.

⁴ Там же. С. 273-275.

ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Аналогично, ч. 1 ст. 56 Конституции РФ, закрепляет в качестве цели ограничения прав человека (кроме обеспечения безопасности граждан) – обеспечение защиты конституционного строя. Тем не менее, не смотря на более широкие объекты защиты посредством ограничения прав человека, сформулированные в указанных конституционных нормах все они (защищаемые объекты) так или иначе восходят к защите прав человека: защита основ конституционного строя от внешних и внутренних посягательств на сложившийся конституционный строй, в том числе признание человека и его прав высшей ценностью, народного суверенитета, демократизма, социального характера Российского государства, политического и идеологического многообразия и других основ конституционного строя, необходимых для действительного существования человека как высшей конституционной ценности; защиты здоровья населения, в том числе конкретной личности; обеспечения обороны страны и безопасности государства от военного либо иного воздействия на государства, гипотетически способного так же навредить человеку, его жизни, здоровью, свободе.

Следует отметить, что возможность введения ограничений прав гражданина предусмотрено не только Конституцией РФ, но и международными актами. Так, возможность введения ограничений предусматривают: Всеобщая декларация прав человека 1948 г. (ст. 29), Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г. (ст. 4-5), Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. (ст. 4-5)¹.

¹ Всеобщая декларация прав человека: принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10.12.1948 г. // «Российская газета». 1995. № 67; Международный пакт о гражданских и политических правах: принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16.12.1966 г. // «Ведомости Верховного Совета СССР». 1976. № 17. Ст. 291;

Таким образом, тактическая цель, которая выражается в ограничении прав человека, прямо или опосредованно преследует стратегическую – защиту прав и свобод неопределенного круга лиц.

В контексте указанного правового дуализма следует обратить внимание на позицию немецкого исследователя К. Штерна: «все основные права, даже если они исходят из естественных прав человека, имеют предпосылкой своего существования, с одной стороны, наличие государства, которое их гарантирует и защищает, с другой – противостояние именно этого государства основным правам. Из этой дилеммы может быть только один выход: провести тонкое, дифференцированное разграничение между сферой защиты основных прав и их ограничениями»¹. Анализируя данную идею К. Штерна, М.А. Краснов утверждает, что: «государство одновременно обязано и защищать права, и ограничивать их во имя защиты публичного интереса и иных правообладателей»².

Таким образом, можно сделать вывод, что ограничения прав и свобод гражданина преследуют в качестве одной из центральных своих целей защиту прав. Несмотря на кажущуюся, на первый взгляд антагонистичность данных явлений, можно утверждать, что ограничение прав человека является опосредованным проявлением правозащитной функции государства. По мнению отечественных ученых в области теории государства и права, в данных функциях проявляется сущность государства³. Проявляющаяся в данной стратегической (правозащитной) и тактической (защита прав через ограничение прав человека) функциях сущность государства так же

Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах: принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16.12.1966 г. // «Ведомости Верховного Совета СССР». 1976. № 17 (1831).

¹ Штерн К. Защита основных прав и их ограничения // Государственное право Германии: Пер. с нем.: В 2 т. Т.2. М.: Институт государства и права РАН, 1994. С.185.

² Краснов М.А. Некоторые аспекты проблемы ограничения конституционных прав (на примере экономических прав)// Сравнительное конституционное обозрение. 2013. № 1 (92). С. 82.

³ См.: Кулапов В.Л. Теория государства и права: учебник. Саратов.: Издательство СГАП, 2011. С. 157; Нерсисянц В.С. Теория права и государства: учебный курс. Москва.: Норма: ИНФРА-М, 2013. С. 67.

коррелирует с идеями о государстве и правах человека в воззрениях великих просветителей. Но самое главное, использование в качестве вектора ограничения прав человека их же защиту, не только не нарушает, но и подтверждает положения ст. 2 Конституции Российской Федерации.

Обнаружение природы ограничения прав и свобод гражданина как проявления правозащитной функции государства все же не раскрывает сущность самой правовой категории ограничения прав и свобод гражданина. В правовой науке сегодня существует множество подходов к определению данной категории, что свидетельствует об отсутствии единства касательно сущности ограничения прав и свобод гражданина. Косвенно на это указывает В.Г. Романовский¹.

Так, В.И. Гойман считает, что ограничения права – это осуществляемое в соответствии с предусмотренными законом основаниями и в установленном порядке сужение его объема². По мнению Б.С. Эбзеева под ограничениями следует понимать допускаемые Конституцией и установленные федеральным законом изъятия из конституционного статуса человека и гражданина, а также изъятия из круга правомочий, составляющих нормативное содержание основных прав и свобод³. А.В. Малько определяет ограничения прав как: «правовое сдерживание противозаконного деяния, создающее условия для удовлетворения интересов контрсубъекта и общественных интересов в охране и защите ... установленные в праве границы, в пределах которых субъекты должны действовать, это исключение

¹ Романовский В.Г. Ограничения прав человека в современном конституционном праве России // Наука. Общество. Государство. 2019. Т. 7, № 4 (28). С. 16-21.

² Гойман В.И. Принципы, пределы, основания ограничения прав и свобод человека по российскому законодательству и международному праву// Государство и право. 1998. № 7. С. 26-27.

³ Эбзеев Б.С. Конституционное право России: Учебник для обучающихся образовательных организаций по направлению подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» (уровень бакалавриата), по направлению подготовки 40.04.01 «Юриспруденция» (уровень магистратуры) / Б.С. Эбзеев. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Проспект», 2019. С. 322.

определенных возможностей в деятельности лиц»¹. А.А. Подмарев рассматривает ограничения прав и свобод человека и гражданина как установленные федеральными законами в конституционных целях границы, рамки, пределы реализации человеком (гражданином) его прав и свобод, соразмерные этим целям².

Ряд проведенных диссертационных исследований так же демонстрируют многообразие подходов и определений ограничения прав человека. Так, А.А. Смирнов предлагает под ограничением прав рассматривать «правовое сдерживание» гипотетических действий со стороны физических лиц – носителей основных прав и свобод³. В.Н. Агеев отождествляет ограничения прав с узаконенными пределами реализации этих прав, устанавливаемых в целях достижения компромисса между интересами человека и интересами общества, государства и других лиц⁴. По мнению А.В. Ашихминой, сущность ограничений прав сводится к временному сокращению (посредством издания закона) самой возможности использования блага, которое представляет собой предмет данного права⁵. Широко трактует ограничение прав человека Е.Е. Грецова, предлагая понимать под ним необходимое, законное, целесообразное и соразмерное вмешательство в права и свободы человека⁶. Противоречивый подход к пониманию сущности ограничения прав у Ю.В. Казимирской, согласно

¹ Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве: монография. 2-е изд. перераб. и доп. Москва.: Юрист, 2003. С. 91.

² Подмарев А.А. Ограничение прав и свобод человека и гражданина: определение конституционного понятия// Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: юридические науки. 2014. № 9. С. 13.

³ Смирнов А.А. Ограничение прав и свобод человека и гражданина Российской Федерации при обеспечении обороны страны и безопасности государства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва. 2007. С. 8.

⁴ Агеев В.Н. Конституционные ограничения основных прав и свобод личности в Российской Федерации: теория, история, практика: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань. 2006. С. 10.

⁵ Ашихмина А.В. Конституционно-правовой механизм ограничения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва. 2008. С. 14.

⁶ Грецова Е.Е. Правомерные ограничения прав и свобод человека в международном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва. 2009. С. 7-8.

которому ограничение – это установление государством на основе конституции границ (уменьшении объема) дозволенного поведения законопослушного лица¹. Последний подход вызывает много вопросов, поскольку не позволяет точно определить отношение его автора к концепту ограничения прав – установление границ не влечет за собой уменьшение объема санкционированного поведения, а препятствует противоправному поведению. Таким образом, в данном случае, автор определил как синонимичные разные по наполнению сущности.

Приведенное многообразие определений дефиниции «ограничения прав и свобод гражданина» подтверждает тезис об отсутствии единства в юридической науке касательно подхода к установлению природы исследуемого правового явления.

Анализ изученных определений позволяет выделить как минимум три варианта подхода к определению содержания и сущности категории «ограничения прав и свобод гражданина»: 1) ограничения прав и свобод – это сужение объема права (В.И. Гойман, А.А. Смирнов); 2) ограничения прав и свобод – это установление их границ, пределов (А.В. Малько, А.А. Подмарев, В.Н. Агеев); 3) ограничения прав и свобод – это изъятия из правового статуса человека и гражданина (Б.С. Эбзеев).

Интересной интегративной точки зрения придерживается А.В. Ашихмина, которая считает, что ограничения прав могут проявляться в двух вариантах: «либо как полный запрет определенного права (свободы), ... либо как уменьшение вариантов возможного, дозволенного поведения (в рамках конкретного права или свободы) путем установления властеносителем, прежде всего субъектами законотворчества, различного рода пределов (пространственных, временных рамок, субъектных и т.д.)

¹ Казимирская Ю.В. Конституционно-правовые основы ограничения личных (гражданских) прав и свобод человека и гражданина в России и зарубежных странах: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва. 2016. С. 10.

такого поведения»¹. То есть, по мнению данного исследователя, ограничение может выражаться как в форме тотального запрета права, так и в форме установления пределов использования права – последний вариант будет рассмотрен позже. Похожей точки зрения придерживается Н.М. Колосова².

Одна из указанных точек зрения на природу ограничений прав и свобод устанавливает тождество исследуемой категории с еще одной дефиницией, используемой в науке конституционного права – пределами прав и свобод гражданина. Следует отметить, что пределы прав и свобод не единственная научно-правовая категория схожая, на первый взгляд синонимичная, ограничениям прав и свобод гражданина. Так, в конституционном праве встречаются следующие термины: «умаление прав», «лишение прав», «отчуждение прав», «изъятия прав». Для более полного и глубокого понимания природы категории ограничения прав человека и гражданина необходимо провести их сравнительно-правовое исследование с указанными научными терминами, выявить их соотношение. Первым рассмотрим соотношение понятий «ограничениям прав и свобод гражданина» и «пределы прав и свобод гражданина».

Из ученых, чьи работы были исследованы, относительное большинство (А.В. Малько, А.А. Подмарев, В.Н. Агеев) отождествляет данные правовые категории. Косвенно отождествляет пределы и ограничения прав А.А. Умарова³, а также, в качестве одного из возможных вариантов проявления ограничений прав, пределы рассматривает А.В. Ашихмина⁴.

¹ Ашихмина А.В. Конституционно-правовой механизм ограничения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва. 2008. С. 13.

² Колосова Н.М. Прямое действие Конституции Российской Федерации и ограничение конституционных прав и свобод человека и гражданина в контексте судебной практики // Журнал российского права. 2019. № 8. С. 36-47.

³ Умарова А.А. Институт правовых ограничений: общетеоретическое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Грозный. 2018. С. 11.

⁴ Ашихмина А.В. Конституционно-правовой механизм ограничения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва. 2008. С. 13.

Рассматривают ограничения прав в качестве пределов также и Л.Д. Воеводин¹, А.Ф. Квитко², М.Л. Жилина³, Е.Ш. Рассолова⁴, С.А. Бажукова⁵, Н.С. Бондарь и А.А. Джагарян⁶ и ряд других исследователей⁷.

Следует обратить внимание на определение ограничений прав и свобод, которое дает Е.Е. Грецова. Несмотря на то, что ученый максимально пространно определяет ограничения прав и свобод, раскрывая его через термин «вмешательство», по итогу сравнительного анализа ограничений и

¹ Воеводин Л.Д. Юридический статус личности в России / Л.Д. Воеводин. М.: ИНФРА•М–НОРМА, 1997. С. 241.

² Квитко А.Ф. Конституционно-правовые основы ограничения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2007. С. 13.

³ Жилина М.Л. Конституционно-правовые ограничения политических прав и свобод граждан Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005. С. 70.

⁴ Рассолова Е.Ш. Ограничения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: конституционно-правовое исследование: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 12.

⁵ Бажуков С.А. Соотношение понятий «Естественные пределы права» и «Ограничение права» на примере избирательных прав граждан // Юридические записки. 2014. № 2. С. 66.

⁶ См.: Бондарь Н.С., Джагарян А.А. Самовыдвижение на выборах: конституционная ценность и (или) социально-политическая целесообразность? // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 5. С. 31; Конституционная ценность избирательных прав граждан России / Н. С. Бондарь, А. А. Джагарян; Российская ассоциация избирательного права. Москва: Формула права, 2005. 334 с.

⁷ См.: Москаленко Т.О. Конституционно-правовые основания ограничения прав и свобод человека и гражданина в целях обеспечения безопасности Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 10; Щеголева Н.А. Конституционно-правовой анализ ограничений прав и свобод граждан в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Орел, 2004. С. 10.; Стародубцева И.А. Конституционные ограничения пассивного избирательного права в России и зарубежных странах // Права и свободы человека и эффективные механизмы их реализации в мире, России и Татарстане: материалы международной научно-практической конференции, 28-29 ноября 2013 г. Казань: Познание, 2014. С. 737; Стародубцева И.А. Конституционные ограничения пассивного избирательного права в России и зарубежных странах // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 4. С. 25-28; Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Отв. ред. кандидат юридических наук А.А. Вешняков; Науч. ред. доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации В.И. Лысенко. М.: Объединённая редакция МВД России, 2007. С. 103. Нудненко Л.А. К вопросу о понятии и субъектах пассивного избирательного права // Государство и право. 2014. № 3. С. 13; Белкин А.А. Избранные работы 90-х годов по конституционному праву. СПб., 2003. С. 204.

пределов им формулируется следующий вывод: «Пределы представляют собой некие границы (или рамки) осуществления прав и свобод; ... Ограничение прав и свобод представляет собой как раз установление пределов, т.е. границ осуществления и пользования правами и свободами, превышение которых и будет считаться злоупотреблением или нарушением установленных прав и свобод. В этом состоит сходство рассматриваемых понятий. Но если пределы осуществления права определяют условия реализации права и не направлены на сужение его объема, то ограничение права представляет собой вмешательство в право, а значит, сужает его объем»¹. То есть, Е.Е. Грецова по основному вопросу соотношения ограничений с пределами устанавливает связь предмета и способа его установления. Пределы, в таком понимании, являются рациональным зерном ограничений, а последние не являются самостоятельной категорией и полностью, по существу, определяются первыми. Пределы – границы прав и свобод, ограничения – способ установления пределов. На наш взгляд, данный подход не соответствует Конституции России, а значит, и объективной правовой действительности. Так, ч. 1 ст. 56 Конституции России закрепляет, что: «В условиях чрезвычайного положения для обеспечения безопасности граждан и защиты конституционного строя в соответствии с федеральным конституционным законом могут устанавливаться отдельные ограничения прав и свобод с указанием пределов и срока их действия». Из данной нормы следует, что Конституция России определяет ограничения не как процесс установления пределов, а как сам результат деятельности, которая имеет строго установленную процедурную форму.

Также представляется невозможным соглашение с утверждением о тождественности ограничений и пределов прав гражданина. С точки зрения лингвистического анализа можно выделить два варианта значения данного термина: 1) ограничение как производное от слова «ограничить»,

¹ Грецова Е.Е. Правомерные ограничения прав и свобод человека в международном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва. 2009. С. 8.

применяемое в первую очередь к физическим процессам (например, ограничение скорости), 2) правило, установление, норма, определяющие какие-то границы, рамки, условия¹. В рамках исследуемых вопросов наиболее подходящим представляется второй вариант понимания ограничения. В свою очередь, термин «предел» имеет значительно больше вариантов понимания, однако наиболее подходящим представляется следующий, применимый обычно к множественной форме данного понятия: граница, рамки чего-либо принятого, установленного, дозволенного². Как видно из вариантов понимания терминов, с точки зрения лингвистики русского языка, возможен подход схожий с тем, который предлагает Е.Е. Грецова. Однако данный вариант не соответствует нормам Конституции России, а также догмам теории конституционного права. В то же время подход в русле отождествления данных категорий представляется невозможным и с точки зрения семантики данных слов.

В науке конституционного права существует немало критических позиций к данному подходу. Так, по мнению Б.С. Эбзеева следует отличать от ограничений основных прав имманентные пределы основных прав, которые зафиксированы в Конституции и отличаются от них по своей социальной и юридической природе³. Такой же подход признается и О.И. Тиуновым⁴. Данный подход природы имманентных пределов проистекает из соответствующей концепции имманентных пределов прав человека, разработанной Федеральным Конституционным Судом Германии⁵. В таком

¹ Большой толковый словарь русского языка / [гл. ред. С. А. Кузнецов]. - Санкт-Петербург: Норинт; Москва: Рипол классик, 2008. [сайт]. URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovyj-slovar> (дата обращения: 03.07.2022).

² Большой толковый словарь русского языка / [гл. ред. С. А. Кузнецов]. - Санкт-Петербург: Норинт; Москва: Рипол классик, 2008. [сайт]. URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovyj-slovar> (дата обращения: 03.07.2022).

³ См.: Эбзеев Б.С. Статья 55. Комментарий к Конституции Российской Федерации. 2013. С. 506; Эбзеев Б.С. Конституционное право России: учебник. М.: Проспект, 2019. С. 321.

⁴ Конституционные права и свободы человека и гражданина в Российской Федерации: учеб. для вузов; под ред. О.И. Тиунова. - Москва: НОРМА, 2005. С. 309-310.

⁵ См.: Краснов М.А. Ограничение прав человека или поиск их естественных пределов? // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2009. № 2. С. 103; Ковалев Д.О. Понятие и

понимании природа имманентных пределов тесно связывает их с конституцией, ее высшей юридической силой. По существу, пределы прав отличаются от ограничений прав актом, который их закрепляет, и сопровождается тем самым соответствующий уровень правовой защищенности вводимых ими пределов и ограничений. То есть, по мнению Б.С. Эбзеева, основывающего свою позицию на концепции немецкого Федерального Конституционного Суда, различия между ограничениями и пределами сводятся не к их природе, а к форме, к нормативно-правовому акту их закрепляющему.

На наш взгляд, полностью с данной позицией согласиться нет возможности. С одной стороны, ч. 3 ст. 55 Конституции России четко указывает, что права и свободы человека могут быть ограничены путем издания федерального закона. Следовательно, содержащиеся в Конституции РФ границы прав и свобод человека и гражданина формально не могут претендовать на статус ограничений. С другой стороны, данное формальное отличие представляется второстепенным. Так, сведение сущности имманентных пределов прав человека к их фиксации в нормах конституции устанавливает ее источником не только этих пределов, но и самих прав, поскольку имманентный характер пределов подтверждает их неразрывную связь с природой собственно прав. Такой подход прямо противоречит концепции естественных прав человека.

Похожей точки зрения придерживается М.А. Краснов, утверждающий, что: «посредством конституционного и законодательного регулирования прав человека их границы не определяются, а лишь происходит юридическая экспликация (формализованное выявление) изначально существующих границ, т.е. естественных пределов этих прав»¹.

сущность имманентных ограничений политических прав и свобод граждан России // Правовая политика и правовая жизнь. 2020. № 4. С. 179.

¹ Краснов М.А. Ограничение прав человека или поиск их естественных пределов? // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2009. № 2. С. 104.

В таком случае пределы, в силу своего имманентного характера, являются естественными границами прав. «Пересекая» данные границы, субъект права либо переходит к использованию иных прав, либо злоупотребляет первым правом, пределы которого были нарушены, чем ущемляет права и свободы других лиц, интересы общества и государства.

Рассмотрим теперь точку зрения, по которой ограничение прав и свобод отождествляется с сужением круга возможностей субъекта. Кроме А.А. Смирнова и В.И. Гоймана в данном контексте ограничения прав рассматривают С.С. Алексеев¹, Л.Л. Беломестных², А.А. Троицкая³, О.А. Снежко, называя их «законодательно определенными стеснениями правомочий субъекта»⁴.

Определение ограничений прав данное А.А. Смирновым подводит к необходимости сравнительного анализа ограничений прав с еще некоторыми правовыми категориями, близкими к ним по смыслу. Так, определяя по существу ограничения прав как сужение их объема, А.А. Смирнов выделяет в качестве возможных способов такого сужения уничтожение, изъятие либо умаление соответствующего блага⁵. Несмотря на то, что ученый не использует данные термины как синонимы ограничения прав, их обозначение в данном им определении подводит к анализу двух вопросов, тактического – возможно ли применение дефиниций «уничтожение», «изъятие» либо «умаление блага» для раскрытия сути ограничения прав – и стратегического – можно ли провозгласить тождество между ограничениями прав, с одной стороны, и уничтожением, изъятием либо умалением, с другой.

¹ Беломестных Л.Л. Ограничение прав и свобод человека и гражданина: теоретический аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 7.

² Алексеев С.С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. М., 1989. С. 67.

³ Троицкая А.А. Конституционно-правовые пределы и ограничения свободы личности и публичной власти: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 9.

⁴ Снежко О.А. Пределы законодательных ограничений социальных прав // Сравнительное конституционное обозрение. 2011. № 2. С. 36.

⁵ Смирнов А.А. Ограничение прав и свобод человека и гражданина Российской Федерации при обеспечении обороны страны и безопасности государства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва. 2007. С. 8.

Представляется, что для дачи верных ответов на поставленные вопросы необходимо осуществить семантический анализ исследуемых дефиниций. Так, категория «уничтожение» является производным от глагола «уничтожить», имеющего несколько значений, из которых к правам человека может быть применено только одно: «ликвидировать что-либо»¹. Следовательно, уничтожение права гражданина представляет абсолютную его ликвидацию и исключение из правового статуса гражданина. Представляется, что столь радикальное действие не может быть синонимичным ограничениям прав, которые лишь устанавливают определенные границы использования прав. Также, данное гипотетическое действие, имеется в виду уничтожение прав, положениям целого ряда международных договоров Российской Федерации – ст. 30 Всеобщей декларации прав человека 1948 г., ст. 5 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г., ст. 5 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 г.². Поскольку данные международные договоры были ратифицированы Российской Федерацией, то в соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, они признаются частью правовой системы России. Кроме того, представляется, что «уничтожение» прав человека, либо «лежащих в его основе благ», противоречит ст. 2 Конституции РФ. Таким образом, на наш взгляд, невозможно использовать категорию «уничтожение прав человека», как в виде синонима «ограничениям прав человека», так и в контексте инструмента осуществления данных ограничений, тем самым не нарушив постулат

¹ Большой толковый словарь русского языка / [гл. ред. С. А. Кузнецов]. - Санкт-Петербург: Норинт; Москва: Рипол классик, 2008. [сайт]. URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovyj-slovar> (дата обращения: 20.06.2022).

² Всеобщая декларация прав человека: принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10.12.1948 г. // «Российская газета». 1995. № 67; Международный пакт о гражданских и политических правах: принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16.12.1966 г. // «Ведомости Верховного Совета СССР». 1976. № 17. Ст. 291; Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах: принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16.12.1966 г. // «Ведомости Верховного Совета СССР». 1976. № 17 (1831).

концепции естественных прав, норм Конституции России, и самое важное – бесповоротно не навредив правовому статусу человека.

Несколько сложнее обстоят дела с дефиницией «изъятие». Так, с точки зрения семантики русского языка, глагол «изъять», производным которого является представляющий в рамках данного исследования интерес термин «изъятие», имеет следующее значение: «устранить (из употребления, из обращения)/удалить, вынуть/отобрать, конфисковать»¹. Из приведенных вариантов смысловой нагрузки термина «изъять», относительно прав человека применить можно «устранить (из употребления, из обращения)», поскольку остальные применимы лишь к объектам физического мира. Таким образом, в отличие от «уничтожения» «изъятие» не предусматривает абсолютную ликвидацию права человека, либо правомочия. Изъятые права, правомочия остаются неотъемлемой частью конституционно-правового статуса человека и гражданина. Однако использование их становится невозможным. Можно отметить, что фактически в таком виде и реализуются ограничения прав человека, например, в качестве наказаний, предусмотренных статьями Уголовного кодекса РФ или Кодекса об административных правонарушениях РФ. Следовательно, использование термина «изъятие прав человека» не противоречит сложившейся естественно правовой концепции, а также нормам Конституции РФ. Соответственно, использование данного термина возможно, как для раскрытия сути категории ограничений прав человека, так и в качестве синонима ограничениям прав человека.

Последним дискуссионным вариантом сужения прав выделяется «умаление прав». В науке конституционного права высказываются позиции согласно, котором ограничение прав рассматривается как варианты его

¹ Большой толковый словарь русского языка / [гл. ред. С. А. Кузнецов]. - Санкт-Петербург: Норинт; Москва: Рипол классик, 2008. [сайт]. URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovyj-slovar> (дата обращения: 20.06.2022).

умаления¹. В отличие от рассмотренных ранее терминов («уничтожение прав» и «изъятие прав») термин умаление прав напрямую используется в тексте Конституции России. Так, ч. 1 и 2 ст. 55 Конституции РФ закрепляет недвусмысленный запрет на реализацию прав и свобод одних лиц через умаление прав и свобод других лиц, а также на принятие законов, отменяющих или умаляющих права и свободы человека и гражданина. Следовательно, Конституция РФ изначально запрещает умаление прав человека, а значит категории «умаление прав» и «ограничение прав» не могут использоваться как взаимозаменяемые и синонимичные. Тем не менее, в науке конституционного права отмечают их близость².

Под термином «умалить» толковый словарь русского языка предлагает понимать: «Снизить, приуменьшить роль, значение чего-либо»³. Следовательно, проводя сравнительный анализ умаления прав человека с уничтожением и изъятием прав, можно сделать следующий вывод, что относительно первого оно не предусматривает ликвидацию права или правомочия, а относительно второго – не исключает право (правомочие) из использования, а снижает его значение.

Следует отметить, что в конституционно правовой науке сложилось понимание этого термина, в основе которого лежит его лингвистическая семантика. Так, М.С. Яшина предлагает понимать под умалением прав

¹ См.: Лазарев В.В. Ограничение прав и свобод как теоретическая и практическая проблема // Журнал российского права. 2009. № 9. С. 42; Лапаева В.В. Проблема ограничения прав и свобод человека и гражданина в Конституции РФ (опыт доктринального исследования) // Журнал российского права. 2005. № 7. С. 21; Черепанов В.А. К вопросу об умалении избирательных прав граждан // Российский юридический журнал. Екатеринбург: Изд-во УрГЮА. 2012. № 1 (82). С. 71; Кондрашев А.А. Ограничения конституционных прав в Российской Федерации: теоретические подходы и политико-правовая практика // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 7. С. 44; Ягофарова И.Д. Основные характеристики ограничения прав и свобод человека: теоретико-правовой аспект // Академический юридический журнал. 2002. № 4 (10). С. 4-10; Ягофарова И.Д. Право как мера ограничения свободы: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург., 2004. С. 11.

² Эбзеев Б.С. Статья 55. Комментарий к Конституции Российской Федерации. 2013. С. 506.

³ Большой толковый словарь русского языка / [гл. ред. С. А. Кузнецов]. - Санкт-Петербург: Норинт; Москва: Рипол классик, 2008. [сайт]. URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovyj-slovar> (дата обращения: 21.06.2022).

принижение значения и уменьшение ценности прав и свобод для текущего законодательства¹. По мнению И.В. Логвиновой: «умаление прав и свобод человека и гражданина представляет собой уменьшение объема субъективного права, его гарантированности для определенных групп граждан (по кругу лиц) или по территориальному принципу (в пространстве), а также во времени, в сравнении с тем содержанием этого права, который установлен Конституцией Российской Федерации или конкретизирован в законодательстве»². Б.С. Эбзеев не давая определения умалению прав человека, перечисляет следующие вариации его выражения:

- сужение пределов прав и свобод, как они зафиксированы в Конституции, если для этого нет установленных в Конституции оснований;
- уменьшение материального содержания прав и свобод, объема социальных и иных благ, причитающихся их обладателю;
- минимизация гарантий прав и свобод, в том числе в результате государственного предпочтения одной группы прав в ущерб другой группе прав, тогда как все права и свободы человека и гражданина в силу Конституции должны находиться под равной защитой;
- создание таких процедур реализации прав и свобод, которые могут свести на нет сами права или свободы человека и граждан, и т.п.³.

Представляется, что приведенные варианты умаления прав человека полностью соответствуют смыслу термина «умаление» с точки зрения его лингвистического смысла. При этом следует обратить внимание на открытый характер данного перечня, что означает существование иных, гипотетических вариантов умаления прав человека. Таким образом, определения умаления прав человека, приведенные выше, на наш взгляд, не

¹ Яшина М.С. Категории «отмена» и «умаление» прав и свобод человека и гражданина в конституционной доктрине современной России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2020. Т. 20. № 1. С. 103.

² Логвинова И.В. Толкование Конституционного суда Российской Федерации умаления и отмены прав и свобод // Проблемы экономики и юридической практики. 2015. № 5. С. 42.

³ Эбзеев Б.С. Статья 55. Комментарий к Конституции Российской Федерации. 2013. С. 505.

раскрывают полностью природу данной категории, поскольку необоснованно игнорируют варианты такого умаления, либо являются расплывчатыми.

Ограничения и умаления прав человека имеют несколько отличных друг от друга характеристик. Во-первых, цели. Ограничение может вводиться строго в целях, обозначенных в ст. 55 и 56 Конституции РФ. Умаление не имеет законного основания и, соответственно, является разновидностью правонарушения. Во-вторых, умаление значительно более широкая категория в сравнении с ограничениями. Ограничения не затрагивают содержания материального права по сути и касаются установления границ реализации прав во времени, пространстве, по кругу лиц. В то время как умаление может проявляться в сужении пределов прав и свобод и в уменьшении материального содержания прав и свобод¹.

Таким образом, использование термина «умаление прав человека» представляется недопустимым как в варианте синонима категории «ограничение прав человека», так и для раскрытия содержания последнего.

Изучив вопрос о возможности отождествления категории «ограничение прав человека и гражданина» с рядом иных категорий, следует указать, что это является отчасти возможным лишь с термином «изъятия прав человека и гражданина». Так, ограничение прав человека можно рассматривать как изъятие из правового статуса человека и гражданина, в том числе изъятие прав и правомочий, влекущее недопустимость их реализации.

На основе произведенного исследования предлагаем следующее определение ограничения прав и свобод – сужение содержания прав и свобод человека и гражданина, которое может проявляться и в виде изъятия прав и правомочий, не влекущее их отмену, проявляющееся в недопустимости их реализации соответственно ряду критериев (времени, месту, правовому статусу лиц и так далее) определяемому в акте, устанавливающем такое ограничение.

¹ Эбзеев Б.С. Статья 55. Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В.Д. Зорькина. 3-е изд., пересмотр. М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. С. 505.

Подводя итог проведенному в параграфе исследованию, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, представляется возможным предложить классификацию ограничений прав личности в целях защиты здоровья населения. Так, по процедуре введения они могут быть обычными, вводимыми в порядке, предусмотренном ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, и чрезвычайными, вводимыми в порядке ст. 56, 87 и 88 Конституции РФ; по субъектам ограничения – общие, относящиеся ко всем гражданам государства (например, ограничения свободы передвижения при введении карантина на определенной территории), и специальные, касающиеся отдельных категорий граждан (например, ограничения права на свободу труда женщин или несовершеннолетних); по времени действия – временные – ограничения по осуществлению работ при отсутствии вакцинации, и постоянные – то же ограничение по праву на труд женщин; по основанию для введения – ординарные – существующие независимо от общественной ситуации, и экстраординарные – вводимые в результате событий, требующих охраны и защиты здоровья населения.

Во-вторых, установление ограничений прав человека и гражданина, в порядке, предусмотренном Конституцией РФ, направленно, в том числе, на защиту прав одного человека от злоупотребления правами другими людьми. Следовательно, ограничение прав человека можно считать способом проявления правозащитной функции государства.

В-третьих, из всех возможных вариантов понимания сущности ограничения прав человека наиболее верным и соответствующим истинной природе изучаемой категории, представляется понимание их как сужение объема прав человека, не влекущее их уничтожения или деформацию материального содержания соответствующих прав. Одним из вариантов такого сужения может быть изъятие прав и свобод, которое проявляется в исключении возможности реализации прав и правомочий при определенных условиях.

В-четвертых, представляется неверным отождествление категории «ограничение прав» с такими категориями как «умаление прав», «уничтожение прав» и «пределы прав».

§ 1.2 Конституционные процедуры ограничения прав и свобод

Оправданность закрепления в Конституции РФ возможности ограничения прав и свобод бесспорна. Однако рассматриваемый правовой инструмент, гипотетически, может быть использован также и в целях неправомерного и необоснованного ограничения прав. Радикальный подход к ограничению прав может нивелировать ряд основ конституционного строя Российской Федерации, в первую очередь – признание человека, его прав и свобод высшей ценностью. На данную проблему также указывает А.Ю. Сибилева¹. Соответствующее утверждение подчеркивает необходимость обеспечения баланса между личными и публичными интересами². Важнейшей гарантией, препятствующей возникновению подобной ситуации, является установление строгого порядка введения ограничения прав человека, иными словами – определение процедуры.

Действующая Конституция России установила два варианта введения ограничения прав человека. Первый определен в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ. Из данной нормы можно выделить три обязательных аспекта ограничения прав: 1) соблюдение формы введения ограничения в правовую систему России; 2) преследуемая цель вводимого ограничения прав; 3) соразмерность вводимого ограничения преследуемой цели.

Установление формального критерия порядка введения ограничения прав является важной гарантией защиты прав от злоупотребления данным механизмом. История России имеет достаточное количество примеров подобного злоупотребления. При этом, наиболее склонны к нарушению прав

¹ Сибилева А.Ю. Пределы регулирования политических прав граждан как предмет конституционного права. Актуальные проблемы российского права. 2018. № 11 С. 169.

² Языкеев С.Н. Правовой механизм ограничения конституционных прав и свобод человека и гражданина в целях обеспечения безопасности в России. // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 2. С. 233.

человека посредством их неправомерного ограничения органы исполнительной власти. Введение же ограничений путем принятия федерального закона существенно усложняет данную процедуру, включая в нее обе палаты российского парламента. Тем самым обеспечивается гарантированность защиты прав от их неоправданного и неправомерного ограничения.

Порядок ограничения прав человека через издание закона, как это предусмотрено в ч. 3 ст. 55 Конституции России, именуется в науке «оговоркой в законе» и является элементом принципа правовой государственности¹.

При этом полномочия законодателя в вопросах принятия федеральных законов, ограничивающих права и свободы, не являются безграничными. Соответствие границ, определенных законодателем в рамках федерального закона об ограничении прав и свобод, установленным Конституцией критериям может быть предметом судебной проверки². Данные действия Конституционный Суд Российской Федерации (далее – КС РФ) может осуществлять в рамках полномочий, предусмотренных пп. «а» п. 1 ч. 1 ст. 3, п. 3 ч. 1 ст. 3, п. 3.1 ч. 1 ст. 3 Федерального конституционного закона от 21.07.1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (далее – ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»)³. Кроме того, КС РФ, после конституционной реформы 2020 года, получил полномочие по запросу Президента РФ осуществлять конституционный контроль не вступившего в силу федерального закона.

При осуществлении конституционного контроля КС РФ проверяет соответствие положений закона предусмотренным в российской

¹ Астафьева Е.В. Виды ограничений конституционных прав и свобод // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. 2006. № 4 (12). С. 191.

² Эбзеев Б.С. Статья 55. Комментарий к Конституции Российской Федерации. 2013. С. 506.

³ Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (ред. от 31.07.2023 г.) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 13. Ст. 1447; 2023. № 32 (часть I). Ст. 6118.

Конституции требованиям соответствия целей вводимого ограничения прав и его соразмерности.

Кроме порядка ограничения прав и свобод, установленного в ч. 3 ст. 55, Конституция РФ допускает также и иной процедурный вариант введения ограничений. Так, согласно ч. 1 ст. 56 российской Конституции, в условиях чрезвычайного положения для обеспечения безопасности граждан и защиты конституционного строя в соответствии с федеральным конституционным законом могут устанавливаться отдельные ограничения прав и свобод с указанием пределов и срока их действия. Если норма ч. 3 ст. 55 Конституции России связывает введение ограничений с необходимостью защиты публичных интересов без привязки к особым режимам, то ч. 1 ст. 56 предусматривает такие ограничения в целях обеспечения безопасности граждан и защиты конституционного строя конкретно в условиях чрезвычайного положения. При этом, исследуемая статья не содержит раскрытия сути правового статуса чрезвычайного положения, представляя собой бланкетную норму, отсылающую к соответствующему федеральному конституционному закону. Данная характеристика является не единственной отличительной чертой процедуры введения ограничений ст. 56 от ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации. В отличие от ч. 3 ст. 55 Конституции России, ст. 56 не содержит требования по введению ограничений прав и свобод федеральным законом. В связи с этим, в рассматриваемой норме закреплено обязательное требование по указанию пределов и срока действия вводимых ограничений.

Сущность и порядок введения чрезвычайного положения в Российской Федерации, а также характер и процедуру установления ограничений прав определяют нормы, принятого во исполнение положений ч. 1 ст. 56 Федерального конституционного закона от 30.05.2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» (далее – ФКЗ «О чрезвычайном положении»). Согласно ст. 4 указанного акта, чрезвычайное положение в России, как на всей ее территории, так и в отдельных местностях, вводится указом

Президента РФ с незамедлительным сообщением об этом палатам Федерального Собрания РФ, который также подлежит утверждению Советом Федерации¹.

Ст. 11-14 предусматривают возможность ограничения в порядке издания Президентом России указа о введении чрезвычайного положения существенного массива прав и свобод, в том числе конституционных, таких как свобода передвижения, право на проведение публичных мероприятий, избирательные права, право на политические объединения и так далее². Данные ограничения могут быть выражены во введении особого режима труда, обучения, свободе передвижения, досмотра как гражданского, так и ведомственного транспорта³.

Примечателен тот факт, что в ФКЗ «О чрезвычайном положении» законодатель четко разграничил две категории обстоятельств введения чрезвычайного положения. Первая категория, включает в себя обстоятельства, возникающие по воле человека и направленные на дестабилизацию общественных отношений. Предлагаем обстоятельства, составляющие данную категорию, именовать политическими. Вторая категория связана с обстоятельствами, являющимися по своей юридической природе событиями, то есть юридическими фактами, происходящими не по воле человека. Данные обстоятельства следует именовать стихийными. При этом, в стихийные обстоятельства ФКЗ «О чрезвычайном положении» включает события, напрямую влекущие угрозу здоровью населения, такие как аварии, эпидемии, стихийные бедствия. Однако политические обстоятельства, такие как вооруженный мятеж, попытка насильственной

¹ Федеральный конституционный закон от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» (ред. от 02.11.2023 г.) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 23. Ст. 2277; 2023. № 45. Ст. 7978.

² Федеральный конституционный закон от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» (ред. от 02.11.2023 г.) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 23. Ст. 2277; 2023. № 45. Ст. 7978.

³ Петрянина О.А. Чрезвычайное положение как особый правовой режим защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 4 (36). С. 136.

смены конституционного строя и т.д., могут также представлять опасность для здоровья населения, но косвенным путем.

В связи с тем, что ФКЗ «О чрезвычайном положении» определяет значительно более простой порядок введения ограничения прав и свобод чем ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, в нем предусмотрены определенные организационные и содержательные мероприятия, являющиеся гарантиями защиты прав и свобод от их неправомерного и необоснованного ограничения. Во-первых, это содержащийся в ч. 3 ст. 56 Конституции России перечень прав и свобод, не подлежащих ограничению. Так, право на жизнь (ст. 20), право на достоинство личности (ст. 21), право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени (ч. 1 ст. 23), право на неприкосновенность информации о частной жизни, право на ознакомление с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы (ст. 24), свобода совести и свобода вероисповедания (ст. 28), право на осуществление предпринимательской и иной не запрещенной законом деятельности (ч. 1 ст. 34), право на жилище (ч. 1 ст. 40), права, гарантируемые человеку в рамках судебного разбирательства, в особенности уголовного (ст. 46-54), не подлежат ограничению. Похожий перечень прав, неподлежащих ограничению в силу особых правовых режимов, содержит Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г.¹. Данные права, в силу упрощенного порядка ограничения прав в условиях чрезвычайного положения, получают дополнительное конституционно-правовое гарантирование посредством их закрепления в указанных выше статьях Конституции России (примечательно, что некоторые из них, например, право

¹ Международный пакт о гражданских и политических правах: принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16.12.1966 года // «Ведомости Верховного Совета СССР». 1976 № 17 Ст. 291.

на жилище или право на осуществление предпринимательской и иной не запрещенной законом деятельности не являются абсолютными)¹.

Отдельно следует подчеркнуть, что ч. 3 ст. 56 Конституции РФ не препятствует ограничению перечисленных в ней конституционных прав и свобод в условиях чрезвычайного положения, если такие ограничения наложены федеральным законом в порядке, предусмотренном ч. 3 ст. 55 Конституции РФ.

Во-вторых, ч. 1 ст. 56 Конституции России обязательным условием установления ограничений прав и свобод в рамках введения чрезвычайного положения закрепляет необходимость указания их пределов, а также срока действия. При этом, речь идет не о временных пределах, необходимость обозначения которых также устанавливается в ч. 1 ст. 56 Конституции России, и не о территориальных – их самостоятельное существование определяется не только правилом действия права в пространстве, но и косвенно подтверждается ч. 2 исследуемой статьи Конституции. Также не следует воспринимать в качестве пределов ограничений прав их действие по кругу лиц. Указанные правила действия ограничения прав и свобод являются частным случаем общеправовых принципов действия права (закона) во времени, пространстве и по кругу лиц. Пределы ограничений, указанные в ч. 1 ст. 56 Конституции РФ, относятся к ограничениям прав и свобод как часть их правовой сущности. Как и пределы прав они имманентны ограничениям, характеризуют их материально-правовые границы. Таким образом, пределы ограничений прав и свобод, вводимых в соответствии со ст. 56 Конституции и ФКЗ «О чрезвычайном положении», предлагаем понимать как границы допустимого в установленном законом порядке сужения объема прав и свобод, проявляющиеся в определении конкретных условий действия вводимых ограничений. Пределы определяют порядок действия ограничений прав и свобод на практике. Важно отметить, в

¹ Тарибо Е.В. Статья 56. Комментарий к Конституции Российской Федерации. 2013. С. 511-512.

контексте рассуждения о природе пределов ограничений прав, то, что вводимые в условиях режима чрезвычайного положения ограничения прав не могут искажать и изменять сущность самих прав и свобод. В противном случае будет иметь место быть умаление прав, проявляющееся в нарушении пределов ограничения прав и свобод, в искажении материального содержания прав и свобод.

В-третьих, ст. 88 Конституции России обязует Президента при введении режима чрезвычайного положения, как на всей территории страны, так и на ее отдельных местностях, информировать об этом обе палаты Федерального Собрания. При этом, если для Государственной Думы выполнение данного указания носит исключительно информативный характер, то в отношении Совета Федерации оно имеет функциональное содержание. Так, ФКЗ «О чрезвычайном положении» предусматривает обязательное одобрение Советом Федерации указа Президента России о введении чрезвычайного положения. В течение 72 часов после обнародования Президентом РФ указа о введении чрезвычайного положения, Совет Федерации обязан рассмотреть вопрос об утверждении этого указа, и если верхняя палата российского парламента в указанный срок не принимает решение о его утверждении, указ автоматически теряет силу¹. Данное правило является важным элементом гарантирования демократизма в России, в обеспечении баланса в системе государственной власти и недопустимости ее узурпирования в руках Президента России. Подобной точки зрения придерживаются и некоторые представители научного сообщества².

В-четвертых, ФКЗ «О чрезвычайном положении» предусматривает необходимость уведомления о введении чрезвычайного положения, в том числе предусматривающего установление ограничений прав и свобод

¹ Федеральный конституционный закон от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» (ред. от 02.11.2023 г.) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 23. Ст. 2277; 2023. № 45. Ст. 7978.

² См.: Лебедев В.А. Конституционные основы ограничений прав и свобод человека и гражданина // Lex Russica (Русский закон). 2017. № 1(122). С. 130-139; Эбзеев Б.С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации. М., 2013. С. 194.

человека, международного сообщества. Так, в соответствии со ст. 37 ФКЗ «О чрезвычайном положении», а также ст. 4 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г., министр иностранных дел России в трехдневный срок уведомляет Генерального секретаря Организации Объединенных Наций о временных ограничениях прав и свобод граждан, составляющих отступления от обязательств по указанному международному договору, об объеме этих отступлений и о причинах принятия такого решения¹. Кроме того, в ст. 38 ФКЗ «О чрезвычайном положении» установлено правило об уведомлении сопредельных иностранных государств в случае введения чрезвычайного положения на отдельных местностях России². Данное процедурное требование свидетельствует о соответствии порядка введения режима чрезвычайного положения стандартам международного права³.

Стоит отметить, что до ноября 2023 года ст. 37 ФКЗ «О чрезвычайном положении» также предусматривала необходимость информирования о введении в России чрезвычайного положения Генерального секретаря Совета Европы⁴. Однако в 2022 году РФ покинула Совет Европы⁵, в связи с чем данное положение перестало быть актуальным. Несмотря на несколько запоздалую реакцию с внесением изменения в ст. 37 ФКЗ «О чрезвычайном

¹ См.: Федеральный конституционный закон от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» (ред. от 02.11.2023 г.) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 23. Ст. 2277; 2023. № 45. Ст. 7978; Международный пакт о гражданских и политических правах: принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16.12.1966 года // «Ведомости Верховного Совета СССР». 1976 № 17 Ст. 291.

² Федеральный конституционный закон от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» (ред. от 02.11.2023 г.) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 23. Ст. 2277; 2023. № 45. Ст. 7978.

³ См.: Тарибо Е.В. Статья 56. Комментарий к Конституции Российской Федерации. 2013. С. 509; Шелегов Ю.В. О конституционно-правовых основах введения режима чрезвычайного положения в Российской Федерации // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 3 (102). С. 45–55.

⁴ Федеральный конституционный закон от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» (ред. от 29.05.2023 г.) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 23. Ст. 2277; 2023. № 23 (часть I). Ст. 3998.

⁵ Россия покидает Совет Европы. Что это значит и из-за чего было принято такое решение/ ТАСС [сайт]. 2022 URL: https://tass.ru/politika/14026531?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения 13.09.2022).

положении», стоит подчеркнуть, что в целом данный шаг является оправданным.

Важным процедурным моментом введения режима чрезвычайного положения является императив о незамедлительном обнародовании по каналам радио и телевидения, а также незамедлительном официальном опубликовании¹. Обязательность данной процедуры обозначена также и в Указе Президента РФ от 23.05.1996 г. № 763 «О порядке опубликования и вступления в силу актов Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации и нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти»².

Таким образом, ст. 56 Конституции РФ в комплексе с нормами ФКЗ «О чрезвычайном положении», закрепляет ряд гарантий прав и свобод, направленных на недопущение их чрезмерного ограничения вследствие упрощенной (непарламентской) процедуры введения исследуемого особого правового режима. Обоснованность упрощения данной процедуры определяется необходимостью быстрого, оперативного принятия мер направленных на устранение причин, детерминировавших введение режима чрезвычайного положения.

Несмотря на бесспорную гибкость рассматриваемой процедуры введения режима чрезвычайного положения, сопровождающегося с установлением необходимого ограничения прав и свобод, в отношении нее в науке конституционного права высказывается некоторая критика, которая также связана с исключительной компетенцией Президента РФ по принятию решения о введении чрезвычайного положения. Указанная проблема связана

¹ Федеральный конституционный закон от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» (ред. от 02.11.2023 г.) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 23. Ст. 2277; 2023. № 45. Ст. 7978.

² Указ Президента Российской Федерации от 23 мая 1996 г. № 763 «О порядке опубликования и вступления в силу актов Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации и нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти»: в ред. Указа Президента Российской Федерации от 03 марта 2022 г. № 90 // Собрание законодательства РФ. 1996. № 22. ст. 2663; 2022. № 10. ст. 1470.

с отсутствием конституционной гарантии на случай, когда для объявления чрезвычайного положения есть все основания и условия, а Президент РФ, используя свое единоличное право, его не вводит и не несет при этом никакой ответственности¹. Однако данный вопрос не относится к теме нашего исследования. Отметим, также и тот факт, что на практике указанный режим федеральная власть старается не использовать².

Важным моментом является то, что если указ Президента России о введении чрезвычайного положения противоречит Конституции Российской Федерации, то в силу ч. 1 и 2 ст. 15 и ч. 3 ст. 90 Конституции, все участники конституционно-правовых отношений обязаны воздержаться от соблюдения, исполнения или применения его положений, а сам Президент обязан его отменить³. Данное правило является общим для всех случаев несоответствия указа Президента РФ положениям Конституции, в том числе и нарушений конституционных прав и свобод.

Конституция РФ прямо и однозначно определяет только два варианта процедуры ограничения прав и свобод: 1) в порядке, предусмотренном в ч. 3 ст. 55; 2) в порядке, предусмотренном в ч. 1 ст. 56. Однако, фактически в российском законодательстве предусмотрены и некоторые иные процедуры ограничения прав и свобод. Необходимо подчеркнуть, что все они связаны с определенными экстраординарными обстоятельствами, требующими оперативного принятия мер, в том числе, прямо либо косвенно ограничивающих права и свободы. Данные режимы преследуют определенные цели: обеспечение безопасности граждан и защита

¹ Кропачева А.В. О некоторых вопросах процедуры введения режима чрезвычайного положения в Российской Федерации // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2016. № 5. С. 199.

² Гуторова А.Н. Право на публичные акции и свободу слова как факторы обеспечения мандата народного доверия к федеральной власти // NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. 2024. Т. 49. № 3. С. 516-517.

³ Эбзеев Б.С. Статья 88. Комментарий к Конституции Российской Федерации. 2013. С. 733.

конституционного строя; создание условий для отражения или предотвращения агрессии против России¹.

Так, чрезвычайное положение, предусматривающее возможность ограничения прав и свобод, является не единственным особым правовым режимом. Кроме него в ст. 87 Конституции РФ предусмотрен режим военного положения. Так, в соответствии с данной статьей, в случае агрессии против России или непосредственной угрозы агрессии Президент РФ вводит на территории страны или в отдельных ее местностях военное положение с незамедлительным сообщением об этом палатам Федерального Собрания. Следует отметить, что при этом Конституция не закрепляет возможность ограничения прав и свобод в случае введения Президентом военного положения в России либо ее отдельных местностях. Однако такая возможность определяется в Федеральном конституционном законе от 30.01.2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении» (далее – ФКЗ «О военном положении»). Так, в той или иной степени, ограничения прав человека при режиме военного положения предусмотрены ст. 7, 8, 18 ФКЗ «О военном положении».

В свете существования данного варианта ограничения прав и свобод возникает закономерный вопрос о том, в каком предусмотренном Конституцией России порядке налагаются данные ограничения. При анализе ФКЗ «О военном положении» можно увидеть определенное сходство процедуры введения данного особого правового режима с процедурой введения чрезвычайного положения. Так, согласно ст. 4 ФКЗ «О военном положении», военное положение на территории Российской Федерации или в отдельных ее местностях вводится указом Президента Российской Федерации, который незамедлительно доводится до сведения Совета Федерации и Государственной Думы. При этом Совет Федерации в течение 48 часов с момента получения этого указа, рассматривает вопрос о его

¹ Мархгейм М.В., Шматко Д.А. Правовые режимы в Российской Федерации: от понятийной определенности к видовому многообразию: Konferenz Wissenschaft und Bildung: In- und ausländische Erfahrung. Gelsenkirchen, 2024. С. 92.

утверждении – в случае отказа в утверждении, указ прекращает действие со следующего дня после дня принятия такого решения¹.

Как видно порядок введения режима военного положения, как и сопутствующих ему ограничений прав и свобод, схож с порядком введения чрезвычайного положения: в обоих случаях инициатором введения особого правового режима является Президент РФ, оформляются режимы его указом, и в дальнейшем подлежат рассмотрению Советом Федерации, при этом если он их не утверждает, то указы утрачивают свою силу. Небольшие отличия в процедурных моментах – различия в сроках одобрения (48 часов для указа о военном положении, 72 – для указа о чрезвычайном), разный порядок прекращения их действия в случае неодобрения Советом Федерации (указ о чрезвычайном положении утрачивает силу через 72 часа после обнародования, указ о военном положении – на следующий день после принятия Советом Федерации решения о неодобрении указа) – не отменяют близость содержательной сущности данных режимов, а также сходство порядка их введения. На сущностную и содержательную близость исследуемых особых правовых режимов указывают также и некоторые правоведы².

Тем не менее, возвращаясь к вопросу ограничения прав и свобод в условиях данных режимов, следует подчеркнуть, что напрямую Конституция РФ устанавливает возможность ограничения прав и свобод только в рамках введения режима чрезвычайного положения, о чем сказано в ст. 56, а также в общем порядке, предусмотренном ч. 3 ст. 55, посредством принятия федерального закона. По мнению А.А. Подмарева, конституционные принципы, содержащиеся в ст. 56, лежат в основе ограничения прав и свобод индивида и в условиях режима военного положения, поскольку ч. 3 ст. 56 Конституции обеспечивает защиту наиболее важных прав человека в

¹ Федеральный конституционный закон от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» (ред. от 02.11.2023 г.) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 23. Ст. 2277; 2023. № 45. Ст. 7978.

² Григорьев В.Н. Особые правовые режимы: вопросы соответствия Конституции // Вестник Томского государственного университета. Право. 2015. № 4 (18). С. 22-29.

условиях любых чрезвычайных режимов¹. В данном утверждении есть определенная логика, проистекающая из близости природы данных режимов в российском праве. Однако на наш взгляд, такая аргументация не находит подтверждения в Конституции РФ. Позиция А.А. Подмарева основана на широкой трактовке режима чрезвычайного положения, согласно которой в него входят абсолютно все варианты экстраординарных режимов, отличающихся от общего конституционно-правового порядка. Тем не менее, исходя из анализа норм Конституции России подобный вывод нельзя назвать очевидным. Так, в ст. 87 и 88 российской Конституции военное и чрезвычайное положение соответственно, определены как самостоятельные виды правовых режимов, порядок введения которых устанавливается обособленными федеральными конституционными законами.

Таким образом, на наш взгляд, в конституционных нормах правовые режимы чрезвычайного положения и военного положения представляют собой два самостоятельных правовых режима. Вследствие этого положения ст. 56 Конституции РФ следует относить исключительно к режиму чрезвычайного положения, несмотря на его правовую близость к режиму положения военного. В то же время, вывод А.А. Подмарева верный, однако должен определяться иной логической цепочкой. Так, в данном случае следует применить механизм, позволяющий преодолеть пробелы в праве – аналогию закона или аналогию права (в данном случае аналогию закона).

Правила ч. 1 ст. 56 Конституции РФ о возможности ограничения прав человека в условиях чрезвычайного положения в целях обеспечения безопасности граждан и защиты конституционного строя, по аналогии закона могут распространяться и на случай введения военного положения в силу родства данных особых правовых режимов. Поскольку согласно ч. 3 ст. 87 и ч. 1 ст. 108 Конституции РФ, порядок введения и действия военного положения в России устанавливается федеральным конституционным

¹ Подмарев А.А. Ограничение прав и свобод человека и гражданина в условиях военного положения в Российской Федерации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Экономика. Управление. Право. 2018.Т. 18. № 1. С. 98.

законом, правило установленное в ст. 56 Конституции и распространяющее свое действие по аналогии закона на военное положение, получило свое детальное развитие в ФКЗ «О военном положении». Схожесть процедур ограничения прав и свобод посредством введения соответствующих особых правовых режимов, установленных в ФКЗ «О чрезвычайном положении» и в ФКЗ «О военном положении» также косвенно подтверждают данный вывод.

Стоит отметить, что возможность введения ограничений прав и свобод в условиях военного положения подчиняется той же логике, что и введение ограничений прав и свобод в условиях чрезвычайного положения: необходимость жертвования частными интересами в угоду защиты и обеспечения общих интересов.

Несмотря на отличную трактовку соотношения режимов чрезвычайного положения и военного положения, на наш взгляд, следует согласиться с позицией А.А. Подмарева относительно невозможности ограничения прав и свобод, закрепленных в ч. 3 ст. 56 Конституции России, в условиях военного положения¹. Стоит напомнить, что к данным права и свободам относятся закрепленные в права и свободы, предусмотренные статьями 20, 21, 23 (ч. 1), 24, 28, 34 (ч. 1), 40 (ч. 1), 46–54 Конституции РФ.

Режим чрезвычайного и военного положения являются установленными в Конституции России особыми правовыми режимами, в период которых, согласно соответствующим федеральным конституционным законам, предусматривается возможность введения ограничения прав и свобод. Однако российское федеральное законодательство предусматривает еще один вариант экстраординарного режима, сопровождающегося ограничением прав человека. Так, по мнению ряда ученых, видом особого правового режима является режим контртеррористической операции².

¹ Подмарев А.А. Ограничение прав и свобод человека и гражданина в условиях военного положения в Российской Федерации// Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Экономика. Управление. Право. 2018.Т. 18. № 1. С. 98.

² См.: Григорьев В.Н. Особые правовые режимы: вопросы соответствия Конституции// Вестник Томского государственного университета. Право. 2015. № 4 (18). С. 23; Майдыков А.Ф., Овчинников В.В. О понятии и введении особых правовых режимов в

Данный режим вводится в целях пресечения и раскрытия террористического акта, минимизации его последствий и защиты жизненно важных интересов личности, общества и государства по решению должностного лица, принявшего решение о проведении контртеррористической операции, в пределах территории ее проведения¹. Решение о проведении контртеррористической операции, а соответственно, и о введении режима контртеррористической операции на период ее проведения, согласно Федеральному закону от 06 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (далее – ФЗ «О противодействии терроризму»), принимает руководитель федерального органа исполнительной власти в области обеспечения безопасности, либо иное лицо, перечисленное в ч. 2 ст. 12 рассматриваемого закона, по указанию руководителя соответствующего органа. Соответствующим федеральным органом исполнительной власти в области обеспечения безопасности является Федеральная служба безопасности².

В отличие от рассмотренных режимов чрезвычайного и военного положения, режим контртеррористической операции не закреплен в Конституции России. Основной правовой базой, регулирующей порядок введения и действия данного режима, является уже обозначенный ФЗ «О противодействии терроризму». В ст. 11 ФЗ «О противодействии терроризму» перечисляется ряд мероприятий, которые могут проводиться в период контртеррористической операции³. В это число входят также и мероприятия, целенаправленно либо косвенно ограничивающие права человека. Так,

целях обеспечения безопасности граждан Российской Федерации // Труды Академии управления МВД России. 2016. № 2 (38). С. 11-15.

¹ Федеральный закон от 06 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (ред. от 28.02.2025 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 11. Ст. 1146; 2025. № 9. Ст. 845.

² Федеральный закон от 03 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности» (ред. от 28.12.2025 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 15. Ст. 1269; 2025. № 14. Ст. 1574.

³ Федеральный закон от 06 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (ред. от 28.02.2025 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 11. Ст. 1146; 2025. № 9. Ст. 845.

удаление физических лиц с отдельных участков местности и объектов (пп. 2 п. 3 ст. 11) ограничивает свободу передвижения (ст. 28 Конституции), ведение контроля телефонных переговоров и иной информации, передаваемой по каналам телекоммуникационных систем (пп. 4 п. 3 ст. 11) – право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (п. 2 ст. 23 Конституции), использование транспортных средств, принадлежащих физическим лицам, (пп. 5 п. 3 ст. 11) – право собственности (ст. 35 Конституции), ограничение или приостановление частной детективной и охранной деятельности (пп. 14 п. 3 ст. 11) – право на предпринимательскую и иную не запрещенную законом экономическую деятельность и так далее.

В том числе, ст. 22 ФЗ «О противодействии терроризму» устанавливает правомерность лишения жизни лица, совершающего террористический акт, при его пресечении либо осуществлении иной антитеррористической деятельности¹.

В отличие от чрезвычайного и военного положения, ограничение прав в период режима контртеррористической операции осуществляется на основе положений ч. 3 ст. 55 Конституции РФ. Данный порядок обуславливает несколько отличительных черт ограничения прав и свобод в условиях данного особого правового режима.

Во-первых, уровень и правовая природа субъекта, принимающего решение о введении ограничения прав и свобод, а также процедура введения такого ограничения. Непосредственное решение о введении режима контртеррористической операции и сопутствующего ему ограничения прав и свобод принимает руководитель Федеральной службы безопасности, в то время как ограничение прав и свобод в условиях чрезвычайного и военного положения вводятся указом Президента РФ. Более сложной представляется процедура введения ограничений прав и свобод в условиях чрезвычайного

¹ Федеральный закон от 06 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (ред. от 28.02.2025 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 11. Ст. 1146; 2025. № 9. Ст. 845.

либо военного положения, что обуславливается, с одной стороны, природой субъекта, инициирующего введение обозначенных режимов и соответствующих им ограничений (Президент РФ является главой государства и лицом избираемым народом через проведение прямых выборов, в то время как принимающий решение о введении режима контртеррористической операции руководитель Федеральной службы безопасности (далее – ФСБ) назначается Президентом). С другой стороны, указ Президента о введении чрезвычайного либо военного положения подлежит утверждению Советом Федерации, который осуществляет контрольную функцию в данной процедуре и может действительно препятствовать решению главы государства о введении соответствующих особых правовых режимов с сопутствующими им ограничениями прав и свобод.

Однако в том случае, если для проведения контртеррористической операции требуются значительные силы и средства и она охватывает территорию, на которой проживает значительное число людей, руководитель федерального органа исполнительной власти в области обеспечения безопасности уведомляет о введении правового режима контртеррористической операции и о территории, в пределах которой она проводится, Президента РФ, Председателя Правительства РФ, Председателя Совета Федерации Федерального Собрания РФ, Председателя Государственной Думы Федерального Собрания РФ, Генерального прокурора РФ и при необходимости иных должностных лиц.

Можно обратить внимание на то, что при указанном выше случае руководитель ФСБ именно уведомляет высших лиц государственной власти РФ. То есть, в отличие от процедуры чрезвычайного и военного положения, данный шаг не предусматривает прямого осуществления контрольной функции в отношении решения о введении режима контртеррористической операции. Подобный порядок может показаться менее демократичным, потворствующим нарушению прав человека. Однако, на наш взгляд,

предусмотренная процедура введения режима контртеррористической операции является обоснованной.

Так, введение рассматриваемого режима преследует предупреждение и раскрытие терактов, устранение их последствий и защиты жизненно важных интересов личности, общества и государства¹. Иными словами, вводя режим контртеррористической операции, государство реализует правозащитную функцию. Подобная точка зрения имеет поддержку в юридической науке².

При этом отсутствие требования по утверждению решения о введении соответствующего режима продиктовано необходимостью оперативной реакции на подготовку либо совершение террористического акта, и, следовательно, более эффективной реализации правозащитной функции. Кроме того, порядок введения режима контртеррористической операции в целом соответствует требованиям ч. 3 ст. 55 Конституции РФ.

Вместе с тем, на наш взгляд, установленный ФЗ «О противодействии терроризму» порядок введения режима контртеррористической операции не является идеальным, в частности использование оценочной характеристики: «значительные силы и средства», «охватывает территорию, на которой проживает значительное число людей», выглядит неуместным, а зависящий от субъективной оценки порядок уведомления высших должностных лиц – несовершенным. Серьезность оснований введения указанного режима требует необходимость своевременного уведомления как минимум Президента РФ, в силу особого правового статуса последнего.

¹ Федеральный закон от 06 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (ред. от 28.02.2025 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 11. Ст. 1146; 2025. № 9. Ст. 845.

² См.: Киреев М.П., Беляев А.А. Контртеррористическая операция, ее правовой режим: теоретико-правовой аспект // Труды Академии управления МВД России 2017. № 3 (43). С. 38; Луценко В.В., Семёнова И.В. Режим контртеррористической операции как особый комплексный правовой институт // Военное право. 2021. № 4 (68). С. 59; Гордиенко Ю. Н. Механизм ограничения прав и свобод в целях обеспечения государственной безопасности / Гордиенко Ю.Н. // Профессиональная подготовка специалистов для судебной системы в контексте междисциплинарных исследований: Сборник материалов Всероссийского круглого стола, Санкт-Петербург, 27 октября 2022 года / Под общей редакцией В.Г. Бондарева, Е.П. Цыплаковой. Санкт-Петербург: Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2023. С. 23.

Исходя из приведенных рассуждений, представляется необходимым внесение изменений в ч. 3 ст. 12 ФЗ «О противодействии терроризму», а именно установление обязательного информирования Президента РФ о введении режима контртеррористической операции.

Порядок, установленный в ст. 12 ФЗ «О противодействии терроризму», не требует от руководителя Федеральной службы безопасности, который согласно указанному закону, становится и руководителем контртеррористической операции, четкого определения в принятом им решении о введении соответствующего режима конкретных ограничительных мер, допускаемых ст. 11 ФЗ «О противодействии терроризму». Данный механизм придает гибкости при корректировании содержания режима контртеррористической операции под оперативные нужды структур, устраняющих причины введения данного режима. Так, 9 августа 2024 года решением директора Федеральной службы безопасности РФ А.В. Бортниковым было принято решение о введении режима контртеррористической операции на территориях Брянской, Белгородской и Курской областей¹. При этом, о перечне ограничительных мероприятий на территории указанных субъектов в решении ничего сказано не было. В дальнейшем ограничительные мероприятия вводились на территориях Курской и Белгородской областей, при этом на территории Брянской области в рамках режима контртеррористической операции аналогичные мероприятия не вводились². Вводимые мероприятия, главным образом, ограничивали свободу передвижения, посредством проведения эвакуации либо введения запрета нахождения на определенных территориях, в Курской области также ограничивалось право на предпринимательскую деятельность,

¹ На территориях Белгородской, Брянской и Курской областей введен правовой режим КТО/ Контртеррористические операции / Главная / Национальный антитеррористический комитет [официальный сайт]. URL: <http://nac.gov.ru/kontrterroristicheskie-operacii/na-territoriyah-belgorodskoy-bryanskoy-i-kurskoy.html> (дата обращения: 27.04.2025).

² Региональные ограничения, введенные в соответствии с уровнями реагирования и террористической опасности/ Главная / ЭПС «Гарант» [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/77321388/> (дата обращения: 27.04.2025).

что выражалось в запрете на продажу алкогольной продукции в ряде районов.

Таким образом, режим контртеррористической операции предусматривает гибкий вариант введения ограничений конституционных прав, в пределах установленных ст. 11 ФЗ «О противодействии терроризму». Такой порядок, с одной стороны, позволяет соблюсти баланс между достижением целей контртеррористической операции, позволяя оперативно вводить необходимые меры, а с другой – обеспечить защиту прав граждан от неоправданных и чрезмерных ограничительных мер.

Однако данный режим вводится при условиях, не связанных с обеспечением здоровья населения напрямую.

Отметим, что кроме режима контртеррористической операции на территориях Белгородской и Курской областей также были введены режимы чрезвычайной ситуации¹. Содержание данного режима определяется Федеральным законом от 21 декабря 1994 года № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» (далее – ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера»), согласно которому под чрезвычайной ситуацией следует понимать обстановку на определенной территории, сложившуюся в результате аварии, опасного природного явления, катастрофы, распространения заболевания, представляющего опасность для окружающих, стихийного или иного бедствия, которые могут повлечь или повлекли за собой человеческие жертвы, ущерб здоровью людей или окружающей среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности людей². Как видно из положения указанного закона, одной из причин введения режима

¹ Региональные ограничения, введенные в соответствии с уровнями реагирования и террористической опасности / Главная / ЭПС «Гарант» [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/77321388/> (дата обращения: 03.05.2025).

² Федеральный закон 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» (ред. от 08.08.2024 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 35. Ст. 3648; 2024. № 33 (часть I). Ст. 4928.

чрезвычайной ситуации может быть распространение заболевания, что влечет за собой угрозу безопасности здоровья населения.

Федеральный закон «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера», а также правила поведения, обязательные для исполнения гражданами и организациями, при введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации, практически не закрепляют четких и однозначных ограничений прав и свобод человека и гражданина (содержащийся в указанных правилах запрет на распространение заведомо недостоверной информации об угрозе возникновения или возникновении чрезвычайной ситуации является примером пределов свободы слова, а не ограничением)¹. Однако они могут вводиться по решению уполномоченного органа (лица) в оперативном порядке, в том числе в целях защиты здоровья населения. Так, установленная вышеуказанными правилами, а также ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» обязанность эвакуироваться с территории, на которой существует угроза возникновения чрезвычайной ситуации, или из зоны чрезвычайной ситуации при получении информации о проведении эвакуационных мероприятий напрямую ограничивает свободу передвижения².

Таким образом, режим чрезвычайного характера является универсальным вариантом особого правового режима, введение которого

¹ Постановление Правительства РФ от 02 апреля 2020 г. № 417 «Об утверждении Правил поведения, обязательных для исполнения гражданами и организациями, при введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 15 (часть IV). Ст. 2274.

² См.: Федеральный закон 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» (ред. от 08.08.2024 г.) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 35. Ст. 3648; 2024. № 33 (часть I). Ст. 4928; Постановление Правительства РФ от 02 апреля 2020 г. № 417 «Об утверждении Правил поведения, обязательных для исполнения гражданами и организациями, при введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 15 (часть IV). Ст. 2274.

допускается, в том числе в условиях, создающих угрозу здоровью населения, в отличие от режима контртеррористической операции.

Еще один вариант особого правового режима, предусмотренный ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» – режим повышенной готовности¹. Подробнее данный режим будет рассмотрен в следующем параграфе.

Возвращаясь к вопросу различий процедур и субъектов введения режимов чрезвычайного и военного положения, с одной стороны, и контртеррористической операции, с другой, следует подчеркнуть, что их корнем является масштаб данных мероприятий и их конституционное основание. Непарламентская процедура ограничения прав и свобод в условиях чрезвычайного либо военного положения, основанная на ст. 56 Конституции РФ, определяет более сложный механизм их введения, проявляющего себя в качестве гарантии от произвольного, неоправданного ограничения. Чрезвычайное и военное положения могут вводиться на всей территории РФ, что также требует дополнительные гарантии от злоупотребления властью в целях воспрепятствования неоправданному и чрезмерному ограничению прав и свобод². В отношении режима контртеррористической операции закон не устанавливает конкретики касательно территории введения ограничения прав и свобод. Однако законодатель, говоря о масштабах введения режима контртеррористической операции, использует следующую терминологию: «территория (перечень

¹ Федеральный закон 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» (ред. от 08.08.2024 г.) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 35. Ст. 3648; 2024. № 33 (часть I). Ст. 4928.

² См.: Федеральный конституционный закон от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» (ред. от 02.11.2023 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 23. Ст. 2277; 2023. № 45. Ст. 7978; Федеральный конституционный закон от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении» (ред. от 31.07.2023 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 13. Ст. 1447; 2023. № 32 (часть I). Ст. 6118.

объектов)»¹, что позволяет говорить о значительно меньших масштабах территории установления данного особого правового режима.

Во-вторых, поскольку введение ограничения прав и свобод в условиях режима контртеррористической операции происходит на основе ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, то применяемые к режимам чрезвычайного и военного положения правила о недопустимости ограничения прав и свобод, предусмотренных ст. 20, 21, 23 (ч. 1), 24, 28, 34 (ч. 1), 40 (ч. 1), 46 – 54 Конституции РФ, на данный правовой режим не распространяются.

Подводя итог данного параграфа, можно сделать следующие выводы. Во-первых, Конституция Российской Федерации предусматривает два варианта процедуры введения ограничения прав и свобод: первый вариант – посредством принятия федерального закона, основанного на положениях ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации (в данном порядке также и вводятся ограничения прав и свобод в условиях режима контртеррористической операции); второй вариант – посредством издания указа Президента Российской Федерации о введении чрезвычайного или военного положения, на основе соответствующих федеральных конституционных законов, в соответствии с положениями ст. 56 Конституции Российской Федерации.

При этом ограничение прав в целях защиты здоровья населения может осуществляться как на основе общего порядка, предусмотренного ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, так и посредством введения в стране, на отдельных ее территориях, режима чрезвычайного положения. Следовательно, при использовании общего порядка, ограничению прав и свобод в целях защиты здоровья населения, может быть подвержено любое право.

Во-вторых, следует признать, что процедура ограничения прав и свобод в условиях военного положения, также как и в условиях

¹ Федеральный закон от 06 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (ред. от 28.02.2025 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 11. Ст. 1146; 2025. № 9. Ст. 845.

чрезвычайного положения, определяется ст. 56 Конституции Российской Федерации, в порядке применения аналогии закона.

В-третьих, обстоятельства введения чрезвычайного положения можно разделить на две категории: политические и стихийные. При этом введение чрезвычайного положения прямо преследует своей целью защиту здоровья населения при стихийных обстоятельствах и косвенно при политических.

Глава 2. Правовое регулирование и реализация конституционных ограничений прав и свобод в целях защиты здоровья населения

§ 2.1 Ограничение прав и свобод в частной и общественно-публичной сферах жизни в целях защиты здоровья населения

Вспыхнувшая в начале 2020 года пандемия новой коронавирусной инфекции COVID-19 вновь вывела на повестку дня мирового сообщества дискуссионный вопрос о правах человека через призму необходимости проведения профилактических прививок в частности, и обеспечения здоровья населения в целом. Данный спор проистекает из извечного морального противостояния касательно вопроса о распоряжении человеком своими правами – с одной стороны, право отказаться от осуществления прививки, с другой – право на мероприятия по обеспечению здоровья и благополучия населения, в том числе на купирование распространения инфекционных заболеваний. В юридической науке отмечается, что по итогу правовой статус личности все же претерпел негативные изменения¹. В то же время, учеными отмечается, что современное общество, реализуя принцип социальной солидарности, должно стремиться к определенному консенсусу². Рассмотрим данный правовой вопрос по порядку, начиная с положений Конституции России.

Согласно ч. 1 и 2 ст. 41 Конституции в России каждому гарантируется право на охрану здоровья и медицинскую помощь, а также финансируются федеральные программы охраны и укрепления здоровья населения. Право на

¹ Сусликов В.Н., Богдан В.В., Воронцова Е.В. Правовое регулирование охраны и защиты прав граждан на здоровье в Российской Федерации: Монография. Новосибирск: Изд. АНС «СибАК», 2016. С. 4.

² Гуторова А.Н. Конституционные гарантии выражения доверия или недоверия гражданского общества: Сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 30-летию Конституции Российской Федерации, 30-летию юридического факультета Амурского государственного университета. Благовещенск, 2024. С. 46.

здоровье возведено в ранг конституционной ценности¹. Важно отметить, что Конституция не гарантирует каждому право на здоровье, ограничиваясь правом на его охрану, что является следствием исключительно субъективной природы человека, его физиологических и психических характеристик. При этом право на охрану здоровья гарантируется также и иностранным гражданам с учетом норм международных договоров России². Установление основным законом России права на здоровье было бы заранее невозможным к полному обеспечению, а норма, гарантирующая данное право, заведомо была бы мертвой. В связи с этим, российская Конституция гарантирует исключительно право на охрану здоровья и проистекающее из него право на медицинскую помощь. Хотя, например, В.В. Комарова полагает, что право на здоровье – самостоятельное право и относится к числу конституционно защищаемых ценностей³.

Под здоровьем, согласно российскому законодательству, понимается состояние физического, психического и социального благополучия человека, при котором отсутствуют заболевания, а также расстройства функций органов и систем организма⁴ (соответствующее определение было основано на определении здоровья, сформулированного в Уставе (Конституции) Всемирной организации здравоохранения⁵). При этом, под охраной здоровья,

¹ См.: Аничкин Е.С. Конституционный статус человека и гражданина в условиях пандемии коронавирусной инфекции: векторы трансформации в России // Правоприменение. 2021. Том 5. № 3. С. 101–111; Василевич Г.А., Остапович И.Ю., Калинина Е.Г. Пандемия коронавируса как основание ограничения прав и свобод человека // Правоприменение. 2021. № 2. С. 62–76; Корниенко А.С., Самохвалов Н.А. COVID-19: правовое регулирование всеобщей вакцинации // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 5. С. 148–166.

² Лухтенкова Я.С. Конституционное право граждан на медицинскую помощь: проблемы реализации // Молодой ученый. 2018. № 2. С. 187.

³ Комарова В.В. Биотехнологии и их роль в реализации права человека на жизнь и права на здоровье // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право. 2025. № 2. С. 42

⁴ Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (ред. от 24.11.2025 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011 г. № 48 Ст. 6724; 2025. № 47 Ст. 7052.

⁵ Устав (Конституция) всемирной организации здравоохранения/ Устав ВОЗ / Руководящие органы / информация о ВОЗ / Главная страница [сайт]. URL: <https://www.who.int/ru/about/governance/constitution> (дата обращения: 04.12.2022).

согласно Федеральному закону от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее – ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации») следует понимать систему мер политического, экономического, правового, социального, научного, медицинского, в том числе санитарно-противоэпидемического (профилактического), характера, осуществляемых органами государственной власти РФ, органами государственной власти субъектов РФ, органами местного самоуправления, организациями, их должностными лицами и иными лицами, гражданами в целях профилактики заболеваний, сохранения и укрепления физического и психического здоровья каждого человека, поддержания его долголетней активной жизни, предоставления ему медицинской помощи¹. Исходя из данного определения, можно выделить ряд важных правовых характеристик, как охраны здоровья, так и соответствующего ей права.

Во-первых, охрана здоровья – комплексная деятельность, состоящая из множества разнопорядковых компонентов:

- создания и постоянного реформирования необходимой правовой основы деятельности в сфере здравоохранения;
- создание, развитие и обеспечение деятельности соответствующей организационной государственной, а также муниципальной структуры;
- гарантирование возможности создания и эффективного функционирования частного сектора в сфере медицины и здравоохранения;
- обеспечение экономической возможности граждан обращаться к услугам частных медицинских клиник;
- обеспечение просветительской деятельности в сфере здравоохранения, в том числе в сфере иммунопрофилактики.

Во-вторых, несмотря на включение в качестве субъектов мер, реализуемых в ходе осуществления охраны здоровья, не только государства,

¹ Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (ред. от 24.11.2025 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011 г. № 48 Ст. 6724; 2025. № 47 Ст. 7052.

основная тяжесть решения данного вопроса лежит именно на нем. Данный вывод следует из положения ст. 2 Конституции РФ, согласно которой признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства. Из этого следует, что именно государство и его компетентные органы и должностные лица несут позитивную ответственность, а в определенных случаях и негативную, например, при нарушении положений ч. 3 ст. 41 Конституции России, за организацию системы охраны здоровья.

В-третьих, право на охрану здоровья не может быть реализовано без волеизъявления человека, как субъекта и носителя данного права. Из этого следует, что даже в случае создания безупречной системы здравоохранения ее уровень эффективности будет прямо пропорционален уровню готовности граждан реализовывать данное право всеми допустимыми способами.

В-четвертых, часто реализация права на охрану здоровья одного человека находится в тесной, прямой зависимости от реализации данного права другим человеком. Данная степень взаимной зависимости раскрывается в отношении реализации права на охрану здоровья «от» инфекционных заболеваний.

Наглядным примером такой взаимозависимости права на охрану здоровья стала ситуация, вызванная новой коронавирусной инфекцией COVID-19 в 2020-2021 годах. Возникновение и стремительное распространение новой инфекции, высокая степень контагиозности и наступления летального исхода заболевших потребовали принятия экстренных и часто неординарных мер для защиты не только права человека на охрану здоровья, но и коррелирующего с ним права на жизнь. Соответствующие мероприятия предусматривали определенные ограничения прав в целях обеспечения защиты права на охрану здоровья.

Исходя из данной характеристики права на здоровье возникает антагонизм права на здоровье и обязанностью поддержания здоровья отдельного человека на надлежащем уровне, в целях защиты интересов

общества и государства, и, самое важное, собственно права на здоровье отдельного человека. Несмотря на то, что в России нет прямого законодательного закрепления в отношении человека обязанности поддержания его собственного здоровья, фактически эта обязанность формально получает закрепление и выражение как раз во введении ограничений прав и свобод в целях защиты здоровья населения.

Обратим внимание, что при достаточно детальном уровне регламентации вопросов здоровья и его охраны в Российской Федерации отсутствует легальное определение «здоровья населения», несмотря на его неоспоримую значимость не только для государства и общества, но также и для личности.

Еще одной проблемой является терминологическая путаница. На внутригосударственном и международном уровне отмечается существование таких терминов как: «общественное здоровье», «популяционное здоровье», «здоровье населения», «общественное здравоохранение» и другие¹. Исключим из анализа данного проблемного вопроса дефиницию «общественное здравоохранение», поскольку как было указано в Российской Федерации под охраной здоровья, иными словами здравоохранением, понимают систему разных мер по обеспечению здоровья. Таким образом, общественное здравоохранение будет представлять собой систему мер по обеспечению общественного здоровья.

Однако вопрос о соотношении иных категорий между собой следует рассмотреть. На наш взгляд следует отождествлять категории «популяционное здоровье» и «здоровье населения». Так, под популяцией следует понимать «длительно существующая совокупность особей одного вида животных или растений», в данном случае, совокупность людей, т.е.

¹ См.: Муслимов М.И., Гуреев С.А., Мингазова Э.Н. К вопросу об общественном и популяционном здоровье // Менеджер здравоохранения. 2024. № 7. С. 97-105; Общественное здоровье: эволюция понятия в стратегических документах охраны здоровья и развития здравоохранения в странах мира / Е.И. Аксенова, Н.А. Гречушкина, Т.Н. Каменева, Н.Н. Камынина. – М.: ГБУ «НИИОЗММ ДЗМ», 2021. 42 с.

население определенной территории¹. Полностью же отождествить «общественное здоровье» и «здоровье населения» не получится, так как формально последнее может касаться населения различных территорий – населенного пункта, муниципального района, субъекта федерации, страны, географического региона и т.д. Иными словами, данный термин имеет «плавающую» коннотацию, зависящую от контекста его употребления. Однако предметом настоящего диссертационного исследования является ограничение прав граждан России в целях защиты населения, из чего следует, что рассматривается здоровье населения всей страны. Следовательно, в данном случае термины «общественное здоровье» и «здоровье населения» будут фактически синонимичны.

Закрепление на конституционном уровне в процессе конституционной реформы 2020 года термина «общественное здоровье», очевидно, потребовало нового взгляда при его доктринальной концепции в юриспруденции и правового механизма реализации². В науке существует множество подходов к пониманию содержания термина «общественное здоровье». Так, академик РАМН Ю.П. Лисицын определяет общественное здоровье как «такое состояние, такое качество общества, которое обеспечивает условия для образа жизни людей, не обремененных заболеваниями, физическими и психическими расстройствами, т.е. такое состояние, при котором обеспечивается формирование здорового образа жизни³. По мнению М.Р. Корнеева общественное здоровье – это важнейший экономический и социальный потенциал страны, обусловленный воздействием различных факторов окружающей среды и образа жизни населения, позволяющий обеспечивать оптимальный уровень качества и

¹ Большой толковый словарь русского языка / [гл. ред. С.А. Кузнецов]. - Санкт-Петербург: Норинт; Москва: Рипол классик, 2008. [сайт]. URL: <https://gramota.ru/poisk?query=популяция&mode=all> (дата обращения: 09.07.2025).

² Комарова В.В. Общественное здоровье в конституционно-правовом ракурсе // Образование и право. 2024. № 1. С. 28.

³ Общественное здоровье: эволюция понятия в стратегических документах охраны здоровья и развития здравоохранения в странах мира / Е.И. Аксенова, Н.А. Гречушкина, Т.Н. Каменева, Н.Н. Камынина. – М.: ГБУ «НИИОЗММ ДЗМ», 2021. С. 9.

безопасности жизни¹. М.И. Муслимов, С.А. Гуреев и Э.Н. Мингазова рассматривают общественное здоровье, как медико-социальный и экономический потенциал развития страны и общества, находящийся под воздействием факторов среды и образа жизни населения, обеспечивающий оптимальный уровень качества и безопасности жизни населения². Таким образом, современные ученые определяют общественное здоровье, как конституционно-правовую ценность³, как общественную ценность⁴, тем не менее вкладывая в данную категорию разные составляющие⁵.

В приведенных позициях четко прослеживается социальный характер общественного здоровья, его важность для нормального развития и функционирования общества. При этом, в основе своей, общественное здоровье, оно же здоровье населения страны, представляет собой совокупность здоровья каждого человека страны. Обеспечение здоровья каждого отдельного человека детерминирует общее здоровье населения и обеспечивает тот самый социальный потенциал развития общества и государства. Вместе с тем, следует согласиться с авторами монографии «Безопасность детства: социальные проблемы и правовые способы их решения», что решению вопросов безопасности необходимо подходить системно⁶, что подтверждает наш тезис о триаде конституционного конструкта «защита здоровья», которая включает в себя защиту здоровья личности, защиту здоровья иных лиц и общественное здоровье. Следует признать обоснованным утверждение В.В. Комаровой, что конституционные

¹ Корнеев М.Р. Здоровье и его социальная обусловленность // Бюллетень ВСНЦ СО РАМН. 2005. № 8 (46). С. 206.

² Муслимов М.И., Гуреев С.А., Мингазова Э.Н. К вопросу об общественном и популяционном здоровье // Менеджер здравоохранения. 2024. № 7. С. 98 с.

³ Цомартова Ф.В., Н.В. Путило Общественное здоровье: от принципа управления здравоохранением до конституционно-правовой ценности // Журнал российского права. 2023. Т. 27. № 1. С. 96.

⁴ Салагай О.О., Сошкина К.В. Концепция личной ответственности за сохранение здоровья: правовой аспект // Журнал российского права. 2020. № 8. С. 97.

⁵ Комарова В.В. Общественное здоровье в конституционно-правовом ракурсе // Образование и право. 2024. № 1. С. 32-33.

⁶ Павленко Е.М. Международные стандарты обеспечения безопасности ребенка / Безопасность детства: социальные проблемы и правовые способы их решения: монография / Под ред. О.Ю. Рыбакова. М.: Проспект, 2023 – 424 с.

поправки 2020 г. детализировали общество как основной субъект правового регулирования при реализации общественного здоровья: усилено конституционное закрепление характеристик общества путем указания на новые направления его развития, направления правового регулирования (например, безопасность личности и общества помимо безопасности государства) и установлением новых способов и правовых механизмов достижения поставленных целей, задач и приоритетов¹. Становление термина «общественное здоровье» как правовой категории в современной правовой действительности России продолжается².

Таким образом, под здоровьем населения предлагаем понимать состояние населения, выраженное в совокупности нормального физиологического и психического состояния каждого отдельного человека, необходимого для стабильного функционирования и развития общества и государства.

Исходя из данного определения следует, что здоровье населения прямо пропорционально здоровью каждого индивида, что, в свою очередь, требует обеспечение защиты здоровья отдельного человека.

Одним из первых актов федерального уровня, вводящих ограничения прав человека в целях защиты права на охрану здоровья, и даже права на жизнь, стало Постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 18.03.2020 г. № 7 «Об обеспечении режима изоляции в целях предотвращения распространения COVID-2»³. Центральной ограничительной мерой, устанавливаемой данным правовым актом, стало введение самоизоляции для всех лиц, прибывающих на территорию России, продолжительностью 14 календарных дней со дня их прибытия. Данная обязанность (данную категорию следует считать именно обязанностью, а не

¹ Комарова В.В. Общество сквозь призму конституционного законодательства России и Китая // Юридическая наука в Китае и России. 2023. № 6. С. 10.

² Комарова В.В. «Общественное здоровье» в теоретико-правовом аспекте // Российский юридический журнал. 2024. № 3 (156). С. 15.

³ Постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 18.03.2020 г. № 7 «Об обеспечении режима изоляции в целях предотвращения распространения COVID-2» // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) 19 марта 2020 г.

самообязыванием, имеющим более сложную природу)¹ представляет собой вариант ограничения свободы передвижения, предусмотренной ст. 27 Конституции РФ, что находит отклик в юридической науке². Отметим, что подобная практика была распространена не только в России³.

Следующим знаковым нормативным правовым актом федерального уровня, также ставшим правовой основой введения ограничений прав и свобод в связи с новой коронавирусной инфекцией COVID-19, стал Указ Президента РФ от 11 мая 2020 г. № 316 «Об определении порядка продления действия мер по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения в субъектах Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)»⁴ (далее – Указ Президента РФ № 316). Подчеркнем особую роль указов Президента РФ в системе нормативных правовых актов России⁵. Данный указ не вводит непосредственно ограничения прав, однако обязует действовать подобным образом высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов России. Так, п. 1 Указа Президента РФ № 316 обязует высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) в случае необходимости: продлевать действие ограничительных мер, направленных на

¹ Мархгейм М.В. Права и обязанности: аккорды диалектики: Право и государство в современном мире: состояние, проблемы, тенденции развития: материалы международной научно-теоретической конференции - XI Международные «Мальцевские чтения» - памяти заслуженного деятеля науки Российской Федерации, члена-корреспондента РАН, доктора юридических наук, профессора Мальцева Геннадия Васильевича. Белгород, 2024. С. 23-30.

² Беляева Г.С. Правовые режимы, основанные на ограничениях: к определению понятия // Право и политика. 2015. № 8 (188). С. 1143.

³ Самойленко А.А. Информационные технологии и их роль в минимизации негативных последствий от распространения коронавирусной инфекции COVID-19 // Постсоветские исследования. 2020. № 4. Т. 3 С. 336.

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 11 мая 2020 г. № 316 «Об определении порядка продления действия мер по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения в субъектах Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)»: // Российская газета 2020. № 100 (8154).

⁵ Мархгейм М.В., Алексеева Ж.Д. Акты Президента Российской Федерации: понятие, виды, сопряжение: Konferenz Wissenschaft und Bildung: In- und ausländische Erfahrung. Gelsenkirchen, 2024. С. 28-34.

обеспечение санитарно-эпидемиологического благополучия населения на соответствующих территориях субъекта России; приостанавливать либо ограничивать, в том числе путем определения особенностей режима работы, численности работников, деятельности находящихся на соответствующей территории отдельных организаций независимо от организационно-правовой формы и формы собственности; устанавливать в случае необходимости особый порядок передвижения на соответствующей территории лиц и транспортных средств¹. Таким образом, данный нормативный правовой акт напрямую определяет варианты ограничения прав и свобод (преимущественно свободы передвижения), которые непосредственно вводятся уже на уровне субъектов РФ. Подобный порядок решения соответствующей ситуации обусловлен из принципа децентрализации публичной власти, являющегося одним из ключевых конституционных принципов России².

Указ Президента РФ № 316 передал инициативу по вопросу введения и продления ограничений прав и свобод в руки органов государственной власти субъектов РФ. Следствием данного распределения полномочий между органами государственной власти РФ и органами государственной власти ее субъектов, стала разная правотворческая практика. При этом, данная практика представляется верной, поскольку позволяет эффективно реагировать на динамику развития пандемии. Подобное мнение нашло отображение и в юридической науке³. Проанализируем некоторые нормативные правовые акты субъектов РФ, принятые для борьбы с новой

¹ Указ Президента Российской Федерации от 11 мая 2020 г. № 316 «Об определении порядка продления действия мер по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения в субъектах Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)»: // Российская газета 2020. № 100 (8154).

² Гуторова А.Н. Народное доверие в конституционном праве современной России: проблемы теории и правового регулирования: дис. ... доктора юрид. наук. Нижний Новгород. 2024. С. 361.

³ Попов М.Ю., Самыгин П.С., Самыгин С.И. К дискуссии об ограничении прав и свобод человека в условиях пандемии// Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 4. С. 143-147.

коронавирусной инфекции COVID-19, ограничивающие с этой целью права и свободы.

Актом, ограничивающим права граждан на территории города Москвы, в частной и публичной сферах жизни человека (ограничения экономических, социальных и культурных прав и свобод нас пока не интересуют), стал Указ Мэра Москвы № 12-УМ от 05 марта 2020 года «О введении режима повышенной готовности». Данный указ опередил Постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 18.03.2020 г. № 7 «Об обеспечении режима изоляции в целях предотвращения распространения COVID-2019», введя самоизоляцию для всех лиц, прибывающих на территорию РФ, продолжительностью 14 календарных дней со дня их прибытия прибывших из Китайской Народной Республики, Республики Кореи, Итальянской Республики, Исламской Республики Иран, Французской Республики, Федеративной Республики Германия, Королевства Испании, а также других государств с неблагоприятной ситуацией с распространением новой коронавирусной инфекции¹. Затем в данный указ неоднократно вносились изменения, с целью ужесточения ограничений прав и свобод. Так, 10 марта 2020 года было запрещено до 10 апреля 2020 г. проведение на территории города Москвы спортивных, зрелищных, публичных и иных массовых мероприятий с числом участников более 5000 человек – Указ мэра Москвы от 10 марта 2020 года № 17-УМ «О внесении изменения в указ Мэра Москвы от 05 марта 2020 г. № 12-УМ»²); 25 марта 2020 г. – приостановлено проведение в городе Москве досуговых, развлекательных, зрелищных, культурных, физкультурных, спортивных, выставочных, просветительских, рекламных и иных подобных мероприятий с очным присутствием граждан, а также оказание соответствующих услуг, в том числе в парках культуры и отдыха, торгово-развлекательных центрах, на аттракционах и в иных местах

¹ Указ Мэра Москвы от 05 марта 2020 г. № 12-УМ «О введении режима повышенной готовности» // Вестник Мэра и Правительства Москвы 2020. № 14.

² Указ мэра Москвы от 10 марта 2020 года № 17-УМ «О внесении изменения в указ Мэра Москвы от 05 марта 2020 г. № 12-УМ» // Вестник Мэра и Правительства Москвы 2020. № 13.

массового посещения граждан, а так же посещение гражданами зданий, строений, сооружений (помещений в них), предназначенных преимущественно для проведения указанных мероприятий (оказания услуг) – Указ мэра Москвы от 25 марта 2020 года № 28-УМ «О внесении изменений в указ Мэра Москвы от 05 марта 2020 г. № 12-УМ»; с 26 марта 2020 года – введена обязанность соблюдать требования по самоизоляции граждан в возрасте старше 65 лет, а также граждан, имеющих определенные заболевания – Указ мэра Москвы от 26 марта 2020 года № 31-УМ «О внесении изменений в указ Мэра Москвы от 05 марта 2020 г. № 12-УМ»¹; 29 марта 2020 года – в отношении всех жителей столицы независимо от возраста, была введена обязанность не покидать места проживания (пребывания) за исключением определенных случаев – Указ мэра Москвы от 29 марта 2020 года № 34-УМ «О внесении изменений в указ Мэра Москвы от 05 марта 2020 г. № 12-УМ»².

Нормативные правовые акты, вводящие похожего рода мероприятия, принимались также и в других субъектах РФ, например, соответствующие редакции Постановления губернатора Пензенской области от 16 марта 2020 года № 27 «О введении режима повышенной готовности на территории Пензенской области»³, Постановление губернатора Московской области от 12 марта 2020 года № 108-ПГ «О введении в Московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (2019-nCoV) на территории Московской

¹ Указ мэра Москвы от 25 марта 2020 года № 28-УМ «О внесении изменений в указ Мэра Москвы от 05 марта 2020 г. № 12-УМ» // Вестник Мэра и Правительства Москвы 2020. № 18.

² Указ мэра Москвы от 29 марта 2020 года № 34-УМ «О внесении изменений в указ Мэра Москвы от 05 марта 2020 г. № 12-УМ» // Вестник Мэра и Правительства Москвы 2020. № 19.

³ Постановления губернатора Пензенской области от 16 марта 2020 года № 27 «О введении режима повышенной готовности на территории Пензенской области» //Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) 16 марта 2020 г.

области»¹, Указ главы Республики Дагестан от 18 марта 2020 года № 17 «О введении режима повышенной готовности»², Распоряжение Губернатора Курской области от 10 марта 2020 года № 60-рг «О введении режима повышенной готовности»³.

Проведя анализ данных актов, и предусмотренных в них мерах противодействия распространению коронавирусной инфекции COVID-2019, можно выделить в них ограничение следующих конституционных прав и свобод: свобода передвижения (ст. 27 Конституции РФ) – самоизоляция, обязанность граждан не покидать места жительства (пребывания) за исключением определенных случаев, свобода собраний (ст. 31 Конституции РФ) – приостановление проведения публичных мероприятий с очным участием граждан. Косвенно также была ограничена свобода вероисповедания (ст. 28 Конституции РФ), гарантирующая каждому право исповедовать совместно с другими любую религию.

Исследуя вопрос ограничений прав и свобод в целях защиты здоровья населения в условиях пандемии коронавирусной инфекции COVID-2019, необходимо отметить, что в юридической науке ряд ученых высказывал критику формальной стороне вводимых ограничений⁴.

Как указывает Е.Н. Дорошенко, указанные выше ограничения были введены в субъектах РФ в связи с установлением режима повышенной

¹ Постановление губернатора Московской области от 12 марта 2020 года № 108-ПГ «О введении в Московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (2019-nCoV) на территории Московской области» // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) 19 мая 2020 г.

² Указ главы Республики Дагестан от 18 марта 2020 года № 17 «О введении режима повышенной готовности» // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) 18 марта 2020 г.

³ Распоряжение Губернатора Курской области от 10 марта 2020 года № 60-рг «О введении режима повышенной готовности» // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) 13 марта 2020 г.

⁴ См.: Дорошенко Е.Н. Конституционно-правовые основы ограничения прав человека в связи с пандемией новой коронавирусной инфекции // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 12 (121). С. 48-56; Сквозников А.Н. Ограничение прав и свобод человека в условиях пандемии COVID-19: международно-правовые аспекты // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. № 3. С. 222–240.

готовности¹. Данный правовой режим предусмотрен пп. «б» п. 6 ст. 4.1 ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера», который вводится при угрозе возникновения чрезвычайной ситуации².

Е.Н. Дорошенко выражает недоумение касательно использования данного правового режима для противодействия распространению коронавирусной инфекции COVID-2019, так как согласно п. 10 ст. 4.1 ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера», в качестве инструментов правового регулирования, выражающихся в ограничении прав человека в условиях указанного режима, предусматривает лишь возможность ограничения доступа людей и транспортных средств на территорию, на которой существует угроза возникновения чрезвычайной ситуации (пп. «а» п. 10 ст. 4.1 ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера»)³. Более того, пп. «д» п. 10 ст. 4.1 прямо устанавливает, что в условиях режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации, органы государственной власти, как регионального, так и федерального уровня, осуществляют меры, обусловленные развитием чрезвычайной ситуации, не ограничивающие прав и свобод человека и гражданина и направленные на защиту населения и территорий от чрезвычайной ситуации, создание необходимых условий для предупреждения и ликвидации чрезвычайной ситуации и минимизации ее негативного воздействия⁴. Таким образом, режим повышенной готовности не создает правового поля, необходимого для возможности введения

¹ Дорошенко Е.Н. Указ. Сочинение. С. 50.

² Федеральный закон от 21 ноября 1994 № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» (ред. от 08.08.2024 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 35. Ст. 3648; 2024. № 33 (часть I). Ст. 4928.

³ Дорошенко Е.Н. Указ. сочинение. С. 53.

⁴ Федеральный закон от 21 ноября 1994 № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» (ред. от 08.08.2024 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 35. Ст. 3648; 2024. № 33 (часть I). Ст. 4928.

ограничения всего того спектра прав и свобод, которые были подвергнуты ограничениям нормативно правовыми актами субъектов Российской Федерации в период пандемии коронавирусной инфекции COVID-2019.

При этом, пп. «а.1» и «а.2» ст. 10 – наделяющие Правительство РФ полномочием по введению режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации сопряженных ограничениями, коррелирующих соответствующим правовым режимам, а также пп. «у» и «ф» п. 1 ст. 11 ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера», наделяющие органы государственной власти субъектов РФ аналогичными полномочиями, были внесены в данный закон уже после начала пандемии и введения исследуемых ограничений Федеральным законом от 01 апреля 2020 г. № 98-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций»¹, в целях оперативной адаптации законодательства к реализованной модели ограничительных мер².

В то же время, Постановление Правительства РФ от 02.04.2020 г. № 417 «Об утверждении Правил поведения, обязательных для исполнения гражданами и организациями, при введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации» – которое также было принято после введения ограничительных мер и до внесения поправок, наделяющих Правительство РФ полномочием по утверждению соответствующих правил поведения – закономерно и логично устанавливает обязанность граждан по соблюдению общественного порядка, требований российского законодательства о защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, о санитарно-

¹ Федеральный закон от 01 апреля 2020 г. № 98-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций» (ред. от 08.08.2024 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 14. (часть I) Ст. 2028; 2024. № 33 (часть II) Ст. 5064.

² Дорошенко Е.Н. Указ. сочинение. С. 52.

эпидемиологическом благополучии населения¹. То есть, данные правила опираются не только на положения ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера», но и, что вполне обоснованно, на положения Федерального закона от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» (далее – ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения»), который однако наделяет органы государственной власти субъектов РФ полномочием по введению и отмене на территории субъекта РФ ограничительных мероприятий (карантина), но не самоизоляции, на основании предложений, предписаний главных государственных санитарных врачей и их заместителей – данное полномочие предусматривалось как в редакции закона на весну 2020 года, так и в современной редакции².

При этом, несмотря на определенную схожесть содержания самоизоляции и карантина, о чем свидетельствует широкое и пространное определение карантина (административные, медико-санитарные, ветеринарные и иные меры, направленные на предотвращение распространения инфекционных заболеваний и предусматривающие особый режим хозяйственной и иной деятельности, ограничение передвижения населения, транспортных средств, грузов, товаров и животных)³, данные правовые режимы имеют разную правовую природу⁴. Так, как указывают Н.В. Панкевич и В.В. Руденко, можно выделить следующие отличительные черты самоизоляции и карантина: 1) круг ограничительных мероприятий при самоизоляции уже и ограничение передвижения распространяется

¹ Постановление Правительства РФ от 02.04.2020 г. № 417 «Об утверждении Правил поведения, обязательных для исполнения гражданами и организациями, при введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации» // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) 03 апреля 2020 г.

² Федеральный закон от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» (ред. от 26.12.2024 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 14. Ст. 1650; 2024. № 57 Ст. 8495.

³ Там же.

⁴ См.: Габиева С. Пределы ограничения прав и свобод в Российской Федерации // Закон и право. 2020. № 8. С. 27-29; Шумских Ю. Ужесточение юридической ответственности в условиях коронавируса // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2020. № 3. С. 56-63.

исключительно на физических лиц, в то время как карантин может распространяться на транспортные средства, грузы, товары, животные, что следует из его легального определения; 2) самоизоляция устанавливается применительно к субъекту – категории лиц – в то время как карантин к объекту, например, территории; 3) порядок осуществления карантина устанавливается санитарными правилами и иными нормативными правовыми актами России, правила введения самоизоляции – актами о введении режима повышенной готовности и карантина; 4) карантин вводится (отменяется) на основании предложений, предписаний главных государственных санитарных врачей и их заместителей решением Правительства РФ или органа исполнительной власти субъекта РФ, органа местного самоуправления, а также решением уполномоченных должностных лиц федерального органа исполнительной власти или его территориальных органов, структурных подразделений, в ведении которых находятся объекты обороны и иного специального назначения, самоизоляция в период распространения коронавирусной инфекции вводилась актами высшего должностного лица (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти субъекта РФ) и актами органа местного самоуправления в рамках режимов повышенной готовности¹. Также на период самоизоляции вводится непреклонный запрет на выход из дома, в то время как на период карантина выдается больничный².

Следовательно, правила введения карантина для самоизоляции не применимы, а это значит, что отсылка Постановления Правительства РФ от 02.04.2020 г. № 417 «Об утверждении Правил поведения, обязательных для исполнения гражданами и организациями, при введении режима

¹ См.: Федеральный закон от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» (ред. от 26.12.2024 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 14. Ст. 1650; 2024. № 57 Ст. 8495; Панкевич Н.В., Руденко В.В. Самоизоляция как правовой режим: опыт России // Правопорядок: история, теория, практика. 2021. № 2 (29). С. 16-23.

² Воронцов С.А. О соотношении прав и свобод человека с уровнем безопасности личности, общества, государства в период пандемии // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2020. № 5 (120). С. 51.

повышенной готовности или чрезвычайной ситуации» на ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения», с точки зрения введения карантина, бесполезна.

Аналогичным образом, ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» не применим и к иным ограничениям, вводившимся вне рамок самоизоляции, например обязанность не покидать места проживания (пребывания) граждан вне зависимости от возраста, ограничивающая свободу передвижения.

Соответственно, на момент введения субъектами РФ соответствующих ограничений, в России не существовало правовой основы регулирования порядка утверждения соответствующих ограничений, (вне зависимости от того вводились ли они в рамках самоизоляции или нет) что привело к опережению принятия подзаконных правовых актов над законами а регионального законодательства над федеральным, и реализации отдельных конституционных прав граждан на основе подзаконных правовых актов¹.

Можно с достаточной степенью уверенности сказать, что главным вопросом, связанным с ограничением прав в условиях пандемии коронавирусной инфекции COVID-19, является вопрос о соблюдении конституционного порядка введения соответствующих ограничений.

Основываясь на ч. 3 ст. 55 Конституции России, ст. 8 Закона РФ «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации», определяет, что право российских граждан на свободу передвижения может быть ограничено на отдельных территориях и в населенных пунктах, где в случае опасности распространения инфекционных и массовых неинфекционных заболеваний и отравлений людей введены особые условия и режимы проживания населения и хозяйственной деятельности², т.е. также

¹ Дорошенко Е.Н. Указ. сочинение. С. 52.

² Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации. 1993. №32. Ст. 1227; Собрание законодательства РФ. 2023. № 5. Ст. 701.

должны быть соблюдены требования содержательного и формального характера по введению соответствующего ограничения.

Тем не менее, следует напомнить о сложном составе права на охрану здоровья «от заражения инфекционным заболеванием», возможность реализации которого находится в прямо пропорциональной зависимости от его же реализации другими лицами.

Рассматривая данный вопрос, следует обратиться к Постановлению КС РФ от 25 декабря 2020 года № 49-П «По делу о проверке конституционности подпункта 3 пункта 5 постановления Губернатора Московской области «О введении в Московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-2019) на территории Московской области» в связи с запросом Протвинского городского суда Московской области»¹.

В указанном постановлении КС РФ указал на то, что данные меры были приняты в экстраординарной обстановке, не носили абсолютного характера, так как допускали определенные исключения из введенных ограничений, и были направлены на защиту жизни и здоровья человека. Тот факт, что в данной обстановке Губернатором Московской области, как и в большинстве субъектов Российской Федерации, было осуществлено опережающее нормотворчество, по мнению КС РФ, вследствие (спустя незначительный период) легитимации данных ограничительных

¹ Постановление КС РФ от 25 декабря 2020 года № 49-П «По делу о проверке конституционности подпункта 3 пункта 5 постановления Губернатора Московской области «О введении в Московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-2019) на территории Московской области» в связи с запросом Протвинского городского суда Московской области» // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) 29 декабря 2020 г.

мероприятий правовыми актами федерального уровня, не может расцениваться как противоречие положениям Конституции РФ¹.

Таким образом, КС РФ постановил, что в указанной экстраординарной ситуации опережающее нормотворчество субъектов Российской Федерации было мерой вынужденной и необходимой, а также непротиворечащей положениям Конституции в силу его последующего «узаконения» федеральным законодателем.

В рамках проведения исследования проанализируем природу самоизоляции и карантина. Как было указано выше, ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» закрепляет весьма пространное определение карантина, включая в него одновременно и комплекс мероприятий, и сопутствующий им правовой режим². Соответствующая терминологическая путаница складывается и в отношении самоизоляции – в постановления Главного государственного санитарного врача используется конструкция «режим самоизоляции». Безусловно, данное терминологическое своеволие привнесло свой ощутимый вклад в сложившуюся ситуацию. Неоднозначный подход к природе карантина и самоизоляции сохраняется и в юридической науке³.

При этом под режимом следует понимать особый порядок правового регулирования, который состоит в использовании определенного комплекса

¹ Постановление КС РФ от 25 декабря 2020 года № 49-П «По делу о проверке конституционности подпункта 3 пункта 5 постановления Губернатора Московской области «О введении в Московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-2019) на территории Московской области» в связи с запросом Протвинского городского суда Московской области» // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) 29 декабря 2020 г.

² Федеральный закон от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» (ред. от 26.12.2024 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 14. Ст. 1650; 2024. № 57 Ст. 8495.

³ См.: Панкевич Н.В., Руденко В.В. Самоизоляция как правовой режим: опыт России // Правопорядок: история, теория, практика. 2021. № 2 (29). С. 16-23; Конджакулян К.М. Правовые и управленческие меры, реализованные в Москве в условиях пандемии в целях обеспечения и защиты основных прав российских граждан: Правовые и управленческие меры борьбы с пандемией в России: ретроспективный взгляд в 2020 год: монография /под общ. ред. О. В. Зайцева. Москва: Проспект, 2022. С. 103.

юридических средств и способов для достижения желаемых целей¹. Правовой режим представляет собой сложную систему самих мероприятий, их правового основания, а также складывающуюся на их основе систему отношений. Ни карантин, ни самоизоляция как правовые явления такими разноплановыми характеристиками не обладают.

По своей сути карантин представляет совокупность разнородных мероприятий, применяемых в целях недопущения распространения заболеваний. Аналогичная природа характерна и для самоизоляции. Иными словами, карантин и самоизоляция не являются самостоятельными режимами, а представляют собой средства, применяемые в тех или иных правовых режимах, например, самоизоляция применялась в условиях режима повышенной готовности, а карантин может вводиться в условиях чрезвычайного положения².

В рамках обеспечения ограничения свободы передвижения лиц, находящихся на законных основаниях на территории России в условиях пандемии коронавирусной инфекции COVID-2019, ограничению также были подвергнуты и некоторые иные конституционные права и свободы. В частности, речь идет о гарантированном ст. 23 Конституции России праве на неприкосновенность частной жизни, дополнительно защищенном ч. 1 ст. 24 Конституции – сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускаются.

Так, по итогам проведенного 20 марта 2020 года заседания президиума Координационного совета при Правительстве РФ по борьбе с распространением новой коронавирусной инфекции на территории РФ, Председатель Правительства Михаил Мишустин поручил Минкомсвязи России организовать создание системы отслеживания граждан, находящихся в контакте с больными новой коронавирусной инфекцией, на основании

¹ Кулапов В.Л. Теория государства и права: учебник. Саратов, 2011. С. 477.

² Федеральный конституционный закон от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» (ред. от 02.11.2023 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 23. Ст. 2277; 2023. № 45. Ст. 7978.

сведений сотовых операторов о геолокации сотового телефона конкретного лица, предусмотрев возможность оповещения граждан о факте контакта с лицом, больным новой коронавирусной инфекцией, путём рассылки соответствующих сообщений в целях информирования их о необходимости самоизоляции, а также направление данной информации в оперативные штабы субъектов РФ¹. Данное поручение преследовало две цели: во-первых, обеспечить соблюдение гражданами самоизоляции и карантина, в целях превенции дальнейшего распространения новой коронавирусной инфекции COVID-2019; во-вторых, предупреждение всех, кто имел контакты с лицами, у которых был диагностирован COVID-2019 о факте этого.

Проект регламента отслеживания контактов больных COVID-2019 лиц, разработанный Минкомсвязью России предполагал определение, через базу номеров сотовых телефонов больных, собираемых Минздравом России, геолокацию, а также, с помощью операторов мобильной связи, их последние контакты, в том числе тех, с кем они общались по голосовой связи или по СМС в течении последних 14 дней, предшествовавших постановке соответствующего диагноза². Участвовать в сборе и обработке данной информации, кроме Микомсвязи и Минздрава России должны были оперативные штабы субъектов РФ, Росгвардия, МВД³. Предполагалось, что органы государственной власти, в целях обеспечения самоизоляции и (или) карантина лиц, в пандемии коронавирусной инфекции COVID-2019, будут собирать информацию о местонахождении больных лиц, а также сведения об их контактах, общении с гипотетически больными.

¹ О решениях по итогам заседания президиума Координационного совета при Правительстве Российской Федерации по борьбе с распространением новой коронавирусной инфекции/ Поручения и их выполнение / Правительство России [сайт]. URL: <http://government.ru/orders/selection/401/39243> (дата обращения: 04.01.2023).

² Минкомсвязь разработала систему отслеживания контактов зараженных коронавирусом/ Пандемия COVID-2019 / ТАСС [сайт]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/8898605> (дата обращения: 04.01.2023).

³ Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) 29 декабря 2020 г.

На наш взгляд данная информация относится к категории сведений, составляющих частную жизнь, поскольку они касаются узкого круга лиц, составляют часть их личной жизни. Соответствующей позиции придерживаются и такие ученые как Г.А. Гаджиев и А.Л. Кононов¹.

Данная информация также относится к категории персональных данных, определяемых в соответствующем федеральном законе. Так, согласно п. 1 ст. 3 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных», под персональными данными понимается любая информация, относящаяся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных)². В то время как информацию, которую согласно проекту Минкомсвязи России предлагалось собирать, составляли контактные номера мобильных телефонов и сведения о геопозиции как лиц, заболевших COVID-2019, так и находившихся с ними в контакте в течение последних 14 дней. Соответственно, данная информация, в особенности номера телефонов, позволяет определить (установить) физическое лицо (субъект персональных данных) – собственно, в этом и состоит цель проекта, который разрабатывало Минкомсвязь России.

Кроме того, предполагалось, что с помощью системы отслеживания граждан, находящихся в контакте с больными новой коронавирусной инфекцией, лица должны были оповещаться о факте контакта с заболевшим путем рассылки соответствующих сообщений и, таким образом, информироваться о необходимости самоизоляции³. При этом, данная рассылка может косвенно повлечь нарушения врачебной тайны, которую

¹ См.: Гаджиев Г.А. Статья 23. Комментарий к Конституции Российской Федерации. 2013. С. 229-235; Кононов А.Л. Статья 24. Комментарий к Конституции Российской Федерации. 2013. С. 236-240.

² Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» (ред. от 24.06.2025 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31. (часть I). Ст. 3451; 2025. № 26. (часть I) Ст. 3482.

³ Минкомсвязь: отслеживание перемещения инфицированных коронавирусом не нарушает закон / Стопкоронавирус.рф [сайт]. URL: <https://xn--80aesfpebagmfb1c0a.xn--plai/news/20200410-1417.html> (дата обращения: 05.01.2023).

составляют сведения о факте обращения гражданина за оказанием медицинской помощи, состоянии его здоровья и диагнозе, иные сведения, полученные при его медицинском обследовании и лечении¹.

Таким образом, описанный механизм представлял собой способ ограничения конституционного права на неприкосновенность частной жизни, поскольку не предусматривал вариативность действий со стороны заболевших лиц в вопросе предоставления ими персональных данных о себе.

Тем не менее, представляется, что данный случай соответствует установленному в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ порядку ограничения прав человека. Так, согласно п. 7 ч. 1 ст. 6 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» обработка персональных данных, что и подразумевает под собой сбор и работу с ними по проекту Минкомсвязи России, допускается, для достижения общественно значимых целей при условии, что при этом не нарушаются права и свободы субъекта персональных данных². Представляется, что цель сбора и обработки персональных данных, преследуемая по проекту Минкомсвязи России, а именно купирование распространения коронавирусной инфекции COVID-2019 в условиях ее пандемии, соответствует критерию общественно значимой цели.

Аналогичным образом п. 2 ч. 4 ст. 13 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», позволяет нарушить врачебную тайну при угрозе распространения инфекционных заболеваний, массовых отравлений и поражений³.

¹ Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (ред. от 24.11.2025 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011 г. № 48 Ст. 6724; 2025. № 47 Ст. 7052.

² Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» (ред. от 24.06.2025 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31. (часть I). Ст. 3451; 2025. № 26. (часть I) Ст. 3482.

³ Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (ред. от 24.11.2025 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011 г. № 48 Ст. 6724; 2025. № 47 Ст. 7052.

Соответственно, данное ограничение права на неприкосновенность частной жизни осуществлено в соответствии критериям, предусмотренным ч. 3 ст. 55 Конституции РФ.

Представляется необходимым проанализировать особое правовое решение, использование городом Москвой в рамках борьбы с распространением коронавирусной инфекции COVID-2019, а именно, нормативно правовое закрепление актом Мэра Москвы обязанности использовать мобильное приложение «Социальный мониторинг»¹. Данное приложение был обязан установить на собственный телефон гражданин, у которого подтверждался диагноз COVID-2019, а также проживавшие с ним совместно лица. Установленный «Социальный мониторинг» фиксировал местоположение телефона и несколько раз в день присылал запрос сделать фото, чтобы проверить, что пользователь рядом с телефоном².

Таким образом, обязанность использовать данное мобильное приложение также вело к ограничению права на неприкосновенность частной жизни путем истребования персональных данных гражданина с их последующей обработкой. Тем не менее, следует признать, что и в данном случае работает тот же механизм, что и с разработанным Минкомсвязи проектом системы отслеживания граждан, то есть данная обязанность полностью коррелирует с положением ч. 3 ст. 55 Конституции РФ п. 7 ч. 1 ст. 6 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных». Кроме того, следует отметить пп. «у» п. 1 ст. 11 ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера», наделяющий органы государственной власти субъектов РФ возможностью введения обязательных для исполнения

¹ Указ Мэра Москвы от 21 мая 2020 г. № 59-УМ «О внесении изменения в указ Мэра Москвы от 05 марта 2020 г. № 12-УМ» / Официальный портал Мэра и Правительства Москвы [сайт]. URL: <https://www.mos.ru/authority/documents/doc/43922220/> (дата обращения: 06.01.2023).

² Проект «Социальный мониторинг» / Официальный портал Мэра и Правительства Москвы [сайт]. URL: <https://www.mos.ru/authority/documents/doc/43922220/> (дата обращения: 06.01.2023).

гражданами и организациями правил поведения при введении режима повышенной готовности к этому момент уже вступил в действие¹.

Существенные ограничения конституционных прав человека связаны с процессом обязательной по существу вакцинации от коронавирусной инфекции COVID-2019, которая в научной литературе рассматривается как ключевой способ противодействия данной инфекции². Как отмечают Комкова Г.Н., Басова А. В. и Тогузаева Е.Н., одним из фундаментальных достижений медицины является вакцинация от инфекционных заболеваний, которая направлена на достижение профилактики в личных и общественных целях³. Вместе с тем, во всем мире, в том числе и в России, отмечается негативное явление – массовый отказ от вакцинации граждан по религиозным и иным личным мотивам, что приводит к вспышкам вакциноуправляемых заболеваний.

Законодательно в России существует две причины вакцинации населения – в целях общей профилактики (профилактические прививки) и по эпидемическим показаниям (профилактические прививки по эпидемическим показаниям)⁴. При этом право на отказ от прививок гарантируется федеральным законодательством – п. 1 ст. 5 Федерального закона от 17 сентября 1998 г. № 157-ФЗ «Об иммунопрофилактике инфекционных болезней» (далее – ФЗ «Об иммунопрофилактике инфекционных болезней»)⁵.

¹ Федеральный закон от 01 апреля 2020 г. № 98-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций» (ред. от 08.08.2024 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 14. (часть I) Ст. 2028; 2024. № 33 (часть II) Ст. 5064.

² Суровенко Т.Н., Глушкова Е.Ф. Вакцинация от гриппа в условиях пандемии COVID-19 // Поликлиника. 2021. № 1. С. 70-77.

³ Комкова Г.Н., Басова А. В., Тогузаева Е.Н. Пропаганда вакцинации в России: возможные пути совершенствования // Журнал инфектологии. 2025. Т. 17, № 1. С. 90-97.

⁴ Черепанова Т.С. Конституционно-правовые основы обязательной вакцинации в России // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 4. С. 48.

⁵ Федеральный закон от 17 сентября 1998 г. № 157-ФЗ «Об иммунопрофилактике инфекционных болезней» (ред. от 25.12.2023 г.) // Собрание законодательства РФ. 1998 г. №18 Ст. 4736; 2024.1 (часть I) Ст. 16.

Следует согласиться с позицией, в соответствии с которой данное право проистекает из более общего права – права на информированное добровольное согласие на медицинское вмешательство и на отказ от такого вмешательства, закрепленного в ст. 20 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»¹, которое в свою очередь восходит к конституционному праву на охрану здоровья (представляется верной позиция В.В. Гошуляка, который утверждает, что не все конституционные положения устанавливают точно определенные права и обязанности участников регулируемых отношений, как это и происходит в указанном выше случае)². Однако, в то же время, п. 3 ст. 10 ФЗ «Об иммунопрофилактике инфекционных болезней» вводит категорию «обязательной вакцинации», не давая при этом его определения³. На наш взгляд в ст. 1 ФЗ «Об иммунопрофилактике инфекционных болезней» необходимо закрепить определение «обязательной вакцинации», под которой следует понимать медицинское мероприятие по проведению профилактической прививки по эпидемическим показаниям категориям граждан, определенным в установленном законом порядке, отсутствие которой влечет за собой ограничение права на образование, свободы труда, свободы передвижения. При этом, представляется необходимым в ст. 10 рассматриваемого федерального закона, закрепить п. 4, согласно которому, уклонение категорий граждан, подлежащих обязательной вакцинации в соответствии с календарем профилактических прививок по эпидемическим показаниям, влечет за собой всеобъемлющее ограничение свободы передвижения, выражающееся в принудительной самоизоляции на период до

¹ Ястребов О.А. Обязательная вакцинация: социальное благо или нарушение индивидуальных прав // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2022. Т. 6 № 1. С. 225.

² Гошуляк В.В. Политико-правовая природа института собственности в России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2011. Т. 11. № 4. С. 100.

³ Федеральный закон от 17 сентября 1998 г. № 157-ФЗ «Об иммунопрофилактике инфекционных болезней» (ред. от 25.12.2023 г.) // Собрание законодательства РФ. 1998 г. № 18 Ст. 4736; 2024. 1 (часть I) Ст. 16.

отмены главным государственным санитарным врачом Российской Федерации, главным государственным санитарным врачом субъекта Российской Федерации, принявшим решение о проведении профилактических прививок по эпидемическим показаниям, соответствующего решения.

Указанные, на первый взгляд, антагонистичные категории на самом деле таковыми не являются и не создают правовой коллизии. По смыслу ст. 5 ФЗ «Об иммунопрофилактике инфекционных болезней» отказ от проведения профилактических прививок влечет за собой наложения определенных ограничений прав, в том числе личных прав и свобод. К таким правам относятся:

- права на образование и на прием в оздоровительные учреждения в случае возникновения массовых инфекционных заболеваний или при угрозе возникновения эпидемий;
- свобода передвижения;
- свободу труда и право на не запрещенную законом экономическую деятельность, по категориям работ, выполнение которых связано с высоким риском заболевания инфекционными болезнями¹.

Таким образом, «обязательная вакцинация» является таковой для сохранения возможности использования некоторого ряда прав. При этом персонифицированный подход к проведению прививок гражданам должен коррелироваться с их индивидуальными особенностями здоровья².

Данные ограничения, за исключением второго, налагаются как в случае отказа от проведения профилактической прививки, так и от проведения профилактической прививки по эпидемическим показаниям (второе ограничение налагается исключительно в случае возникновения массовых

¹ Федеральный закон от 17 сентября 1998 г. № 157-ФЗ «Об иммунопрофилактике инфекционных болезней» (ред. от 25.12.2023 г.) // Собрание законодательства РФ. 1998 г. № 18 Ст. 4736; 2024. 1 (часть I) Ст. 16.

² Басова А.В., Комкова Г.Н. Правовые проблемы вакцинации работников // Инфекционные болезни: новости, мнения, обучение. Журнал имени академика Н.Д. Ющука. 2025. Т. 14, № 2(53). С. 113.

инфекционных заболеваний или при угрозе возникновения эпидемий, как это и указано в законе). Вакцинация от коронавирусной инфекции COVID-2019 проводилась именно как профилактическая прививка по эпидемическим показаниям. Согласно ч. 2 и 3 ст. 10 ФЗ «Об иммунопрофилактике инфекционных болезней», данная категория прививок проводится по решению главного государственного санитарного врача РФ, либо главных государственных санитарных врачей субъектов РФ на основе календаря профилактических прививок по эпидемическим показаниям и в сроки проведения, которые утверждаются Минздравом России¹.

Правовым основанием для проведения прививок от коронавирусной инфекции COVID-2019 в 2021 году и стали решения главных государственных санитарных врачей субъектов РФ². К этому моменту возможность проведения профилактических по эпидемическим показаниям против коронавирусной инфекции COVID-2019 допускалось вследствие внесения изменений в Приказ Минздрава России от 21 марта 2014 г. № 125н «Об утверждении национального календаря профилактических прививок и календаря профилактических прививок по эпидемическим показаниям»,

¹ Федеральный закон от 17 сентября 1998 г. № 157-ФЗ «Об иммунопрофилактике инфекционных болезней» (ред. от 25.12.2023 г.) // Собрание законодательства РФ. 1998 г. №18 Ст. 4736; 2024.1 (часть I) Ст. 16.

² См. Постановление главного государственного санитарного врача по городу Москве от 15 июня 2021 г. № 1 «О проведении профилактических прививок отдельным группам граждан по эпидемическим показаниям» /Пресс-центр / Управление Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека по городу Москве [сайт]. URL: https://77.rospotrebnadzor.ru/images/Postanovlenie_Andreevoy1506.PDF (дата обращения: 08.01.2023); Постановление главного государственного санитарного врача по Московской области от 16 июня 2021 г. № 3 «О проведении профилактических прививок отдельным группам граждан по эпидемическим показаниям»/Постановления / Документы Управления Роспотребнадзора / Документы / Роспотребнадзор / Управление Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека по Московской области [сайт]. URL:<https://50.rospotrebnadzor.ru/documents/10156/9af9fd3f-afb6-484f-b705-57643f8bf5fc> (дата обращения: 08.01.2023); Постановление главного государственного санитарного врача по Пензенской области от 07 октября 2021 г. № 3 «О проведении профилактических прививок против новой коронавирусной инфекции по эпидемическим показаниям» / Документы / Роспотребнадзор / Управление Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека по Пензенской области [сайт]. URL:https://58.rospotrebnadzor.ru/c/document_library/get_file?uuid=72cb166e-8d5d-44ff-9c66-99a571701f6d&groupId=10156 (дата обращения: 08.01.2023)

утверждающий календарь профилактических прививок по эпидемическим показаниям, дополняющих его прививкой от данной инфекции¹ – на данный момент приказ утратил силу, однако прививка от коронавирусной инфекции COVID-2019 предусмотрена новым календарем профилактических прививок по эпидемическим показаниям².

Таким образом, указанные в ст. 5 ФЗ «Об иммунопрофилактике инфекционных болезней» права граждан, отказавшихся от обязательной вакцинации против коронавирусной инфекции COVID-2019, проводимой по эпидемическим показаниям, были подвергнуты ограничению.

Представляется, что данный порядок ограничения прав человека соответствует положениям ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, как в формальной плоскости (ограничение устанавливалось в соответствии с федеральным законом), так и в содержательной (введение ограничений в целях защиты здоровья других лиц). Можно утверждать, что данные ограничения являются «симметричной проекцией» права на охрану здоровья от инфекционных заболеваний, как сложного «синергетического» права.

Другим примером ограничения прав человека в целях защиты здоровья населения является установление перечня производств, работ и должностей с вредными и (или) опасными условиями труда, на которых ограничивается применение труда женщин³. Введение данного ограничения является примером позитивной дискриминации (в данном контексте оно будет рассмотрено в параграфе 2.3.) и направленно на поддержание здоровья населения путем защиты репродуктивных функций женского организма.

¹ Российская газета. 2014. №109; Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) 16 декабря 2020 г.

² Приказ Минздрава России от 06 декабря 2021 г. № 1122н «Об утверждении национального календаря профилактических прививок, календаря профилактических прививок по эпидемическим показаниям и порядка проведения профилактических прививок»// «Официальный интернет-портал правовой информации» (www.pravo.gov.ru) 20 декабря 2021 г.

³ Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (Часть I). Ст. 1; Собрание законодательства РФ. 2025. № 31. Ст. 4660; Приказ Минтруда от 18 июля 2019 г. № 512н «Об утверждении перечня производств, работ и должностей с вредными и (или) опасными условиями труда, на которых ограничивается применение труда женщин»// «Официальный интернет-портал правовой информации» (www.pravo.gov.ru) 15 августа 2019 г.

Еще одним примером ограничения права на труд в целях защиты здоровья населения – введение перечня работ, на которых запрещается применение труда работников в возрасте до восемнадцати лет¹.

Подводя итог данного параграфа, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, реализация права на охрану здоровья, лежащее в основе обеспечения охраны здоровья граждан, требует сложного комплексного институционально-правового механизма, его постоянного поддерживания и реформирования, как реакции на запросы времени. Кроме того, реализация права на охрану здоровья одного человека находится в тесной, прямой зависимости от реализации данного права другими людьми, что позволяет говорить о «синергетическом» характере данного права (особо четко данный синергетический характер прослеживается относительно права на охрану здоровья «от» инфекционных заболеваний). Предусмотренные российским законодательством о вакцинации населения ограничения прав, в случае отсутствия профилактических прививок, является следствием сложной «синергетической» природы права на охрану здоровья.

Во-вторых, установлено, что в условиях экстраординарных ситуаций, типа пандемии коронавирусной инфекции COVID-2019 2020-2021 годов, в целях защиты здоровья населения, сложившаяся в России практика позволяет субъектам РФ осуществлять нормативно-правовое регулирование общественных отношений, в том числе вводить ограничение конституционных прав и свобод, в условиях отсутствия правового регулирования на федеральном уровне.

В-третьих, карантин и самоизоляцию следует рассматривать как мероприятие или комплекс мероприятий, вводимых в определенных правовых режимах в целях недопущения распространения заболеваний.

¹ Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (Часть I). Ст. 1; Собрание законодательства РФ . 2025. № 31. Ст. 4660; Постановление Правительства Российской Федерации от 25 февраля 2000 г. № 163 «Об утверждении перечня тяжелых работ и работ с вредными или опасными условиями труда, при выполнении которых запрещается применение труда лиц моложе восемнадцати лет» (ред. 20.06.2011) // Собрание законодательства РФ. 2000. № 163. Ст. 1131; Собрание законодательства РФ. 2011. № 26. Ст. 3803.

Подход к ним как к самостоятельным режимам является ошибочным. Соответствующий вывод требует так же изменений в определении карантина, содержащегося в Федеральном законе «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения».

§ 2.2 Ограничение прав и свобод в сфере экономической, социальной и культурной деятельности в целях защиты здоровья населения

Положение ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации распространяются не только на ограничение прав в частной и общественно-публичной сферах жизнедеятельности общества, в целях охраны здоровья населения, которое было рассмотрено в предыдущем параграфе, но и на ограничение в экономической, социальной и культурной сферах. При этом ограничение прав в данных сферах общественной жизни главным образом касаются коррелирующих с ними категорий прав – экономических, социальных и культурных¹. Однако вопросы указанных сфер находятся в тесной взаимосвязи и с личными и политическим правами и свободами. Например, введение Указом мэра Москвы от 25 марта 2020 года № 28-УМ «О внесении изменений в указ Мэра Москвы от 05 марта 2020 г. № 12-УМ» в пандемию коронавирусной инфекции COVID-2019, приостановления проведения в городе Москве досуговых, развлекательных, зрелищных, культурных, физкультурных, спортивных, выставочных, просветительских, рекламных и иных подобных мероприятий с очным присутствием граждан, а также оказание соответствующих услуг, в том числе в парках культуры и отдыха, торгово-развлекательных центрах, на аттракционах и в иных местах массового посещения граждан, а так же посещение гражданами зданий, строений, сооружений (помещений в них), предназначенных

¹ Липчанская М.А., Отставнова Е.А. Конституционно-правовые и нравственные основы использования искусственного интеллекта в реализации социальных прав и свобод человека // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2020. № 3. С. 69-79.

преимущественно для проведения указанных мероприятий (оказания услуг)¹ затрагивает, в первую очередь, личную свободу, тем не менее, не возможно отрицать его корреляцию с культурными, а также, отчасти, экономическими и социальными правами. Таким образом, изучение вопроса ограничения прав в экономической, социальной и культурной сфере, должно носить всесторонний характер, без исключительной концентрации на соответствующих экономических, социальных и культурных правах. Также, представляется невозможным разделение экономической, социальной и культурной сферы жизнедеятельности общества в контексте исследования ограничения прав человека в целях защиты здоровья населения, в силу их тесной взаимосвязи². Следовательно, наиболее целесообразным представляется проведение исследования проблемных вопросов ограничения прав в целях защиты здоровья населения в экономической, социальной и культурной деятельности в их системе, со смещаемым акцентом анализа с одной сферы человеческой жизнедеятельности на другую.

Из всех сфер жизнедеятельности общества экономическая сфера наиболее остро реагирует на социальные потрясения, в том числе, проявляющиеся в ограничениях прав и свобод. Показательным примером является ситуация, сложившаяся при ограничении прав и свобод в целях охраны здоровья граждан в условиях пандемии коронавирусной инфекции COVID-2019 в 2020 – 2021 годах. В этот период, по данным Международного валютного фонда мировая экономика претерпела самый большой спад со времен Великой Депрессии 30-х годов XX века³.

¹ Указ мэра Москвы от 25 марта 2020 года № 28-УМ «О внесении изменений в указ Мэра Москвы от 05 марта 2020 г. № 12-УМ» // Вестник Мэра и Правительства Москвы 2020. № 18.

² Павленко Е.М. Проблемы формирования культуры прав человека у молодежи в условиях цифровой реальности / Права молодежи в условиях цифровой среды: вопросы правового регулирования, реализации и защиты: монография / Под общ. ред. Т.Н. Москальковой; отв. ред. О.С. Рыбакова. – М.: Проспект, 2025. – 288 с.

³ Аблаев Р.Р., Макарова В.С. Последствия для мировой экономики социальных ограничений, связанных с пандемией // Экономика и бизнес: теория и практика. 2021. № 4-1 (74). С. 10.

Указанные последствия закономерно вытекают из той системы ограничений прав и свобод, которая действовала в период пандемии новой коронавирусной инфекции в разных странах, в том числе и в Российской Федерации, в целях защиты здоровья населения. Так, можно проанализировать обозначенные ранее ограничения, введённые Указом мэра Москвы от 25 марта 2020 года № 28-УМ. Положения данного указа привели, во-первых, к ограничению экономической деятельности, проявлявшейся в веденных мероприятиях, а во-вторых, к ограничению экономической деятельности, сопутствующей данным мероприятиям, например, розничной торговли в парках культуры. Другой пример сопутствующего ограничения – ограничение свободы передвижения, посредством введения обязанности самоизоляции некоторых категорий граждан, что опосредовало возникновения существенных трудностей для функционирования организаций и деятельности предпринимателей, работающих в определенных направлениях. Так, проведенный в Высшей школе экономики анализ потоков в занятость и из занятости, за период апрель – сентябрь в 2017–2020 годах, показывает спад «притока» рабочей силы за указанный период в 2020 году в сравнении с 2017-2019 годами на 1,5 процента (8,2-8,3 в 2017-2019 года против 6,7 в 2020 году)¹.

Приведенная динамика на «рынке труда» обусловлена как ограничениям личных конституционных прав и свобод (в частности свободы передвижения), проанализированных в предыдущем параграфе, так и экономических, и, в наименьшей степени, социальных и культурных. Проанализируем какие конституционные права и свободы из данных категорий, были подвергнуты ограничению в целях защиты здоровья населения в период пандемии новой коронавирусной инфекции COVID-2019 в 2020 – 2021 годах и как это сказалось на состоянии экономической сферы жизнедеятельности общества.

¹ Гимпельсон В.Е. Зарплата и потоки на российском рынке труда в условиях ковида/ В.Е. Гимпельсон; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. С. 18-19.

В Конституции РФ гарантируются следующие экономические права и свободы: право на предпринимательскую и иную не запрещенную законом экономическую деятельность (ст. 34), право частной собственности (ч. 1-3 ст. 35), право наследования (ч. 4 ст. 35), право частной собственности на землю (ст. 36). К социальным правам и свободам, закрепленным в Конституции РФ, относятся право на социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца, для воспитания детей и в иных случаях, установленных законом (ст. 39), право на жилище (ст. 40), право на охрану здоровья и медицинскую помощь (ст. 41), право на благоприятную окружающую среду (ст. 42); к культурным правам и свободам – свобода литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества, свобода преподавания и право интеллектуальной собственности (ч. 1 ст. 44), право на участие в культурной жизни (ч. 2 ст. 44). Некоторые из конституционных прав и свобод имеют двойственную природу, позволяющую их одновременно относить к нескольким категориям¹, например, свобода труда (ст. 37) – к экономическим и социальным правам и свободам, а также право на образование (ст. 43) – к социальным и культурным правам.

Как показала практика правового реагирования на пандемию коронавирусной инфекции COVID-2019, прямому либо косвенному ограничению, в целях защиты здоровья населения, подвержены следующие из перечисленных прав и свобод: право на предпринимательскую и иную не запрещенную законом экономическую деятельность, свобода труда, право на образование, право на участие в культурной жизни.

Кроме рассмотренных в предыдущем параграфе мероприятий, направленных, в первую очередь, на ограничение свободы передвижения, и косвенно затронувших некоторые экономические, социальные и культурные

¹ Реализация конституционных социальных прав и свобод с использованием искусственного интеллекта: проблемы правового регулирования, пределы и ответственность: монография / М.А. Липчанская, Т.Н. Балашова, Т.В. Заметина [и др.]; под общ. ред. М.А. Липчанской. Москва: Проспект, 2022. С. 34.

права и свободы, в целях сокращения контактов между людьми, и, тем самым, снижения динамики распространения новой коронавирусной инфекции, были приняты также меры напрямую ограничивающие права, входящие в указанные три категории. К таковым ограничительным мероприятиям, в первую очередь следует отнести указы Президента России, а также глав некоторых субъектов РФ, о введении нерабочих дней в периоды наибольшего обострения санитарно-эпидемиологической обстановки в стране и (или) отдельных ее регионах.

Первым таким актом стал Указ Президента РФ от 25.03.2020 года № 206 «Об объявлении в Российской Федерации нерабочих дней» (далее – Указ от 25 марта 2020 года № 206), согласно которому в России с 30 марта по 03 апреля 2020 года вводились нерабочие дни с сохранением за работниками заработной платы¹. Позже, весной 2020 года, еще два раза издавались указы Президента о введении нерабочих дней с сохранением заработной платы работников: Указом Президента РФ от 02 апреля 2020 года № 239 «О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)»² (далее – Указ от 02 апреля 2020 года № 239) – с 04 по 30 апреля 2020 года, и Указом Президента РФ от 28 апреля 2020 года № 294 «О продлении действия мер по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)»³ (далее – Указ от 28 апреля 2020 года № 294) – с 06 по 08 мая 2020 года.

¹ Указ Президента РФ от 25.03.2020 года № 206 «Об объявлении в Российской Федерации нерабочих дней» // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) 25 марта 2020 г.

² Указ Президента РФ от 02 апреля 2020 года № 239 «О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» // «Российская газета». 2020. №72.

³ Указ Президента РФ от 28 апреля 2020 года № 294 «О продлении действия мер по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории

Далее в России еще дважды Президентом издавались указы о введении нерабочих дней с сохранением заработной платы: в мае¹ и в октябре² 2021 года. Рассмотрим данные указы и содержащиеся в них положения об ограничении прав и свобод по порядку.

Указ от 25 марта 2020 года № 206 стал первым из актов, которым вводился режим нерабочих дней – согласно данному акту с 30 марта по 03 апреля 2020 года в России вводились нерабочие дни с сохранением за работниками заработной платы. Согласно п. 2 данного указа, его действие не распространялось на работников:

- непрерывно действующих организаций;
- медицинских и аптечных организаций;
- организаций, обеспечивающих население продуктами питания и товарами первой необходимости;
- организаций, выполняющих неотложные работы в условиях чрезвычайных обстоятельств, в иных случаях, ставящих под угрозу жизнь или нормальные жизненные условия населения;
- организаций, осуществляющих неотложные ремонтные и погрузочно-разгрузочные работы³.

Как видно, данный указ содержит закрытый перечень организаций, на работников которых не распространяется режим нерабочих дней. Последующие указы – Указ от 02 апреля 2020 года № 239 и Указ от 28 апреля 2020 года № 294 – во-первых, добавил еще одну категорию в перечень

Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) 29 апреля 2020 г.

¹ Указ Президента РФ от 23 апреля 2021 года № 242 «Об установлении на территории Российской Федерации нерабочих дней в мае 2021 г.» // «Официальный интернет-портал правовой информации» (www.pravo.gov.ru) 23 апреля 2021 г.

² Указ Президента РФ от 20 октября 2021 года № 595 «Об установлении на территории Российской Федерации нерабочих дней в октябре - ноябре 2021 г.» // «Официальный интернет-портал правовой информации» (www.pravo.gov.ru) 20 октября 2021 г.

³ Указ Президента РФ от 25 марта 2020 года № 206 «Об объявлении в Российской Федерации нерабочих дней» // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) 25 марта 2020 г.

организаций, на которые не распространялся режим нерабочих дней (организации, предоставляющие финансовые услуги в части неотложных функций (в первую очередь услуги по расчетам и платежам)), а во-вторых, установил, что решениями высшего исполнительного органа государственной власти субъекта РФ исходя из санитарно-эпидемиологической обстановки и особенностей распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19) в субъекте РФ, могут определяться иные организации не подпадающие под действия данных указов¹. Таким образом, перечень организаций, на работников которых не распространяется режим нерабочих дней, стал носить открытый характер, что позволило более гибко реагировать на развитие санитарно-эпидемиологической обстановки, «амортизируя» последствия ограничения конституционных прав и свобод и влияния данных ограничений на экономическую ситуацию в стране.

В то же время, у данного подхода были и некоторые отрицательные эффекты. Так, начиная с Указа от 25 марта 2020 года № 206, указы Президента РФ неизменно сохраняли режимы рабочих дней для работников организаций, обеспечивающих население продуктами питания и товарами первой необходимости². Отсутствие конкретики потребовало дачу разъяснений, что сделало Правительство РФ в Распоряжение Правительства РФ от 27.03.2020 № 762-р «Об организациях, обеспечивающих население продуктами питания и товарами первой необходимости в период нерабочих

¹ Указ Президента Российской Федерации от 02 апреля 2020 года № 239 и Указ Президента Российской Федерации от 28 апреля 2020 года № 294 «Российская газета». 2020. №72; Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) 29 апреля 2020 г.

² Указ Президента Российской Федерации от 25 марта 2020 года № 206 «Об объявлении в Российской Федерации нерабочих дней» // «Официальный интернет-портал правовой информации» (www.pravo.gov.ru) 25 марта 2020 г.; Указ Президента Российской Федерации от 02 апреля 2020 года № 239 «О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» // «Российская газета». 2020. №72; Указ Президента Российской Федерации от 28 апреля 2020 года № 294 «О продлении действия мер по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» // «Официальный интернет-портал правовой информации» (www.pravo.gov.ru) 29 апреля 2020 г.

дней, установленных Указом Президента, и утверждении рекомендуемого Перечня непродовольственных товаров первой необходимости». Согласно п. 4 данного распоряжения при реализации хозяйствующими субъектами, товаров, входящих хотя бы в одну группу товаров, указанных в перечне, такие хозяйствующие субъекты вправе реализовывать товары, не включенные в перечень¹.

Это привело к тому, что некоторые хозяйствующие субъекты, осуществлявшие иную деятельность, не подпадающую под категорию товаров первой необходимости в соответствии с вышеуказанным распоряжением Правительства РФ, стали формально реализовывать данные товары, что позволило им обойти режим нерабочих дней. Как отмечает В.А. Болдырев: «Именно так и стали действовать предприниматели, которые были морально готовы к несению рисков критического осмысления властями низового уровня принятых федеральными властями правовых актов. Как следствие, во многих непродовольственных магазинах появились товары, совершенно не соответствующие традиционному для этих магазинов ассортименту»².

Кроме того, как отмечает В.А. Болдырев, определенные проблемы возникли из-за некоторых несостыковок в терминологии, а именно, используемых в рассматриваемых указах Президента России «продуктах питания» и значительно более распространенным в законодательстве термином «пищевая продукция», что привело к разночтению в вопросе к

¹ Распоряжение Правительства РФ от 27 марта 2020 года № 762-р «Об организациях, обеспечивающих население продуктами питания и товарами первой необходимости в период нерабочих дней, установленных Указом Президента, и утверждении рекомендуемого Перечня непродовольственных товаров первой необходимости» // «Официальный интернет-портал правовой информации» (www.pravo.gov.ru) 30 марта 2020 г.

² Болдырев В.А. Ограничение свободы предпринимательской деятельности: новая правовая реальность // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2020. № 9 (228). С. 66.

кому применять режим нерабочих дней среди государственных органов власти субъектов РФ¹.

Таким образом, следует констатировать, что отсутствие единства в терминологии данных указов, с одной стороны, и уже действовавшем законодательством, с другой, породило различную практику в регионах Российской Федерации в вопросе на кого распространяется режим нерабочих дней.

Следующим по хронологии стал Указ Президента РФ от 23.04.2021 № 242 «Об установлении на территории Российской Федерации нерабочих дней в мае 2021 г.» (далее – Указ от 23 апреля 2021 года № 242) введший режим нерабочих дней с 04 по 07 мая 2021 года включительно. Особенностью данного акта являлось то, что он не устанавливал абсолютный режим нерабочих дней. Так, п. 2 Указа от 23 апреля 2021 года № 242 обязал органы публичной власти, иные органы и организации определить количество служащих и работников, обеспечивающих с 01 по 10 мая 2021 года включительно функционирование этих органов и организаций².

Последним актом, введшим нерабочие дни в период коронавирусной инфекции (COVID-19), стал Указ Президента РФ от 20.10.2021 № 595 «Об установлении на территории Российской Федерации нерабочих дней в октябре - ноябре 2021 г.» (далее – Указ от 20 октября 2021 года № 595). Так же, как и Указа от 23 апреля 2021 года № 242, Указ от 20 октября 2021 года № 595 предусмотрел обязанность органов публичной власти, иных органов и организаций определить количество служащих и работников, обеспечивающих в период вводимых нерабочих дней функционирование этих органов и организаций³.

¹ Там же. С. 62-74.

² Указ Президента РФ от 23 апреля 2021 года № 242 «Об установлении на территории Российской Федерации нерабочих дней в мае 2021 г.» // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) 23 апреля 2021 г.

³ Указ Президента РФ от 20 октября 2021 года № 595 «Об установлении на территории Российской Федерации нерабочих дней в октябре - ноябре 2021 г.» // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) 20 октября 2021 г.

На наш взгляд, данный акт является наиболее проработанным из всей плеяды указов Президента России, которые вводили режимы нерабочих дней в период коронавирусной инфекции (COVID-19) в целях защиты здоровья населения. Во-первых, Указ от 20 октября 2021 года № 595 предоставил право высшим должностным лицам субъектов РФ, основываясь на санитарно-эпидемиологической обстановке в соответствующем субъекте РФ, устанавливать дополнительные нерабочие дни до 30 октября 2021 года и (или) продлевать их после 07 ноября 2021 г. с сохранением за работниками заработной платы¹. Во-вторых, данный указ Президента России предусматривал предоставление мер поддержки субъектам малого и среднего предпринимательства и социально ориентированным некоммерческим организациям, осуществляющим деятельность в отраслях российской экономики, в наибольшей степени пострадавших в связи с ухудшением ситуации в результате распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19) и установлением нерабочих дней в октябре - ноябре 2021 года².

Таким образом, с одной стороны, Указ от 20 октября 2021 года № 595 предоставлял субъектам РФ возможность для установления ограничений, вытекающих из режима нерабочих дней, на неконкретный срок, связывая его с необходимостью защиты здоровья населения конкретного региона со сложившейся в нем санитарно-эпидемиологической обстановкой. Следует признать, что отсутствие конкретных сроков безусловно представляется одним из факторов риска злоупотребления правомочием по ограничению прав человека. С другой же стороны, рассматриваемый указ предусматривает обязанность как РФ, так и ее регионов по поддержанию хозяйствующих субъектов, наиболее подверженных ограничениям прав и свобод, сопутствующим введению режима нерабочих дней.

¹ Указ Президента РФ от 20 октября 2021 года № 595 «Об установлении на территории Российской Федерации нерабочих дней в октябре - ноябре 2021 г.» // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) 20 октября 2021 г.

² Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) 20 октября 2021 г.

Изучаемые в рамках данного исследования режимы нерабочих дней, вводившиеся в 2020-2021 годах в целях защиты здоровья населения, напрямую ограничили предусмотренное ст. 34 Конституции РФ право на предпринимательскую и иную не запрещенную законом экономическую деятельность.

Ограничение данного права оказывает системное влияние на жизнедеятельность общества, что обуславливается его сложной природой. Так, право на предпринимательскую и иную не запрещенную законом экономическую деятельность выполняет триединую функцию: 1) учредительную, 2) правонаделительную (общедозволительную) и 3) охранительно-стимулирующую¹. В этом смысле первая подфункция раскрывается через определение данным правом существующего экономического строя России; вторая подфункция раскрывается в наделении человека базовым правом в сфере предпринимательства и иной экономической деятельности; третья – в охране рыночной экономики и стимулировании соответствующей деятельности со стороны государства².

Безусловно, что наибольшее влияние испытывает именно правонаделительная функция, как проявляющаяся в непосредственной деятельности человека. Однако ограничение деятельности предпринимателей и коммерческих юридических лиц также сказывается и на реализации двух других функций.

Введенные весной 2020 года режимы нерабочих дней парализовало осуществление экономической деятельности не попавших в списки, закрепленные в соответствующих указах Президента РФ работодателей, в том числе предпринимателей и коммерческих юридических лиц. При этом Указ от 02 апреля 2020 года № 239 и Указ от 28 апреля 2020 года № 294 были более совершенны с точки зрения юридической техники, поскольку, в отличие от Указа от 25 марта 2020 года № 206, списки организаций, на

¹ Гаджиев Г.А. Статья 34. Комментарий к Конституции Российской Федерации. 2013. С. 331.

² Гаджиев Г.А. Указ. Сочинения. С. 331-332.

которых не распространялись положения соответствующих указов, в них носят открытый характер. Тем не менее, данную модель также нельзя назвать совершенной, поскольку для налаживания ее эффективного функционирования требовалось время, с одной стороны, для накопления опыта применения механизма контроля за соблюдением работодателями введенных указами режимов, с другой – отслеживания динамики развития санитарно-эпидемиологической обстановки в регионе, и с третьей – анализа экономической ситуации.

Нельзя назвать совершенной и модель, предусмотренную в Указе от 20 октября 2021 года № 595 в силу отсутствия конкретных сроков, в течение которых субъекты РФ могут вводить режим нерабочих дней, тем самым ограничивая конституционное право на предпринимательскую и иную не запрещенную законом экономическую деятельность.

Кроме того, в данном случае право на предпринимательскую и иную не запрещенную законом экономическую деятельность оказалось в тесной взаимосвязи со свободой труда. Нормативное закрепление данной свободы было осуществлено в ч. 1 ст. 37 Конституции России. При этом, в данном случае, следует широко рассматривать понятие труда, и, соответственно, коррелирующую ему свободу. Так, как утверждает С.П. Маврин: «Под трудовой деятельностью в данном случае имеется ввиду любой род или вид занятий человека, предполагающий применение и использование его физических и (или) интеллектуальных способностей, знаний и умений как на возмездной, так и на безвозмездной основе, как в эпизодическом, так и в периодическом либо систематическом порядке, как на основе трудового договора, так и на основе всякой другой допускаемой законом организационно-правовой формы привлечения людей к труду»¹. Таким образом, свободу труда не следует рассматривать в контексте ст. 37

¹ Маврин С.П. Статья 37. Комментарий к Конституции Российской Федерации. 2013. С. 363.

Конституции РФ как свободу, касающуюся исключительно тех человеческих отношений, которые урегулированы трудовым законодательством России.

Следует отметить, что свобода труда обязательно должна присутствовать в экономике рыночного типа для ее нормального функционирования и поступательного развития, что в свою очередь необходимо для эффективного функционирования России как демократического правового государства¹. Так, свобода труда обеспечивает высокую мобильность на рынке труда, что необходимо для динамичности в развитии рыночной экономики, свободной от излишнего государственного регулирования.

Однако возможность лица быть свободным в вопросах предоставления своих знаний, умений, навыков как профессионального работника является одним из правовых компонентов, необходимых для эффективного развития и функционирования рыночной экономики. Вторым является аналогичная возможность быть свободным в привлечении и использовании знаний, умений, навыков соответствующего профессионального работника, принадлежащая работодателю. Указанная возможность как раз и воплощается в гарантируемом ст. 34 Конституции РФ праве на предпринимательскую и иную не запрещенную законом экономическую деятельность.

Введение нерабочих дней в целях защиты здоровья населения, прямым образом ограничило конституционную свободу труда, и таким образом, косвенно затронуло право на предпринимательскую и иную не запрещенную законом экономическую деятельность.

Возвращаясь к вопросу ограничения свободы труда посредством введения режима нерабочих дней важно подчеркнуть, что такое ограничение проистекает из самой конституционной природы исследуемой свободы. Так, одним из элементов свободы труда является право на труд в условиях,

¹ Маврин С.П. Статья 37. Комментарий к Конституции Российской Федерации. 2013. С. 363.

отвечающих требованиям безопасности и гигиены, предусмотренное в ч. 3 ст. 37 Конституции России. Представляется, что совокупность статей 37 и 55 отечественной Конституции обязует государство реагировать на ситуации, в которых под угрозой ущемления оказываются здоровье и жизнь каждого конкретного человека и общественное здоровье в целом, как это было в ситуации с пандемией коронавирусной инфекции (COVID-19), незамедлительно и эффективно, в том числе посредством ограничения иных прав.

В случае со свободой труда можно утверждать, что игнорирование распространения новой неисследованной и смертельной инфекции привело бы к ущемлению самой сути данной свободы, выхолащиванию ее правового содержания. Следовательно, ограничение свободы труда путем введения режима нерабочих дней в целях защиты здоровья населения необходимо для обеспечения данной конституционной свободы в ее эталонном содержании.

Еще одним конституционным правом, реализуемым человеком преимущественно в социо-культурной сфере, находящимся в тесной взаимосвязи с защитой здоровья населения является право на образование.

Конституционной основой данного права является ст. 43 российского основного закона. В соответствии с ч. 1 данной статьи каждому человеку в России гарантируется право на образование. Последующие части ст. 43 (ч. 2-5) регламентируют некоторые частности в обеспечении и реализации данного права. При этом, наиболее примечательны положения ч. 2 и 3, гарантирующих общедоступность и бесплатность дошкольного, основного общего и среднего профессионального образования в государственных или муниципальных образовательных учреждениях и на предприятиях, и право на конкурсной основе бесплатно получить высшее образование в государственном или муниципальном образовательном учреждении и на предприятии.

Квинтэссенция данного конституционного права излагается в ст. 5 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской

Федерации», в которой также подтверждается гарантированность права на образование каждого человека (ч. 1), его недискриминационный характер (ч. 2) и общедоступность (ч. 3)¹. В продолжение указанных положений ч. 4 ст. 5 рассматриваемого федерального закона устанавливает, что в России реализация права каждого человека на образование обеспечивается путем создания федеральными государственными органами, органами государственной власти субъектов РФ и органами местного самоуправления соответствующих социально-экономических условий для его получения, расширения возможностей удовлетворять потребности человека в получении образования различного уровня и направленности в течение всей жизни². Соответствующее правило закономерно вытекает из ст. 2 Конституции РФ, провозглашающей признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина обязанностью государства.

Тем не менее, данное право также не является безграничным. Реализация права на образование в России предусматривает постоянный социальный контакт конкретного обучающегося с преподавателями, а также иными обучающимися. Соответственно, данная ситуация требует соблюдения прав обозначенных лиц, в частности гарантирования их права на здоровье, которое может быть нарушено, если обучающийся окажется переносчиком инфекционного заболевания. В целях недопущения данной ситуации, основываясь на положениях ч. 3 ст. 17 и ч. 3 ст. 55 Конституции России предусматривается возможность ограничения права на образование.

К таким ограничениям можно отнести требование обязательной вакцинации по профилактическим прививкам и профилактическим прививкам по эпидемическим показаниям. Следует пояснить, что не следует воспринимать характеристику «обязательная» вакцинация в прямом смысле.

¹ Федеральный закон от 29 декабря 2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (ред. от 24.11.2025 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012 г. № 53 (часть I) Ст. 7598; 2025. № 47 Ст. 7052.

² Федеральный закон от 29 декабря 2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (ред. от 24.11.2025 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012 г. № 53 (часть I) Ст. 7598; 2025. № 47 Ст. 7052.

Российское законодательство предусматривает возможность отказа от ее прохождения. В то же время, отказ вакцинации влечет за собой ограничение прав, в том числе и права на образование. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 5 ФЗ «Об иммунопрофилактике инфекционных болезней» отказ от проведения профилактических прививок влечет за собой временный отказ в реализации права на образование в случае возникновения массовых инфекционных заболеваний или при угрозе возникновения эпидемий¹.

Таким образом, ФЗ «Об иммунопрофилактике инфекционных болезней» предусматривает ситуативное ограничение права на образование, зависимое от санитарно-эпидемиологической обстановки в России либо ее субъекте. Следовательно, ограничение права на образование РФ возможно только при отказе от обязательной вакцинации, в условиях, указанных в ФЗ «Об иммунопрофилактике инфекционных болезней» – в случае возникновения массовых инфекционных заболеваний или при угрозе возникновения эпидемий. Представляется, что данное ограничение является более чем обоснованным и необходимым, поскольку в указанных условиях санитарно-эпидемиологической обстановки право на образование отступает на задний план перед необходимостью гарантирования права на здоровье и жизнь человека, а также необходимостью обеспечения здоровья населения. Данный вывод находит поддержку и в научной литературе².

Касательно введения в период пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 Минпросвещения и Минобрнауки Российской Федерации режимов дистанционного обучения, следует отметить, что в основе своей данные специфики нельзя воспринимать как ограничения, поскольку они не

¹ Федеральный закон от 17 сентября 1998 года № 157-ФЗ «Об иммунопрофилактике инфекционных болезней» (ред. от 25.12.2023 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998 г. № 18 Ст. 4736; 2024. 1 (часть I) Ст. 16.

² См.: Габай П.Г., Дронова С.А. Допуск в образовательные организации при отказе от вакцинации // Вопросы современной педиатрии. 2020. № 19 (5). С. 379-385; Таточенко В.К. Комментарий к статье «Допуск в образовательные организации при отказе от вакцинации», подготовленной Юридическим отделом «Факультета Медицинского Права» // Вопросы современной педиатрии. 2020. № 19 (5). С. 386-390.

привели к сужению объема права на образование, а определили временный, экстраординарный формат его реализации.

Пандемия новой коронавирусной инфекции COVID-19 показала также и возможность ограничения культурных прав и свобод в целях защиты здоровья населения. При этом можно выделить прямое ограничение данных прав и косвенное. Первая категория относится к ограничению культурных прав вследствие ограничения иных базовых личных прав, в первую очередь свободы передвижения. В качестве примера можно привести приостановление проведения в городе Москве досуговых, развлекательных, зрелищных, культурных, физкультурных, спортивных, выставочных, просветительских, рекламных и иных подобных мероприятий с очным присутствием граждан, а также оказания соответствующих услуг, в том числе в парках культуры и отдыха, торгово-развлекательных центрах, на аттракционах и в иных местах массового посещения граждан, а так же посещения гражданами зданий, строений, сооружений (помещений в них), предназначенных преимущественно для проведения указанных мероприятий (оказания услуг)¹. Данное ограничение, введенное Указом Мэра Москвы, представляет собой непосредственное ограничение прав на участие в культурной жизни и пользование учреждениями культуры и на доступ к культурным ценностям, гарантируемые ч. 2 ст. 44 Конституции РФ. При этом, данные ограничения вводились не только в отдельных регионах России, но и по всей стране².

Другая категория ограничений представляет собой следствие введения ограничения свободы передвижения. Например, установление самоизоляции повлекло за собой как ограничение указанных выше культурных прав, так и отчасти свободы литературного, художественного,

¹ Указ Мэра Москвы от 25 марта 2020 года № 28-УМ «О внесении изменения в указ Мэра Москвы от 05 марта 2020 г. № 12-УМ»: // Вестник Мэра и Правительства Москвы 2020. № 18.

² Ушанков И.В. Правовые и управленческие меры, направленные на регламентирование трудовых отношений в Российской Федерации в условиях пандемии. Правовые и управленческие меры борьбы с пандемией в России: ретроспективный взгляд в 2020 год: монография / под общей ред. О.В. Зайцева. М.: Проспект, 2022. С. 85.

научного, технического и других видов творчества, преподавания (ограничение имеет место быть, если для такой культурно-творческой деятельности требуется доступ к специализированной материально-технической базы, организовать которую в домашних условиях невозможно). Аналогичным образом, как и с ограничением права на образование, подобные ограничения представляются более чем обоснованными, поскольку они позволяют обеспечить сдерживание распространения того или иного инфекционного заболевания как это было с коронавирусной инфекции COVID-19.

Подводя итог, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, ограничение экономических, социальных и культурных прав и свобод в целях защиты здоровья населения могут иметь как прямой, так и косвенный (опосредованный) характер. Воздействие прямых ограничений направлены непосредственно на исследуемые категории прав и свобод. В свою очередь косвенные ограничения указанных категорий прав наступают вследствие ограничения свободы передвижения, без которого их невозможно реализовать.

Во-вторых, ограничение некоторых прав в целях защиты здоровья населения в то же самое время являются необходимым, базовым условием для обеспечения надлежащей реализации ограничиваемых прав в сложившихся экстраординарных условиях. Имеется в виду, что в экстраординарных условиях, представляющих опасность для здоровья населения, некоторые права, не связанные напрямую с обеспечением здоровья человека, в принципе невозможно реализовать, не ущемив их. В частности, такая ситуация характерна для свободы труда, одним из важнейших компонентов которой является право на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены. Можно сказать, что в подобном случае ограничение права на труд в условиях, не отвечающих требованиям безопасности и гигиены, является правовым предохранителем от нарушения данного права.

§ 2.3 Позитивная дискриминация в условиях эпидемий, пандемий и иных ситуаций тяжелой эпидемиологической обстановки

В контексте исследования общего вопроса ограничения прав и свобод в целях защиты здоровья населения представляется обоснованным изучение вопроса применения механизма позитивной дискриминации в условиях эпидемий, пандемий и иных ситуациях тяжелой эпидемиологической обстановки. Рассматривая данную проблему, в первую очередь следует разобраться с терминологией, определив, что понимается под «позитивной дискриминацией», «пандемией», «эпидемией».

Позитивная дискриминация представляет собой явление правовой, политической и социальной действительности, существующее в практической жизни достаточно давно. Однако начало восприятия позитивной дискриминации, как осознанного теоретико-правового концепта произошло относительно недавно – в 1961 году в Соединенных Штатах Америки¹. Политика позитивной дискриминации (на английском – affirmative action) стала одной из принятых администрацией Дж. Кеннеди мер по борьбе с расовой сегрегацией в США, а сам термин был впервые упомянут в указе президента № 10925 от 1961 года². Смысл позитивной дискриминации сводится к созданию более благоприятных условий в социальном, политическом, экономическом или даже политическом планах в отношении одной группы лиц, являющейся меньшинством, за счет «принижения» статуса лиц, относящихся к большинству. Как отмечает М.А. Филатова: «Логика позитивной дискриминации предполагает принятие мер, направленных не на обеспечение равных условий для всех групп, а на форсированное обеспечение преимуществ (льгот, квот и т.д.) для членов той или иной более слабой (уязвимой) группы, направленных на обеспечение

¹ См.: Рябова Л.К. Позитивная дискриминация в этнополитике: постановка проблемы в современной историографии // Новейшая история России. 2019. Т. 9. № 2. С. 537; Кириллова Л.В. Историографический обзор политики позитивной дискриминации в США // Вестник Удмуртского Университета. 2015. Т. 25. Вып. 4. С. 157.

² Кириллова Л.В. Указ. сочинение. С. 157.

равенства возможностей и уменьшение трудностей, с которыми сталкиваются представители этих групп при участии в общественной жизни»¹. Можно сказать, что позитивная дискриминация направлена на реализацию принципа равенства и недопущение негативной дискриминации путем дифференциации правового статуса личности. Проще говоря, позитивная дискриминация направлена на защиту прав лиц, относящихся к той или иной категории меньшинств, посредством предоставления им большего количества или объема прав в сравнении со стандартным набором прав и свобод среднестатистического человека. Парадокс позитивной дискриминации заключается в том, что имеющий целью обеспечить принцип равенства в отношении более нуждающихся групп лиц, данный правовой механизм влечет за собой нарушение указанного конституционного принципа в отношении рядовых членов общества, путем предоставления большего количества или объема прав первым в сравнении со вторыми. Однако, следует подчеркнуть, что смысл позитивной дискриминации сводится не к нарушению принципа равенства прав, а к защите прав и свобод менее защищенных, как правило, находящихся в состоянии меньшинства, слоев населения.

Позитивная дискриминация может осуществляться по различным основаниям, выделяя ту или иную группу меньшинства – по расовым, гендерным, возрастным, медицинским, служебно-трудовым, географическим характеристикам, по особенностям происхождения и страны принадлежности человека.

Примерами позитивной дискриминации в России могут послужить установление перечня производств, работ и должностей с вредными и (или) опасными условиями труда, на которых ограничивается применение труда женщин² или возможность отклонения от средней нормы представительства

¹ Филатова М.А. Современные вопросы позитивной дискриминации в контексте практики конституционных судов // Журнал конституционного правосудия. 2014. № 4. С. 19.

² Приказ Минтруда от 18 июля 2019 г. № 512н «Об утверждении перечня производств, работ и должностей с вредными и (или) опасными условиями труда, на которых

при образовании избирательных округов в труднодоступных или отдаленных местностях¹.

Таким образом, под позитивной дискриминацией, в практической деятельности, на данный момент в правовой теории понимается метод правового регулирования конституционного статуса человека, сущность которого заключается в создании более благоприятных условий для лиц, относящихся к той или иной менее защищенной в силу естественных причин категории населения в сравнении с другими, более защищенными.

Важным критерием позитивной дискриминации, отличающим ее от «обычной», противоправной дискриминации, является суть ее воздействия на правовой статус человека. Для того, чтобы понять разницу в их воздействии на правовой статус человека выясним, что представляет из себя собственно дискриминация как противоправное явление, и какое влияние она оказывает на правовой статус человека.

Так, толковый словарь русского языка предлагает понимать дискриминацию как ограничение естественных прав и свобод прав человека или группы лиц, выделяемых по какому-то значимому признаку (расы, национальности, происхождения, пола и т.п.)². Примечательно, что сегодня в России существует легальное определение дискриминации, которое дается в ст. 5.62 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ): дискриминация, то есть нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его пола, расы, цвета кожи, национальности, языка, происхождения, имущественного, семейного, социального и должностного положения,

ограничивается применение труда женщин»// «Официальный интернет-портал правовой информации» (www.pravo.gov.ru) 15 августа 2019 г.

¹ Федеральный закон от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (ред. от 25.12.2023 г.) // Собрание законодательства РФ. 2002 г. №24. Ст. 2253; 2024. №1 (часть I) Ст. 16.

² Большой толковый словарь русского языка / [гл. ред. С. А. Кузнецов]. - Санкт-Петербург: Норинт; Москва: Рипол классик, 2008. [сайт]. URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovyj-slovar> (дата обращения: 01.08.2023).

возраста, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности или не принадлежности к общественным объединениям или каким-либо социальным группам¹. Как видно, данные определения несколько схожи – определение КоАП РФ, тем не менее, более точное, а также более грамотное, поскольку сводит дискриминацию не к ограничению, которое может быть законным, а именно к нарушению прав и свобод.

Таким образом, дискриминация представляет собой вариант нарушения прав и свобод, основанное на тех или иных особенностях человека, выражающееся в их ущемлении либо полном отрицании. В свою очередь, как было отмечено выше, позитивная дискриминация, основываясь на тех же характеристиках, что и «обычная» дискриминация, и детерминированными ими сложностями в реализации прав и свобод, наоборот представляет человеку больший объем прав и свобод, не меняя при этом их сущности.

Следовательно, если «обычная» дискриминация влечет за собой ущемление прав и свобод, и соответственно, ущемление конституционно-правового статуса человека, то позитивная дискриминация «наполняет» его большим объемом прав и свобод.

Вследствие данных различий влияния дискриминации и позитивной дискриминации на конституционно-правовой статус человека сложилось и разное отношение к ним со стороны законодательства. Так, «обычная» дискриминация является прямо противоправным явлением, что подтверждается ст. 19 Конституции РФ, гарантирующей равенство прав и свобод человека и гражданина, соответственно, запрещающей дискриминацию по различным основаниям. Подобные положения содержатся в ст. 7 Всеобщей декларации прав человека 1948 г.², ст. 2

¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 29.12.2025 г.) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (Часть I). Ст. 1; «Официальный интернет-портал правовой информации» (www.pravo.gov.ru) 22 августа 2024 г.

² Всеобщая декларация прав человека: принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10.12.1948 г. // «Российская газета». 1995. № 67.

Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г.¹ и ст. 2 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 г.².

Противозаконный характер дискриминации проявляется и в уже упомянутой ранее ст. 5.62 КоАП РФ, определяющей дискриминационные действия, как административное правонарушение³.

Вместе с тем, позитивная дискриминация, как отмечает Н.С. Бондарь, не является нарушением конституционного принципа равенства прав и свобод, поскольку положения ст. 19 Конституции не означают, что законодатель не вправе устанавливать льготы и компенсационные выплаты для отдельных категорий граждан, нуждающихся в государственной поддержке⁴. При соотнесении льгот и преимуществ, предоставляемых конкретным категориям граждан, с требованием равенства перед законом следует исходить из того, что в данном случае главным вопросом является не формально-юридическая оценка, а соблюдение требований справедливости и равного, одинакового для всех уважения достоинства человека. Именно категории справедливости и достоинства личности позволяют расширить сферу действия требований равенства, углубить социальные начала режима равноправия⁵.

Из сказанного выше можно сделать вывод, что позитивная дискриминация, в первую очередь, является институтом социального государства, коим себя провозглашает Россия в ст. 7 Конституции РФ.

¹ Международный пакт о гражданских и политических правах: принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16.12.1966 г. // «Ведомости Верховного Совета СССР». 1976. № 17. Ст. 291.

² Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах: принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16.12.1966 г. // «Ведомости Верховного Совета СССР». 1976. № 17 (1831).

³ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 29.12.2025 г.) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (Часть I). Ст. 1; «Официальный интернет-портал правовой информации» (www.pravo.gov.ru) 22 августа 2024 г.

⁴ Бондарь Н.С. Статья 19. Комментарий к Конституции Российской Федерации. 2013. С. 193-194.

⁵ Там же. С. 194.

Переходя к исследованию следующих терминов – «пандемия» и «эпидемия» – отметим, что данные явления не имеют легального определения в России. В связи с этим существует множество определений указанных терминов научного и около правового характера. Согласно официальному сайту Министерства России по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий РФ (далее – МЧС России) под эпидемией следует понимать массовое и прогрессирующее распространение инфекционного заболевания в пределах определённой территории, значительно превышающее обычно регистрируемый уровень заболеваемости за аналогичный период¹. Большой толкового словаря русского языка под редакцией С.А. Кузнецова, предлагает понимать под эпидемией широкое распространение какой-либо инфекционной болезни².

Согласно Большой советской энциклопедии под эпидемией следует понимать непрерывный процесс следующих друг за другом однородных инфекционных заболеваний (эпидемический процесс), выражающийся в значительном их распространении в каком-либо коллективе, населённом пункте, стране³.

Несмотря на некоторые различия в данных определениях, на их основе можно выделить несколько характеристик, позволяющих определить процесс распространения заболевания по территории в качестве эпидемии. Во-первых, массовость – распространение заболевания должно охватывать большее количество людей в сравнении с среднестатистическим уровнем заболеваемости за аналогичный период. Во-вторых, прогрессирующий

¹ Эпидемия/Термины МЧС России/О министерстве/Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий Российской Федерации [сайт]. URL:<https://mchs.gov.ru/ministerstvo/o-ministerstve/terminy-mchs-rossii/term/909> (дата обращения: 09.07.2023).

² Большой толковый словарь русского языка / [гл. ред. С. А. Кузнецов]. - Санкт-Петербург: Норинт; Москва: Рипол классик, 2008. [сайт]. URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovyj-slovar> (дата обращения: 09.07.2023).

³ Большая советская энциклопедия / под общ. редакцией Вавилова С.И. 2-е изд., Москва. 1957.Т. 49. С. 118.

характер распространения заболевания – за каждый аналогичный промежуток времени число заболевших должно расти. В-третьих, географический признак – заболевание должно занимать определенную территорию. Очевидно, что данные признаки находятся в тесной взаимосвязи и изменения одного из них влечет изменения в других.

В случае же изменения данных показателей в сторону увеличения эпидемия может перейти в разряд пандемии. Примечательно, что в приведенных выше источниках пандемия раскрывается через эпидемию. Так, согласно разделу терминов МЧС России на официальном сайте министерства, пандемия может рассматриваться в двух вариантах: 1) как категорию интенсивности эпидемического процесса, характеризующуюся массовым распространением инфекционной болезни, когда ею охвачено население страны, нескольких стран или континентов; 2) как эпидемию, имеющую распространение в ряде стран и значительно превосходящая по своей интенсивности эпидемию, обычные для данной местности и данных условий¹. Большая советская энциклопедия раскрывает пандемию как: «сильная эпидемия, резко превосходящая по своей интенсивности эпидемию, распространяющаяся среди населения на больших территориях, иногда целых стран и даже нескольких стран»². Согласно большому толковому словарю русского языка под редакцией С.А. Кузнецова, пандемия – эпидемия, охватывающая население целой области, значительной части страны или ряда стран³.

Таким образом, пандемия – это наивысшая степень распространения, при которой заболевание охватывает население нескольких стран. ВОЗ, на

¹ Большой толковый словарь русского языка / [гл. ред. С. А. Кузнецов]. - Санкт-Петербург: Норинт; Москва: Рипол классик, 2008. [сайт]. URL: <https://mchs.gov.ru/ministerstvo/o-ministerstve/terminy-mchs-rossii/term/2023> (дата обращения: 09.07.2023).

² Большая советская энциклопедия / под общ. редакцией Вавилова С.И. 2-е изд., М. 1957. Т. 49. С. 118.

³ Большой толковый словарь русского языка / [гл. ред. С. А. Кузнецов]. - Санкт-Петербург: Норинт; Москва: Рипол классик, 2008. [сайт]. URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovyj-slovar> (дата обращения: 09.07.2023).

примере птичьего гриппа, выделяет шесть стадий возникновения и развития пандемии:

1) Заболевания человека новыми разновидностями гриппа не выявлено. Животные могут быть инфицированы разновидностью вируса гриппа, передача которого человеку уже была зарегистрирована ранее. Уровень риска заражения людей считается низким;

2) Заболевания человека новыми разновидностями гриппа не выявлено. Тем не менее, циркуляция вируса гриппа среди животных представляет значительный риск заражения для человека. (Первая и вторая фазы характеризуются как период между пандемиями);

3) Выявлены случаи инфицирования человека новой разновидностью вируса. Не зафиксировано случаев передачи вируса от человека к человеку; максимум, отдельные редкие случаи инфицирования при близком контакте;

4) Небольшие группы людей, составляющие менее 25 человек, подвергаются заболеванию, длящемуся менее двух недель, при этом передача вируса от человека к человеку ограничивается редкими случаями и является локальной, что, предположительно, означает недостаточную адаптацию вируса к организму человека;

5) Появляются случаи заболевания более крупных групп людей (25-50 человек), продолжающегося две-четыре недели. В то время как передача вируса от человека к человеку сохраняет локальный характер, вирус оказывается значительно лучше адаптированным к организму человека. Несмотря на то, что вирус все еще не является в полной мере заразным, появляется значительный риск возникновения пандемии. (Фазы 3-5 характеризуются как период опасности возникновения пандемии);

6) Количество случаев заражения значительно увеличивается, отмечается постоянное инфицирование населения вирусом. Изменение уровня пандемической угрозы (в сторону повышения или понижения) требует от ВОЗ изучения всей имеющейся информации при условии

консультаций с внешней экспертной комиссией. После того как экспертная комиссия представит свои рекомендации на рассмотрение Генерального директора ВОЗ, им будет принято решение о том, следует ли изменить уровень пандемической угрозы. (Фаза 6 соответствует периоду пандемии)¹.

Несмотря на акцент в данном правиле определения уровня распространения заболевания на птичьей гриппе представляется, что данный алгоритм принципиально применим и к иным инфекционным заболеваниям.

Говоря об иных тяжелых эпидемиологических ситуациях необходимо отметить, что как таковых кроме пандемии и эпидемии четких вариантов тяжелой эпидемиологической обстановки российское законодательство не выделяет. Так, ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» дает определение только общему термину – санитарно-эпидемиологическая обстановка, под которым понимается состояние здоровья населения и среды обитания на определенной территории в конкретно указанное время². Тем не менее, из данного определения можно сделать определенный вывод – уровень санитарно-эпидемиологической обстановки «привязан» ко времени и территории – субъекта РФ, муниципального образования. Представляется, что логичным было бы изучение количества заболевших, выздоровевших и, возможно, умерших, на конкретной территории за определенный период времени в сравнении с аналогичными показателями в аналогичную дату предыдущего года, и (или), за какой-то определенный предшествующий отрезок времени (за предыдущий день, неделю, месяц и т.д.).

Примечательно, что в условиях пандемии коронавирусной инфекции COVID-19, Главным государственным санитарным врачом РФ было издано постановление от 07 июля 2021 года № 18 «О мерах по ограничению

¹ Фазы предупреждений о вероятности пандемии / Темы / Птичий грипп и угрозы пандемии [сайт]. URL: https://www.un.org/ru/influenza/topics/alert_phases.shtml (дата обращения: 16.07.2023).

² Федеральный закон от 30 марта 1999 года № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» (ред. от 26.12.2024 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 14. Ст. 1650; 2024. № 57 Ст. 8495.

распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19) на территории России в случаях проведения массовых мероприятий»¹. Согласно данному постановлению, уровень тяжести эпидемиологической обстановки, для определения возможности проведения массовых мероприятий, должен определяться исходя из трех критериев:

- коэффициент распространения инфекции (среднее количество людей, которых инфицирует один больной до его изоляции);
- темп прироста заболеваемости за неделю к показателю заболеваемости за 7 предыдущих календарных дней, выраженное процентах;
- охват тестированием населения методом ПЦР² (полимеразная цепная реакция, тест-ПЦР является основным методом диагностирования COVID-19)³.

Таким образом, в дальнейшем в данном исследовании под «иными случаями тяжелой эпидемиологической обстановки» будут рассматриваться не виды таковой в силу их отсутствия, а конкретные примеры тяжелой эпидемиологической обстановки в России, либо ее субъектах.

Установив для данного исследования определенные терминологические «эталон» перейдем к непосредственному рассмотрению вопроса о позитивной дискриминации. Отметим, что вопрос изучения позитивной дискриминации неразрывно связан с вопросом ограничения прав и свобод.

¹ Постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 07.07.2021 № 18 «О мерах по ограничению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-2019) на территории Российской Федерации в случаях проведения массовых мероприятий» // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) 12 июля 2021 г.

² Постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 07.07.2021 № 18 «О мерах по ограничению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-2019) на территории Российской Федерации в случаях проведения массовых мероприятий» // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) 12 июля 2021 г.

³ См.: Гончарова Е.В., Донников А.Е., Кадочникова В.В., Морозова С.А., Болдырева М.Н., Галкина И.С., Блинов Д.В. Диагностика вируса, вызывающего COVID-19, методом ПЦР в реальном времени // Фармакоэкономика. Современная фармакоэкономика и фармакоэпидемиология. 2020. Т. 13. № 1. С. 52-63; Волков А.Н., Начева Л.В., Захарова Ю.В. Молекулярно-генетические методы в практике современных медико-биологических исследований. часть II: использование ПЦР в диагностике инфекционных заболеваний человека // Фундаментальная и клиническая медицина. 2021. Т. 6. № 1. С. 77-85.

Рассматривая вопрос позитивной дискриминации в контексте пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 возвратимся к ограничениям, вводившимся в данный период. Начнем с Указ Президента России от 25 марта 2020 года № 206, в соответствии с которым в стране с 30 марта по 03 апреля 2020 года вводились нерабочие дни с сохранением за работниками заработной платы. Данный указ прямым образом ввел ограничения, во-первых, свободы труда (что носило скорее формальный характер), и, во-вторых, права на осуществление предпринимательской и иной не запрещенной законом деятельности. Однако Указ от 25 марта 2020 года № 206 в ст. 2 устанавливает закрытый перечень организаций, на которых данное ограничение не распространяется¹.

В дальнейшем похожие ограничения также вводились Указом от 02 апреля 2020 года № 239 и Указом от 28 апреля 2020 года № 294, хоть и в некотором ином порядке их осуществления².

Характер позитивной дискриминации в отношении свободы труда и права на осуществление предпринимательской и иной не запрещенной законом деятельности, в данном случае существенно различается. Так, в отношении права на осуществление предпринимательской и иной не запрещенной законом деятельности, определенной дискриминации подвергаются предприниматели, которые не относятся к категориям, определенным в Указах от 25 марта 2020 года № 206, от 02 апреля 2020 года № 239 и от 28 апреля 2020 года № 294, то есть предприниматели, которые были ограничены в ведении собственного бизнеса вследствие установления режима нерабочих дней.

¹ Указ Президента РФ от 25 марта 2020 года № 206 "Об объявлении в Российской Федерации нерабочих дней" // Официальный интернет-портал правовой информации» (www.pravo.gov.ru) 25 марта 2020 г.

² Указ Президента РФ от 28 апреля 2020 года № 294 «О продлении действия мер по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» // «Российская газета». 2020. №72; Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) 29 апреля 2020 г.

В отношении же свободы труда, представляется обратная ситуация. Так, режим нерабочих дней распространился на все категории граждан за исключением, работающих в организациях, определенных в Указах от 25 марта 2020 года № 206, от 02 апреля 2020 года № 239 и от 28 апреля 2020 года № 294. При этом, данные указы, освободив граждан от необходимости трудиться, сохранили за ними право на получение заработной платы. Таким образом, одна категория лиц была поставлена в условия, при которой за получение заработной платы отсутствовала необходимость трудиться, в то время как другая категория была лишена данной привилегии.

Обратим внимание на то, что рассмотренные выше примеры дискриминации тех или иных прав и свобод не в полной мере соотносятся с классическим пониманием позитивной дискриминации, сложившейся на данный момент в правовой теории.

Так, напомним, что под позитивной дискриминацией понимается метод правового регулирования конституционного статуса человека, сущность которого заключается в создании более благоприятных условий для лиц, относящихся к той или иной менее защищенной в силу естественных причин категории населения в сравнении с другими, более защищенными. Очевидно, что в рассмотренных случаях дискриминационные действия не направлены на «уравнивание» конституционного статуса более защищенных категорий населения с менее защищенными.

Исключение из вводимых указами Президента России от 25 марта 2020 года № 206, от 02 апреля 2020 года № 239 и от 28 апреля 2020 года № 294 ограничений права на осуществление предпринимательской и иной не запрещенной законом деятельности и свободы труда, конкретных категорий организаций и их сотрудников обусловлено необходимостью обеспечения нормального функционирования общества.

Примечательно, что открытый перечень организаций, на которых не распространились вводимые ограничения, характерный для указов Президента России от 02 апреля 2020 года № 239 и от 28 апреля 2020 года

№ 294¹ позволял мобильно определять новые категории организаций, входящих в данный список, для обеспечения нормального функционирования общества с учетом региональных особенностей субъектов РФ, в том числе сложившейся эпидемиологической обстановки, динамикой ее развития. В таком случае, предлагается данный вариант позитивной дискриминации именовать общественно полезная позитивная дискриминация.

Однако, в сущности, любая позитивная дискриминация в конечном счете направлена на обеспечение нормального функционирования общественных институтов. Через практику позитивной дискриминации государство выступает в качестве «мегарегулятора» общественных отношений, создавая комфортные условия для тех или иных категорий населения за счет других, более защищенных категорий населения.

Указанная роль государственного механизма в России следует из концепции социального государства, провозглашенного в ст. 7 российской Конституции. Как отмечал О.Е. Кутафин: «Главная задача социального государства – достижение такого общественного развития, которое основывается на закрепленных правом принципах социальной справедливости, всеобщей солидарности и взаимной ответственности», при этом важное место уделяется «помощи слабым»². Данную цель прямо преследует позитивная дискриминация в ее классическом понимании. Однако опосредованно эту же цель преследует также и общественно полезная позитивная дискриминация, в рассмотренном выше случае, так как

¹ Указ Президента РФ от 02 апреля 2020 года № 239 «О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» и Указ Президента РФ 28 апреля 2020 года № 294 «О продлении действия мер по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» // «Российская газета». 2020. №72; Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) 29 апреля 2020 г.

² Кутафин О.Е. Статья 7. Комментарий к Конституции Российской Федерации. 2013. С. 94.

она направлена на обеспечение функционирования критически важных секторов экономики и социального обеспечения.

Отметим, что период пандемии новой коронавирусной инфекции COVID-19 продемонстрировал и иные, более очевидные и классические варианты позитивной дискриминации. Например, стимулирующие выплаты медицинским работникам. Так, в апреле 2020 года Правительство РФ утвердило Правила предоставления в 2020 году иных межбюджетных трансфертов из федерального бюджета бюджетам субъектов РФ, источником финансового обеспечения которых являются бюджетные ассигнования резервного фонда Правительства РФ, в целях софинансирования в полном объеме расходных обязательств субъектов РФ, возникающих при осуществлении выплат стимулирующего характера за выполнение особо важных работ медицинским и иным работникам, непосредственно участвующим в оказании медицинской помощи гражданам, у которых выявлена новая коронавирусная инфекция COVID-19. Согласно данным Правилам в медицинских организациях и их структурных подразделениях, фактически оказывающих медицинскую помощь гражданам у которых выявлена новая коронавирусная инфекция COVID-19 в период с апреля по июнь 2020 года устанавливались стимулирующие выплаты¹. Срок предоставления данных стимулирующих выплат неоднократно продлевался – сначала до августа 2020 года², затем до сентября 2020 года³.

¹ Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) 13 апреля 2020 г.

² Постановление Правительства Российской Федерации от 26 июня 2020 г. № 926 «О внесении изменения в пункт 3 Правил предоставления в 2020 году иных межбюджетных трансфертов из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации, источником финансового обеспечения которых являются бюджетные ассигнования резервного фонда Правительства Российской Федерации, в целях софинансирования в полном объеме расходных обязательств субъектов Российской Федерации, возникающих при осуществлении выплат стимулирующего характера за выполнение особо важных работ медицинским и иным работникам, непосредственно участвующим в оказании медицинской помощи гражданам, у которых выявлена новая коронавирусная инфекция COVID-19» // «Официальный интернет-портал правовой информации» (www.pravo.gov.ru) 29 июня 2020 г.

³ Постановление Правительства Российской Федерации от 09 сентября 2020 г. № 1381 «О внесении изменения в пункт 3 Правил предоставления в 2020 году иных межбюджетных

Следует отметить, что аналогичные стимулирующие выплаты в период пандемии были предусмотрены также и для работников стационарных организаций социального обслуживания, стационарных отделений, созданных не в стационарных организациях социального обслуживания, оказывающим социальные услуги гражданам, у которых выявлена новая коронавирусная инфекция, и лицам из групп риска заражения новой коронавирусной инфекцией¹.

Позже, после окончания установленного срока, стимулирующие выплаты для медицинских работников, были заменены специальными

трансфертов из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации, источником финансового обеспечения которых являются бюджетные ассигнования резервного фонда Правительства Российской Федерации, в целях софинансирования в полном объеме расходных обязательств субъектов Российской Федерации, возникающих при осуществлении выплат стимулирующего характера за выполнение особо важных работ медицинским и иным работникам, непосредственно участвующим в оказании медицинской помощи гражданам, у которых выявлена новая коронавирусная инфекция COVID-19» // «Официальный интернет-портал правовой информации» (www.pravo.gov.ru) 15 сентября 2020 г.

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 15 мая 2020 г. № 681 «Об утверждении Правил предоставления в 2020 году иных межбюджетных трансфертов из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации, источником финансового обеспечения которых являются бюджетные ассигнования резервного фонда Правительства Российской Федерации, в целях софинансирования расходных обязательств субъектов Российской Федерации, возникающих при осуществлении выплат стимулирующего характера за особые условия труда и дополнительную нагрузку работникам стационарных организаций социального обслуживания, стационарных отделений, созданных не в стационарных организациях социального обслуживания, оказывающим социальные услуги гражданам, у которых выявлена новая коронавирусная инфекция, и лицам из групп риска заражения новой коронавирусной инфекцией» // «Официальный интернет-портал правовой информации» (www.pravo.gov.ru) 18 мая 2020 г.; Постановление Правительства Российской Федерации от 10 сентября 2020 г. № 1392 «О внесении изменений в Правила предоставления в 2020 году иных межбюджетных трансфертов из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации, источником финансового обеспечения которых являются бюджетные ассигнования резервного фонда Правительства Российской Федерации, в целях софинансирования расходных обязательств субъектов Российской Федерации по финансовому обеспечению выплат стимулирующего характера за особые условия труда и дополнительную нагрузку работникам стационарных организаций социального обслуживания, стационарных отделений, созданных не в стационарных организациях социального обслуживания, оказывающим социальные услуги гражданам, у которых выявлена новая коронавирусная инфекция, и лицам из групп риска заражения новой коронавирусной инфекцией» // «Официальный интернет-портал правовой информации» (www.pravo.gov.ru) 15 сентября 2020 г.

социальными выплатами медицинским и иным работникам медицинских и иных организаций (их структурных подразделений), оказывающих медицинскую помощь по диагностике и лечению новой коронавирусной инфекции COVID-19, медицинских работников, контактирующих с пациентами с установленным диагнозом новой коронавирусной инфекции COVID-19, соответствующим постановлением Правительства РФ¹, сроком с ноября 2020 по декабрь 2022 года.

Также, указом Президента РФ были предусмотрены дополнительные гарантии в виде единовременной страховой выплаты врачам, среднему и младшему персоналу, водителям скорой помощи, работающим с пациентами, у которых выявлена или подозревается коронавирусная инфекция².

Указанные выплаты хрестоматийно подходят под категорию позитивной дискриминации – предоставление более благоприятных условий для лиц, относящихся к той или иной менее защищенной в силу естественных причин категории населения в сравнении с другими, более защищенными, посредством установления специальных выплат. Цель данных выплат имеет индивидуально-личный и общественно полезный аспекты. Индивидуально-личный проявляется в попытке компенсировать гипотетический, или реальный вред, причиненный в результате тесного взаимодействия категорий лиц, на которых распространяют свое действия указанные меры поддержки, с лицами, заболевшими новой коронавирусной

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 30 октября 2020 г. № 1762 «О государственной социальной поддержке в 2020 - 2022 годах медицинских и иных работников медицинских и иных организаций (их структурных подразделений), оказывающих медицинскую помощь (участвующих в оказании, обеспечивающих оказание медицинской помощи) по диагностике и лечению новой коронавирусной инфекции (COVID-19), медицинских работников, контактирующих с пациентами с установленным диагнозом новой коронавирусной инфекции (COVID-19), внесении изменений во Временные правила учета информации в целях предотвращения распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19) и признании утратившими силу отдельных актов Правительства Российской Федерации» // «Официальный интернет-портал правовой информации» (www.pravo.gov.ru) 31 октября 2020 г.

² Указ Президента РФ от 06 мая 2020 г. № 313 «О предоставлении дополнительных страховых гарантий отдельным категориям медицинских работников»: // «Официальный интернет-портал правовой информации» (www.pravo.gov.ru) 06 мая 2020 г.

инфекцией COVID-19. Общественно полезный аспект проявляется в создании благоприятных условий для специалистов, жизненно необходимых для противодействия распространения инфекции, в целях их сохранения в данной профессии.

Еще одним вариантом реализованной позитивной дискриминации в период пандемии новой коронавирусной инфекции COVID-19 стали временные порядки расчета среднедушевого дохода семьи и дохода одиноко проживающего гражданина для признания их малоимущими и оказания им государственной социальной помощи, и среднедушевого дохода семьи для назначения ежемесячной выплаты в связи с рождением (усыновлением) первого или второго ребенка, согласно которым данных категорий лиц не учитывались доходы за месяцы, предшествующие их признанию безработными, что позволило увеличить им размеры соответствующих выплат и пособий¹. Данный вариант позитивной дискриминации был направлен на поддержание лиц и семей, оказавшихся в тяжелой материальной ситуации в связи с потерей работы в период пандемии новой коронавирусной инфекции, что осложняло трудоустройство на новое рабочее место. При этом, в данном варианте позитивной дискриминации также присутствует элемент общественно-полезного характера – смягчение порядка получения выплат и пособий делает данные категории граждан в большей степени платежеспособными, что, в свою очередь, позитивным образом сказывается на экономике страны.

Похожим на позитивную дискриминацию является правовой концепт исключений в праве. С.Ю. Суменков предлагает понимать под исключениями в праве – закрепленное в нормах права и выражающееся в официально признанных формах, объективированное в специальных

¹ Федеральный закон от 24 апреля 2020 года №125-ФЗ «О внесении изменений в статью 4 Федерального закона «О порядке учета доходов и расчета среднедушевого дохода семьи и дохода одиноко проживающего гражданина для признания их малоимущими и оказания им государственной социальной помощи» и статью 4 Федерального закона «О ежемесячных выплатах семьям, имеющим детей» // Собрание законодательства РФ. 2020. №17. Ст. 2703.

терминах предписание, выступающее в качестве юридического средства регламентации общественных отношений, подразумевающее дополнение или (и) изъятие из парного с исключением правила и создающее альтернативный последнему вариант регуляции, необходимый для достижения социально значимых целей. Формализация позитивной дискриминации в российском законодательстве осуществляется посредством исключений в праве¹. При этом представляется невозможным отождествление концептов позитивной дискриминации и исключений в праве. Так, на наш взгляд, позитивная дискриминация соотносится с исключениями в праве как сущностное содержание с формализованным правилом. Об этом свидетельствуют понятия данных концептов: так позитивная дискриминация раскрывается через метод правового регулирования, в то время как исключение из права – предписание, закрепленное в нормах права.

Таким образом, на основе сказанного выше можно сделать следующие выводы.

Во-первых, под позитивной дискриминацией предлагается понимать метод правового регулирования конституционного статуса человека, сущность которого заключается в создании более благоприятных условий для лиц, относящихся к той или иной менее защищенной в силу естественных причин категории населения в сравнении с другими, более защищенными.

Во-вторых, позитивная дискриминация имеет в себе всегда два аспекта – индивидуально-личный и общественный. Первый аспект имеет целью поддержать конкретные менее защищенные категории лиц в той или иной ситуации, посредством «уравнивания» их конституционно-правового статуса с более защищенными лицами. Второй – обеспечить нормальное функционирование сфер общественной жизни путем создания дополнительных гарантий для менее защищенных, но не менее важных

¹ Суменков С.Ю. Исключения в праве: общетеоретический анализ: дис. ... док. юрид. наук. Саратов. 2016. С. 16.

категорий населения. Общественный аспект в позитивной дискриминации, применяемой в условиях тяжелой эпидемиологической обстановки, проявляется, например, в сохранении ценных медицинских кадров путем создания им более благоприятных условий.

В-третьих, в условиях тяжелой эпидемиологической обстановки может применяться исключительно общественно полезная позитивная дискриминация, направленная на обеспечение, в первую очередь, нормального функционирования общественно-государственного механизма. Примером такой дискриминации в условиях пандемии COVID-19 было сохранение полноценного рабочего режима для ряда организаций – непрерывно действующих, медицинских и так далее. В данном случае дискриминационные методы имеют лишь общественно-полезный аспект – обеспечение нормального функционирования жизненно важных секторов российской экономики.

Глава 3. Ограничение прав и свобод в целях защиты здоровья населения в практике стран ЕАЭС

§ 3.1 Конституционно-правовые ограничения прав и свобод в целях защиты здоровья населения в странах ЕАЭС

Россия существует не в политическом вакууме. Она является важным «игроком» на политической арене, взаимодействуя с иностранными государствами, как в рамках международных организаций глобального – Организация Объединенных Наций – и регионального – Содружество Независимых Государств, Организация договора о коллективной безопасности и другие – уровней, так и в порядке осуществления двусторонних отношений. Тесное сотрудничество с иными государствами, как правило, влечет за собой обмен опытом, его учет, в том числе в правовой сфере. Таким образом, происходит имплементация Россией правовых норм иностранных государств, а также норм международного права.

Безусловно данный процесс находится в прямой зависимости от тесноты и плотности сотрудничества России с той или иной страной, с тем или иных международным объединением. Наиболее тесное сотрудничество у РФ сложилось с рядом стран бывшего Советского Союза. Так, долгое время центральной международной организацией, объединявшей в себе подавляющее большинство государств бывшего СССР, было Содружество Независимых Государств, созданное 08 декабря 1991 года, практически одновременно с прекращением существования Советского Союза. Данная организация выступила в качестве платформы сохранения экономических, культурных и правовых отношений¹ между большей частью стран бывшего СССР, на основе «исторической общности ... народов и сложившихся между

¹ См.: Береговцова Д.С. Универсальные и региональные международно-правовые стандарты в области охраны здоровья человека и их воплощение в законодательстве Республики Беларусь о здравоохранении // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. 2014. № 5. С. 143; Жильская Л.В. Закрепление конституциями государств СНГ прав по охране и укреплению здоровья населения (конституционно-правовой анализ) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2005. № 4 (28). С. 66.

ними связями»¹. Кроме того, она стала основой для решения новых глобальных проблем XXI века².

Однако в дальнейшем роль данной организации в вопросах обеспечения взаимодействия стран постсоветского пространства стала снижаться из-за невозможности объять в своих рамках две возникшие взаимно противоположные тенденции: определение новых векторов развития и желание дистанцироваться от старых связей у одних стран-участников, и определение новых точек сопряжения и взаимной интеграции у других. В результате данного процесса стали возникать новые международные организации, объединяющие ту или иную часть стран-участников СНГ, направленные на обеспечение сотрудничества в соответствующих сферах. Одной из таких организаций, наиболее модернизированной и глубоко интегрированной стал Евразийский экономический союз – ЕАЭС, в который, помимо Российской Федерации вошли следующие страны: Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан и Кыргызская Республика³. Согласно ст. 4 Договора о создании Евразийского экономического союза от 29.05.2014, целями создания данного союза являются:

- создание условий для стабильного развития экономик государств-членов в интересах повышения жизненного уровня их населения;
- стремление к формированию единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов в рамках Союза;

¹ Соглашение о создании Содружества Независимых Государств от 08 декабря 1991 г. / О Содружестве / Исполнительный комитет Содружества Независимых Государств [сайт] URL: <https://cis.minsk.by/about-cis> (дата обращения: 01.09.2023).

² См.: Баньковский А.Е., Панкратова К.М. Актуальные проблемы международно-правового сотрудничества в противодействии эпидемиям и пандемиям // Вестник экономической безопасности. 2020. № 5. С. 161; Клименко Е.П. Направления деятельности Содружества Независимых Государств по борьбе с инфекционными заболеваниями // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского Серия «Юридические науки». Том 27 (66). 2014. № 2. С. 49-57.

³ Дорина В.В. Направления развития международно-правового сотрудничества Республики Беларусь в сфере охраны здоровья // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки. 2020. № 5. С. 67.

— всесторонняя модернизация, кооперация и повышение конкурентоспособности национальных экономик в условиях глобальной экономики¹.

Создание и развитие данного интегративного объединения, с одной стороны, закономерно повлекло к взаимному восприятию опыта, в том числе опыта правового регулирования, государств-членов ЕАЭС, а с другой – формирования общей, союзной нормативно-правовой базы. При этом, данная союзная нормативно-правовая база напрямую связана с регламентированием перемещения между государствами-членами ЕАЭС товаров и трудовых ресурсов – людей, в том числе и с вопросами обеспечения эпидемиологической безопасности. Вышеперечисленное детерминирует исследование как законодательства государства-членов ЕАЭС об обеспечении здоровья населения, так и общих нормативных правовых актов всего Евразийского экономического союза.

Таким образом, следует провести анализ, во-первых, законодательства, регламентирующего ограничение прав и свобод в целях обеспечения здоровья населения, стран, входящих в Евразийский экономический союз, во-вторых, соответствующую нормативную базу самого ЕАЭС. Стоит отметить, что для стран ЕАЭС, как и для стран бывшего СССР характерно принятие специальных актов, посвященных защите права на здоровье².

Начнем анализ ограничений прав и свобод в целях обеспечения здоровья населения в Республике Беларусь. В Беларуси, как и в СССР действует система государственной охраны здоровья³. Как и в России, в Белоруссии гражданам гарантируется право на охрану здоровья, которое

¹ Договор о создании Евразийского экономического союза от 29 мая 2014 г. / Правовой портал Евразийского экономического союза [сайт] URL:https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0053610/itia_05062014 (дата обращения: 08.09.2023).

² Путило Н.В. Нормативно-правовые основы иммунопрофилактики в государствах-участниках СНГ // Ремедиум. 2021. № 4. С. 31.

³ Согдаева Л., Филинская Л., Бригадин П., Ротман Д. Система здравоохранения и здоровье населения Республики Беларусь: состояние и диагностика проблем (социологический анализ): Здоровье населения и социальные перемены в постсоветских государствах / ред. кол.: П. Бригадин [и др.]. Минск: ГИУСТ БГУ, 2013. 352. С. 64.

обеспечивается, согласно ст. 45 Конституции Республики Беларусь, в том числе, посредством бесплатного лечения за счет государственных средств в порядке, установленном законом¹. Данное право присуще всем гражданам на не дискриминационных основаниях². Важной особенностью белорусского конституционного законодательства является то, что данное право имеет двойственную природу и, согласно той же ст. 45 Конституции, выступает и как обязанность граждан. Ст. 41 Конституции Республики Беларусь, как неотъемлемую характеристику права на труд, предусматривает право на здоровые и безопасные условия труда, чему детерминируется существование прямо пропорциональной обязанности работодателей в ст. 32 исследуемой конституции³.

Косвенным образом, право на здоровье детей обеспечивается через конституционную обязанность родителей заботиться об их здоровье.

Указанные положения белорусской Конституции развиваются в республиканском законодательстве. Так, ст. 27 Закона Республики Беларусь от 07 января 2012 г. № 340-З «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» (далее – Закон РБ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения») гарантирует право на благоприятную среду обитания, что невозможно без обеспечения соответствующего уровня эпидемиологической обстановки; а также право на предупреждение причинения вреда их жизни и здоровью, которое находится в неразрывной связи с предыдущим правом⁴.

¹ Вальчук Э.А., Тищенко Е.М. Реализация конституционного права на охрану здоровья населения в Республике Беларусь // Медицинские новости. 2015. № 1. С. 63.

² Вавило К.В. Сущность права на охрану здоровья по Конституции Республики Беларусь // Юридические науки. Теория и история права. Конституционное право. Международное право. 2022. Выпуск 42 (112). С. 17.

³ Конституция Республики Беларусь от 15 марта 1994 года (ред. от 27.02.2022 г.)/ Конституция / Государство / Президент Республики Беларусь [сайт] URL: <https://president.gov.by/ru/gosudarstvo/constitution> (дата обращения: 09.09.2023).

⁴ Закон Республики Беларусь от 07 января 2012 года № 340-З «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» (ред. от 15.07.2019 г.)// Национальный реестр правовых актов. 2012 г. № 2/1892; Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 26 июля 2019.

Закон РБ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» построен на строгом соблюдении принципа единства прав и обязанностей человека, при котором граждане не только наделяются правами, в данном случае в сфере обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия, но на них также возлагаются и обязанности. Так, согласно ст. 28 Закона РБ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения», граждане обязаны:

- соблюдать законодательство в области санитарно-эпидемиологического благополучия населения;
- проводить или участвовать в проведении санитарно-противоэпидемических мероприятий;
- выполнять предписания органов и учреждений, осуществляющих государственный санитарный надзор;
- заботиться о состоянии своего здоровья и здоровья своих детей;
- исполнять иные обязанности, предусмотренные настоящим Законом и иными актами законодательства¹.

Примечательно повторное закрепление конституционной обязанности граждан заботиться о состоянии своего здоровья и здоровья своих детей, что подчеркивает двойственное положение личности в вопросах обеспечения нормальной эпидемиологической обстановки – человек не только является главным «субъектом в пользовании благами» санитарно-эпидемиологического благополучия, но также и едва ли не главным обязанным субъектом по поддержанию соответствующего уровня исследуемого благополучия.

Данная двойственность в правовой регламентации белорусским законодательством прав и обязанностей в сфере здравоохранения прямо предопределяет соответствующие ограничения. Так, ч. 4 ст. 28 Закона

¹ Закон Республики Беларусь от 07 января 2012 года № 340-З «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» (ред. от 15.07.2019 г.) // Национальный реестр правовых актов. 2012 г. № 2/1892; Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 26 июля 2019.

Республики Беларусь от 18 июня 1993 г. № 2435-ХП «О здравоохранении» (далее – Закон РБ «О здравоохранении») устанавливает, что: «Граждане Республики Беларусь, иностранные граждане и лица без гражданства, в отношении которых есть достаточные основания полагать, что они имеют заболевания, представляющие опасность для здоровья населения, вирус иммунодефицита человека, в случае их уклонения от обязательного медицинского освидетельствования по заключению врачебно-консультационной комиссии государственной организации здравоохранения и с санкции прокурора могут быть подвергнуты принудительному медицинскому освидетельствованию в государственных организациях здравоохранения»¹.

Более того, ч. 6 той же статьи предусматривает возможность принудительной госпитализации и лечения в государственных организациях здравоохранения лиц, имеющих заболевания, которые представляют опасность для здоровья населения, но при этом уклоняются от лечения.

Подтверждает возможность принудительного лечения физических лиц, имеющих определенные инфекционные заболевания, и ст. 22 Закона РБ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения»². Более детально порядок принудительного лечения граждан, которое осуществляется посредством принудительного медицинского освидетельствования и принудительной госпитализации, прописан в Законе Республике Беларусь от 07 января 2012 года № 345-З «О предупреждении распространения заболеваний, представляющих опасность для здоровья населения, вируса иммунодефицита человека». Указанный закон предусматривает возможность применение специальных мер по оказанию медицинской помощи:

¹ Закон Республики Беларусь от 18 июня 1993 года № 2435-ХП «О здравоохранении» (ред. от 17.07.2023 г.) // «Народная газета». 1993 г.; Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 25 июля 2023.

² Закон Республики Беларусь от 07 января 2012 года № 340-З «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» (ред. от 15.07.2019 г.) // Национальный реестр правовых актов. 2012 г. № 2/1892; Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 26 июля 2019.

— принудительное медицинское освидетельствование — к лицу, в отношении которого имеются достаточные основания полагать о наличии у него социально опасного заболевания, либо ВИЧ;

— принудительная госпитализация и лечение — к лицу, имеющему социально опасное заболевание¹.

При этом, под социально опасным заболеванием ст. 1 указанного закона понимает: заболевание, распространение которого создает угрозу личной, общественной и национальной безопасности (в том числе влечет значительное ухудшение здоровья нации, вызывает необходимость применения комплекса эффективных мер в целях предупреждения его распространения) и которое включено в перечень заболеваний, представляющих опасность для здоровья населения, определяемый Министерством здравоохранения Республики Беларусь. Соответствующий перечень был принят Министерством здравоохранения Республики Беларусь в 2012 году и является действующим в редакции поправок, внесенных в 2020 и 2023 годах².

Непосредственно порядок применения специальных мер по оказанию медицинской помощи прописан в главе 5 Закона РБ «О предупреждении распространения заболеваний, представляющих опасность для здоровья населения, вируса иммунодефицита человека»³. При этом, в указанной главе

¹ Закон Республики Беларусь от 07 января 2012 года № 345-З «О предупреждении распространения заболеваний, представляющих опасность для здоровья населения, вируса иммунодефицита человека» (ред. от 10.07.2017 г.) // Национальный реестр правовых актов. 2012 г. № 2/1897; Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 18 июля 2017.

² Постановление Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 15 июня 2012 года № 75 «Об установлении перечня заболеваний, представляющих опасность для здоровья населения» (ред. 16.02.2023 г.) // База НАП / Нормативная правовая база / Для специалистов / Министерство здравоохранения Республики Беларусь [сайт] URL: https://minzdrav.gov.by/ru/dlya-spetsialistov/normativno-pravovaya-baza/baza-npa.php?ELEMENT_ID=333010 (дата обращения: 21.10.2023).

³ Закон Республики Беларусь от 07 января 2012 года № 345-З «О предупреждении распространения заболеваний, представляющих опасность для здоровья населения, вируса иммунодефицита человека» (ред. от 10.07.2017 г.) // Национальный реестр правовых актов. 2012 г. № 2/1897; Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 18 июля 2017.

предусмотрен ряд правовых гарантий от злоупотребления применением соответствующих мер в отношении граждан. К таковым гарантиям можно отнести:

- особый субъект, ходатайствующий о применении специальных мер по оказанию медицинской помощи, обладающий соответствующей компетенцией – государственная организация здравоохранения;

- специальная форма принятия решения – заключение врачебно-консультационной комиссии государственной организации здравоохранения о необходимости применения соответствующей принудительной меры;

- необходимость получения санкции соответствующего государственного органа – прокурора, для принудительного медицинского освидетельствования; суда, для принудительной госпитализации и дальнейшего лечения;

- наличие совокупности необходимых условий для вынесения заключения врачебно-консультационной комиссии – в обязательном порядке должны иметь место быть достаточные основания полагать о наличии у лица социально опасного заболевания либо основания полагать о наличии у него ВИЧ, для принудительного медицинского освидетельствования – также факт уклонения от обязательного медицинского освидетельствования; должны присутствовать результаты клинико-инструментального и (или) лабораторного исследований, подтверждающих социально опасное заболевание; для принудительной госпитализации и дальнейшего лечения – уклонение лица, имеющего социально опасное заболевание, от лечения;

- установления правила, согласно которому, меры стеснения и изоляции при применении специальных мер по оказанию медицинской помощи не допускаются;

- строго установленные сроки осуществления принудительного лечения гражданина и порядок их продления (сроки лечения продлеваются только по решению суда);

— осуществление контрольно-надзорных функций за осуществлением лечения со стороны органов Внутренних дел Республики Беларусь¹.

Следует обратить внимание также и на то, что согласно ст. 19 Закона РБ «О предупреждении распространения заболеваний, представляющих опасность для здоровья населения, вируса иммунодефицита человека» принудительное медицинское освидетельствование проводится исключительно в отношении лиц, которые должны пройти обязательное медицинское освидетельствование. К данным категориям относятся доноры, а также лица, перечень которых утвержден Министерством здравоохранения Республики Беларусь². Соответствующее правило, в определенном смысле, также является гарантией от злоупотребления применением специальных медицинских мер, ограничивающих те или иные конституционные права.

Принудительный характер оказания специальных медицинской помощи, тем более в стационарных условиях, как это предусмотрено положениями Законов РБ «О здравоохранении», «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» и «О предупреждении распространения заболеваний, представляющих опасность для здоровья населения, вируса иммунодефицита человека»³, прямым образом влечет за

¹ Закон Республики Беларусь от 07 января 2012 года № 345-З «О предупреждении распространения заболеваний, представляющих опасность для здоровья населения, вируса иммунодефицита человека» (ред. от 10.07.2017 г.) // Национальный реестр правовых актов. 2012 г. № 2/1897; Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 18 июля 2017.

² См.: Закон Республики Беларусь от 07 января 2012 года № 345-З «О предупреждении распространения заболеваний, представляющих опасность для здоровья населения, вируса иммунодефицита человека» (ред. от 10.07.2017 г.) // Национальный реестр правовых актов. 2012 г. № 2/1897; Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 18 июля 2017; Постановление Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 12 июля 2012 г. № 97 «Об установлении клинических показаний и категорий лиц, подлежащих обязательному медицинскому освидетельствованию» (ред. 29.06.2023 г.) // Национальный реестр правовых актов. 2012 г. № 8/26165; Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 01 августа 2023.

³ См.: Закон Республики Беларусь от 18 июня 1993 года № 2435-XII «О здравоохранении» (ред. от 17.07.2023 г.) // «Народная газета». 1993 г.; Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 25 июля 2023; Закон Республики Беларусь от 07 января 2012 г. № 340-З «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» (ред. от

собой ограничение таких конституционных прав и свобод как личная свобода и неприкосновенность (ст. 25 Конституции Республики Беларусь) и свобода передвижения (ст. 30 Конституции Республики Беларусь)¹.

Более того, согласно ст. 22 Закона РБ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения», если физические лица, которые могут быть источником инфекционных заболеваний в связи с особенностями выполняемой ими работы или производства, имеют инфекционные заболевания, а также подозрение на наличие таковых, либо они контактировали с лицами, имеющими, в свою очередь, инфекционные заболевания, подлежат отстранению от работы². Таким образом, данное правило напрямую ограничивает конституционное право на труд (ст. 41 Конституции Республики Беларусь)³. Перечень соответствующих инфекционных заболеваний, а также профессий, установлен Постановлением Министерства здравоохранения Республики Беларусь⁴.

Сложно не согласиться с необходимостью данных ограничений. Их существование направленно на минимизацию социальных контактов граждан

15.07.2019 г.) // Национальный реестр правовых актов. 2012 г. № 2/1892; Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 26 июля 2019; Закон Республики Беларусь от 07 января 2012 г. № 345-З «О предупреждении распространения заболеваний, представляющих опасность для здоровья населения, вируса иммунодефицита человека» (ред. от 10.07.2017 г.) // Национальный реестр правовых актов. 2012 г. №2/1897; Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 18 июля 2017.

¹ Конституция Республики Беларусь от 15 марта 1994 г. (ред. от 27.02.2022 г.)/ Конституция / Государство / Президент Республики Беларусь [сайт] URL: <https://president.gov.by/ru/gosudarstvo/constitution> (дата обращения: 21.10.2023).

² Закон Республики Беларусь от 07 января 2012 года № 340-З «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» (ред. от 15.07.2019 г.) // Национальный реестр правовых актов. 2012 г. № 2/1892; Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 26 июля 2019.

³ Конституция Республики Беларусь от 15 марта 1994 года (ред. от 27.02.2022 г.)/ Конституция / Государство / Президент Республики Беларусь [сайт] URL: <https://president.gov.by/ru/gosudarstvo/constitution> (дата обращения: 21.10.2023).

⁴ Постановление Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 12 июля 2012 г. № 96 «Об установлении перечня профессий и инфекционных заболеваний, при которых носители возбудителей инфекционных заболеваний представляют опасность для окружающих, и признании утратившим силу постановления Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 14 декабря 2007 г. № 165»// База НАП / Нормативная правовая база / Для специалистов / Министерство здравоохранения Республики Беларусь [сайт] URL: https://minzdrav.gov.by/ru/dlya-spetsialistov/normativno-pravovaya-baza/baza-npa.php?ELEMENT_ID=333106(дата обращения: 21.10.2023).

и просто физических лиц, находящихся под юрисдикцией Республики Беларусь с лицами, являющимися, реально либо гипотетически, переносчиками инфекционных заболеваний. Цель минимизации социальных контактов между указанными выше категориями лиц – предотвращение, либо устранение ухудшения санитарно-эпидемиологической обстановки в стране, что неразрывно связано с защитой здоровья населения.

Обратим внимание на то, что установление подобных ограничений полностью соответствует положениям белорусской Конституции. Так, согласно ст. 23 Конституции Республики Беларусь: «Ограничение прав и свобод личности допускается только в случаях, предусмотренных законом, в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц»¹. Таким образом, Конституция Республики Беларусь определяет одним из оснований для ограничения прав и свобод, в частности таких как право на труд, право на личную свободу и неприкосновенность и свободу передвижения.

Белорусская конституция, так же, как и российская, предусматривает возможность ограничения прав и свобод и в условиях особых правовых режимов: режима чрезвычайного и военного положения. В контексте данного исследования представляет интерес первый вариант особого правового режима – чрезвычайное положение.

Согласно ст. 3 Закона Республики Беларусь от 24 июня 2002 г. № 117-З «О чрезвычайном положении» (далее – Закон РБ «О чрезвычайном положении»): «основанием для введения чрезвычайного положения является наличие обстоятельств, представляющих непосредственную угрозу безопасности жизни и здоровья людей, территориальной целостности и существованию государства, устранение которых невозможно без

¹ Конституция Республики Беларусь от 15 марта 1994 года (ред. от 27.02.2022 г.) / Конституция / Государство / Президент Республики Беларусь [сайт] URL: <https://president.gov.by/ru/gosudarstvo/constitution> (дата обращения: 21.10.2023).

применения чрезвычайных мер»¹. При этом, в качестве одного из подобного рода обстоятельств Закон РБ «О чрезвычайном положении» устанавливает чрезвычайные экологические ситуации, в том числе эпидемии и эпизоотии, возникшие в результате аварий, опасных природных явлений, катастроф, стихийных и иных бедствий, повлекшие (могущие повлечь) человеческие жертвы, нанесение ущерба здоровью людей и окружающей природной среде. При этом Закон РБ «О чрезвычайном положении» определяет ряд чрезвычайных мер и временных ограничений (приостановлений), введение которых сводится к минимизации негативных последствий обстоятельств, послуживших основанием к введению режима чрезвычайного положения, а также устранение данных обстоятельств. Данные ограничения закреплены в ст. 11-12 Закона РБ «О чрезвычайном положении», в частности, данными нормами ограничиваются такие права как:

- свобода передвижения (абз. 3, 9 ст. 11 и абз. 2, 3 ст. 12 Закона РБ «О чрезвычайном положении»);
- право на труд (абз. 5 ст. 11 и абз. 7 ст. 12 Закона РБ «О чрезвычайном положении»);
- свобода собраний, митингов, уличных шествий, демонстраций и пикетирования (абз. 7 ст. 11 Закона РБ «О чрезвычайном положении»);
- право на забастовку (абз. 8 ст. 11 Закона РБ «О чрезвычайном положении»);
- право собственности (абз. 4 ст. 12 Закона РБ «О чрезвычайном положении»).

Кроме того, ст. 14 Закона РБ «О чрезвычайном положении» устанавливает, что на территории, на которой введено чрезвычайное положение, выборы и референдумы не проводятся в течение всего срока действия чрезвычайного положения. В случае же истечения срока

¹ Закон Республики Беларусь от 24 июня 2002 года № 117-З «О чрезвычайном положении» (ред. от 19.07.2023 г.) // Национальный реестр правовых актов. 2002 г. № 2/866; Национальный реестр правовых актов. 2023 г. № 2/3012.

полномочий выборного государственного органа или должностного лица в период действия режима чрезвычайного положения, срок их полномочий продлевается автоматически до окончания данного особого правового режима, если их полномочия не были прекращены в ином особом порядке, установленном Законом РБ «О чрезвычайном положении»¹.

Следует отметить, что Закон РБ «О чрезвычайном положении» предусматривает также возможность введения ограничений иных прав человека. Так, согласно ст. 15 Закона РБ «О чрезвычайном положении» Президент Республики Беларусь вправе отменять или приостанавливать на срок действия чрезвычайного положения нормативные правовые акты республиканских органов государственного управления, решения местных исполнительных и распорядительных органов, приостанавливать решения местных Советов депутатов, действующие на территории, на которой введено чрезвычайное положение, в случае противоречия этих актов указу Президента Республики Беларусь о введении на данной территории чрезвычайного положения, если иное не предусмотрено Конституцией Республики Беларусь². Данное полномочие Президента Республики Беларусь предусматривает гипотетическое ограничение прав и свобод, поскольку допускает приостановление в действии ряда нормативных правовых актов, в том числе, могущих вводить дополнительные, производные права и свободы человека и гражданина.

Примечательно, что ст. 63 Конституции Республики Беларусь для случаев ограничения прав в условиях режима чрезвычайного положения использует термин «приостановление», а не собственно «ограничение»³. Однако, на наш взгляд представляется, что в данном случае «приостановление» права будет являться частным случаем ограничения

¹ Закон Республики Беларусь от 24 июня 2002 года № 117-З «О чрезвычайном положении» (ред. от 19.07.2023 г.) // Национальный реестр правовых актов. 2002 г. № 2/866; Национальный реестр правовых актов. 2023 г. № 2/3012.

² Там же.

³ Конституция Республики Беларусь от 15 марта 1994 года (ред. от 27.02.2022 г.) / Конституция / Государство / Президент Республики Беларусь [сайт] URL: <https://president.gov.by/ru/gosudarstvo/constitution> (дата обращения: 21.10.2023).

права – ограничением права во времени его использования. Как было отмечено в параграфе 1.1, ограничение прав и свобод следует понимать как их сужение, без затрагивания материального содержания права или свободы, проявляющееся в недопустимости их реализации в соответствии целому ряду критериев, в том числе, критерии времени, что и характерно для приостановления прав человека в период режима чрезвычайного положения, согласно Конституции Республики Беларусь¹.

Таким образом, следует констатировать, что в Беларуси и России сложились примерно одинаковые практики ограничения конституционных прав человека, в том числе, в целях защиты здоровья населения. Как и российская Конституция, Конституция Республики Беларусь предусматривает возможность ограничения прав человека посредством норм соответствующего закона в ординарных ситуациях и в условиях чрезвычайного положения.

Продолжая сравнительное исследование конституционно-правовых основ ограничения прав и свобод в странах-участниках Евразийского экономического союза обратимся к законодательной практике Республики Армения. Ограничение прав и свобод в Республике Армения в целях защиты здоровья населения – обязанность государства перед гражданами².

Отметим, что Конституция Республики Армения не содержит единой нормы, аккумулирующей все основания для ограничения любых конституционных прав и свобод человека и гражданина, в отличие от Конституции Российской Федерации (ч. 3 ст. 55) и Конституции Республики Беларусь (ст. 23). Вместо подобного подхода, практика конституционного регулирования ограничения прав и свобод в Армении пошла по иному пути:

¹ Примеры закрепления отдельных правовых возможностей в сфере охраны и защиты здоровьях и их интерпретация в Конституциях стран СНГ представлены в научной статье В.В. Комаровой. См.: Комарова В.В. Право будущего в сфере конституционной модели прав человека // Юридическая наука в Китае и России. 2024. № 7. С. 8-15.

² Агафонов М.В. Содержание принципа приоритета прав и свобод человека и гражданина в республике Армения // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 4 (44). С. 156.

основания ограничения тех или иных прав и свобод отражены в статьях, посвященных непосредственно конкретным правам и свободам.

Вместе с тем Конституция Республики Армения определяет общие принципы ограничения конституционных прав. Так, ст. 78 Конституции Республики Армения закрепляет принцип соразмерности. Данный принцип в конституции Армении распадается на две составные части: 1) пригодность и необходимость мер ограничения прав и свобод для достижения обозначенных в конституции целей; 2) соразмерность мер ограничений прав и свобод значению ограничиваемых прав и свобод¹. Из первой составной части принципа соразмерности следует, что ограничиваемые меры должны быть: во-первых, крайней мерой, без которой обеспечить, в данном случае, здоровье населения не представляется возможным, и, следовательно, реализация человеком тех или иных конституционных прав повлечет за собой нарушение указанного блага. Во-вторых, меры должны быть пригодными для ограничения соответствующего права, т.е. они не должны каким-либо образом сводить ограничиваемое право на нет, например, сужать его материальное содержание.

Еще одним принципом ограничения прав и свобод в Конституции Республики Армения является принцип определенности, закрепленный в ст. 79, согласно которому при ограничении основных прав и свобод законы должны устанавливать основания и объем этих ограничений, быть в достаточной мере определенными, чтобы носители и адресаты этих прав и свобод были в состоянии проявлять соответствующее поведение². Иными словами, формулировки ограничительных мер должны быть четко прописаны и не допускать двоямыслия и кривотолков. Суть их содержания должны быть ясны, как для субъектов прав – лиц их осуществляющих, так и для субъектов, обеспечивающих соблюдение установленных

¹ Конституция Республики Армения от 05 июля 1995 года (ред. от 06.12.2015 г.) / Конституция / Библиотека / Президент Республики Армения [сайт] URL: <https://www.president.am/ru/constitution-2015/> (дата обращения: 01.12.2023).

² Там же (дата обращения: 03.12.2023).

ограничительных мер – правоохранительных органов. Для первых, данное условие необходимо в целях соблюдения правомерного поведения, для вторых – в целях недопущения злоупотреблением полномочиями, влекущим ущемление конституционных прав и свобод.

Продолжая исследование особенностей ограничения конституционных прав и свобод в целях защиты здоровья населения в Республики Армения проанализируем статьи конституции, допускающие соответствующие ограничительные меры. Согласно им, в целях защиты здоровья других лиц допускается ограничение таких конституционных прав и свобод как: право на физическую и психическую неприкосновенность (ч. 2 ст. 25), право на неприкосновенность частной и семейной жизни (ч. 2 ст. 31), право на неприкосновенность жилища (ч. 2 ст. 32), право на свободу и тайну переписки, телефонных переговоров и иных форм сообщений (ч. 2 ст. 33), право на ознакомление с данными, собранными о нем в государственных органах и органах местного самоуправления (ч. 4 ст. 34), право на вступление в брак (ч. 3 ст. 35), право на свободное передвижение (ч. 4 ст. 40), право на свободу мысли, совести и религии (ч. 2 ст. 41), право на свободное выражение своего мнения (ч. 3 ст. 42), право на свободное участие и организацию мирных собраний (ч. 5 ст. 44), право на свободное объединение (ч. 3 ст. 45)¹.

Анализируя содержание данных статей, можно отметить общее процедурное требование – ограничительные меры могут вводиться только посредством принятия соответствующего закона. Данное формальное требование является общим для армянской, российской и белорусской конституционно-правовой практики.

Примером акта, предусматривающего ограничения прав человека в целях защиты здоровья населения может служить Закон Республики Армения от 02 декабря 1998 года №ЗР-265 «О защите населения при

¹ Конституция Республики Армения от 05 июля 1995 года (ред. от 06.12.2015 г.) / Конституция / Библиотека / Президент Республики Армения [сайт] URL: <https://www.president.am/ru/constitution-2015/> (дата обращения: 01.12.2023).

чрезвычайных ситуациях» (далее – Закон РА «О защите населения при чрезвычайных ситуациях»). Так, в соответствии со ст. 1 данного закона, под чрезвычайной ситуацией понимается ситуация, возникшая на определенной территории или объекте вследствие крупной аварии, опасного природного явления, техногенной, стихийной или экологической (природоохранной) катастрофы, эпидемии, эпизоотии, широко распространенной заразной болезни растений и сельскохозяйственных культур (эпифитотии), применения видов оружия, которая влечет или может повлечь человеческие жертвы, значительный вред здоровью людей и окружающей среде, крупные материальные потери и нарушение естественных условий жизнедеятельности людей¹. При этом, в соответствии со ст. 18 Закон РА «О защите населения при чрезвычайных ситуациях»: «Каждый гражданин Республики Армения обязан участвовать в осуществлении мероприятий по защите населения от последствий чрезвычайных ситуаций в порядке, установленном законодательством Республики Армения»². Таким образом, данное правило напрямую ограничивают право на свободу действий (ст. 39 Конституции Республики Армения)³, кроме того, данное правило предусматривает возможность введения иных ограничительных мероприятий, направленных на минимизацию последствий событий, послуживших основанием введения чрезвычайной ситуации.

Кроме данного, общего варианта введения ограничений прав человека, как и конституции Российской Федерации и Республики Беларусь, Конституция Республики Армения предусматривает возможность ограничения конституционных прав в условиях чрезвычайного положения.

¹ Закон Республики Армения от 29 декабря 1998 г. № ЗР–265 «О защите населения при чрезвычайных ситуациях» (ред. от 24.03.2023 г.) / Законодательство / Национальное собрание Республики Армения [официальный сайт] URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=alpha<ype=3&lang=rus#6> (дата обращения: 01.01.2024).

² Там же (дата обращения: 02.01.2024).

³ Конституция Республики Армения от 05 июля 1995 года (ред. от 06.12.2015 г.) / Конституция / Библиотека / Президент Республики Армения [сайт] URL: <https://www.president.am/ru/constitution-2015/> (дата обращения: 02.01.2023).

Согласно ст. 76 Конституции Республики Армения: «во время чрезвычайного или военного положения основные права и свободы человека и гражданина ... могут быть в установленном законом порядке временно приостановлены или подвергнуты дополнительным ограничениям»¹. Следует обратить внимание, на то, что армянская Конституция использует схожую с белорусской Конституцией формулировку приостановления прав, наряду с формулировкой дополнительных ограничений.

Из установленных ст. 76 Конституцией Армении особых правовых режимов, являющихся экстраординарными основаниями для ограничения прав человека, интерес в рамках данного правового исследования представляет именно режим чрезвычайного положения. Порядок введения данного режима в Армении устанавливается соответствующим законом – Законом Республики Армения от 12 апреля 2012 года № ЗР–106 «О правовом режиме чрезвычайного положения» (далее – Закон РА «О правовом режиме чрезвычайного положения»). Согласно ст. 1 данного закона, чрезвычайное положение – это особый правовой режим деятельности органов государственного управления и местного самоуправления, а также их должностных лиц на всей территории Республики Армения или ее отдельных территориях, который вводится только в случае непосредственной опасности, угрожающей конституционному строю Республики Армения, включая попытки насильственной смены или насильственного свержения конституционного строя Республики Армения, захвата власти, вооруженные мятежи, массовые беспорядки, национальные, расовые, религиозные конфликты, сопровождающиеся насильственными действиями, террористические акты, захват или блокаду объектов особого назначения, создание и деятельность незаконных вооруженных формирований,

¹ Конституция Республики Армения от 05 июля 1995 года (ред. от 06.12.2015 г.) / Конституция / Библиотека / Президент Республики Армения [сайт] URL: <https://www.president.am/ru/constitution-2015/> (дата обращения: 01.01.2024).

чрезвычайные ситуации¹. Из указанных оснований введения режима чрезвычайного положения и установления, сопутствующих ему ограничений прав здоровье населения может быть подвержено угрозе в условиях последнего основания – чрезвычайной ситуации.

Таким образом, введение режима чрезвычайного положения при возникновении чрезвычайной ситуации может преследовать своей целью защиту здоровья населения и устранение условий, повлекших создание состояния опасности для здоровья населения.

В свою очередь, согласно ч. 1 ст. 7 Закон РА «О правовом режиме чрезвычайного положения» могут вводиться следующие варианты ограничений прав человека, в том числе для ликвидации оснований введения и последствий чрезвычайной ситуации:

- установление особого режима ограничения свободы лиц на передвижение, а также вход (въезд) и выход (выезд) с территории, на которой введен режим чрезвычайного положения, включая ограничения на вход (въезд) на указанную территорию и выход (выезд) с указанной территории иностранных граждан и лиц без гражданства;

- ограничения с условием организации и осуществления учебного процесса;

- ограничения на осуществление отдельных видов финансово-экономической деятельности, включая оказание услуг и оборот товаров и финансовых средств;

- ограничение или запрет на проведение собраний или публичных мероприятий и участие в них;

- запрет на забастовки и другие мероприятия, приостанавливающие или прекращающие деятельность юридических лиц;

¹ Закон Республики Армения от 12 апреля 2012 года № ЗР–106 «О правовом режиме чрезвычайного положения» (ред. от 05.05.2020 г.) / Законодательство / Национальное собрание Республики Армения [официальный сайт] URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=alpha<type=3&lang=rus#13> (дата обращения: 01.01.2024).

— ограничение на передвижение транспортных средств и осуществление их осмотра, нормирование количества пассажиров, перемещаемых транспортным средством;

— установление комендантского часа, а именно, запрет на пребывание в течение суток или определенного промежутка суток на улицах и в других общественных местах без удостоверяющих личность документов, а также запрет на пребывание в определенное время суток на улицах и в других общественных местах;

— ограничение свободы слова, в частности запрет на отдельные публикации, передачи в средствах массовой информации;

— проверка удостоверяющих личность документов, осмотр личных вещей;

— экспатриация лиц, нарушивших режим чрезвычайного положения и не проживающих на данной территории, за счет их средств, а при неимении таких средств – за счет средств государственного бюджета Республики Армения с условием дальнейшей компенсации произведенных расходов;

— использование при необходимости имущества и других средств физических и юридических лиц в целях обеспечения правового режима чрезвычайного положения с материальной компенсацией в установленном законодательством порядке¹.

Как можно заметить, указанные варианты мероприятий предусматривают ограничение, в той или иной степени следующих конституционных прав и свобод:

— право на физическую и психическую неприкосновенность (ст. 25 Конституции Республики Армения);

— личная свобода (ст. 27 Конституции Республики Армения);

¹ Закон Республики Армения от 12 апреля 2012 г. № ЗР–106 «О правовом режиме чрезвычайного положения» (ред. От 05.05.2020) / Законодательство / Национальное собрание Республики Армения [официальный сайт] URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=alpha<type=3&lang=rus#13> (дата обращения: 01.01.2024).

- право на свободу действий (ст. 39 Конституции Республики Армения);
- право на свободное передвижение (ст. 40 Конституции Республики Армения);
- свобода слова и средств массовой информации (ч. 2 ст. 42 Конституции Республики Армения);
- свобода собраний (ст. 44 Конституции Республики Армения);
- право на забастовку (ст. 58 Конституции Республики Армения);
- свобода экономической деятельности (ч. 1 ст. 59 Конституции Республики Армения);
- право собственности (ст. 60 Конституции Республики Армения).

Ст. 76 Конституции Республики Армения также определяет важное правило установления временных ограничений прав человека в условиях режима чрезвычайной ситуации – лишь настолько, насколько этого требует ситуация – в пределах международных обязательств, принятых в отношении отклонения от обязательств во время чрезвычайного или военного положения¹. Данное правило, с одной стороны, подтверждает закрепленный в ст. 78 Конституции Республики Армения принцип соразмерности ограничений, а с другой стороны – соблюдение соответствующих норм международного права.

В Армении существует практика введения режима чрезвычайного положения именно в целях защиты здоровья населения. Так, Постановлением Правительства Республика Армения № 298-№ от 16 марта 2020 года «Об объявлении чрезвычайного положения в Республике Армения» было объявлено чрезвычайное положение в связи с распространением новой коронавирусной инфекции². Согласно указанному постановлению в

¹ Конституция Республики Армения от 05 июля 1995 года (ред. от 06.12.2015 г.) / Конституция / Библиотека / Президент Республики Армения [сайт] URL: <https://www.president.am/ru/constitution-2015/> (дата обращения: 02.01.2024).

² Постановление Правительства Республика Армения № 298-№ от 16 марта 2020 года «Об объявлении чрезвычайного положения в Республике Армения»/ Законодательство /

Армении, по решению коменданта предусматривалась возможность ограничения права на свободу передвижения, права собственности, свободу собраний, свободу экономической деятельности, свобода слова и средств массовой информации. Данная практика подтверждает возможность введения ограничений прав и свобод в целях защиты здоровья населения в Республике Армения.

Таким образом, армянское законодательство, как и российское, предусматривает также два порядка ограничения прав и свобод в целях защиты здоровья населения – посредством издания обычного закона и в ограничение в рамках особых правовых режимов.

Как и в рассмотренных выше странах, нормативные основы ограничения прав и свобод в Республике Казахстан заложены в конституции страны. Так, в соответствии с п. 1 ст. 39 Конституции Республики Казахстан: «Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены только законами и лишь в той мере, в какой это необходимо в целях защиты ... здоровья и нравственности населения»¹. При этом, п. 3 ст. 39 Конституции Республики Казахстан определяет, что ни в каких случаях не подлежат ограничению права и свободы, предусмотренные статьями 11 (право на гражданство), 13–15 (право на защиту прав, право на судебную защиту, право на получение юридической помощи, право на равенство перед законом и судом, право на жизнь), пунктом 1 статьи 16 (право на личную свободу), статьей 17 (право на личную неприкосновенность, право на защиту чести и достоинства), статьей 19 (право определять и указывать или не указывать свою национальную, партийную и религиозную принадлежность, право на пользование родным языком и культурой, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества), статьей 22 (право на свободу совести), пунктом 2 статьи 26 (право собственности, право наследования)

Национальное собрание Республики Армения [официальный сайт] URL: https://www.moj.am/storage/uploads/298voroshum_RUS.pdf (дата обращения: 10.05.2025).

¹ Конституция Республики Казахстан от 30 августа 1995 года (ред. от 05.06.2022 г.) / Конституция / Официальные документы / Президент Республики Казахстан [сайт] URL: https://www.akorda.kz/ru/official_documents/constitution (дата обращения: 10.01.2024).

Конституции¹. Соответствующее положение – конкретный перечень прав, не подлежащих ограничению – является отличительной чертой конституции Казахстана².

Таким образом, казахстанская Конституция содержит правило ограничения прав и свобод аналогичное правилу, закреплённому в конституциях России, Армении и Белоруссии. Тем не менее, говоря об ограничениях прав в целях защиты здоровья населения, следует отметить один примечательный факт казахстанской конституции, по которому она резко контрастирует с конституциями стран-членов ЕАЭС, рассмотренными ранее. Так, Конституция Республики Казахстан не гарантирует гражданам недопустимость проведения над ними медицинских манипуляций без их добровольного согласия, как это предусмотрено в Конституциях РФ (ч. 2 ст. 21), Республики Беларусь (аб. 3 ст. 25) и Республики Армения (ч. 2 ст. 17). Соответствующая особенность породила в Казахстане законодательную практику, согласно которой все физические лица, постоянно находящиеся на территории Республики Казахстан, обязаны получать обязательные профилактические прививки против инфекционных и паразитарных заболеваний, что предусмотрено п. 4 ст. 85 Кодекса Республики Казахстан от 07 июля 2020 г. № 360-VI «О здоровье народа и системе здравоохранения» (далее – Кодекс РК «О здоровье народа и системе здравоохранения»)³. Перечень заболеваний, по которым вакцинация проводится обязательно установлен соответствующим постановлением Правительства Республики Казахстан⁴. Указанное ограничение имеет своей целью защиту здоровья

¹ Конституция Республики Казахстан от 30 августа 1995 года (ред. от 05.06.2022 г.)/ Конституция / Официальные документы / Президент Республики Казахстан [сайт] URL: https://www.akorda.kz/ru/official_documents/constitution (дата обращения: 10.01.2024).

² Лошкарева И.А. Модели ограничения личных прав и свобод человека и гражданина в странах СНГ// Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2013. № 5. С. 22.

³ Кодекс Республики Казахстан от 07 июля 2020 года № 360-VI «О здоровье народа и системе здравоохранения» (ред. от 01.01.2024 г.) «Казахстанская правда». 2020. № 130 (29257); 2023. № 74 (29951).

⁴ Постановление Правительства Республики Казахстан от 24 сентября 2020 года № 612 «Об утверждении перечня заболеваний, против которых проводятся обязательные

населения путем снижения гипотетических распространителей соответствующих инфекционных и паразитарных заболеваний, путем выработки у лиц, постоянно проживающих в Казахстане иммунитета к данным заболеваниям. Как указывает Министерство юстиции Республики Казахстан, данная цель имеет конституционную основу и проистекает из положений ст. 31 Конституции Республики Казахстан¹. При этом, приведенный пример полностью соответствует требованиям ограничения прав через издание соответствующего закона в целях защиты здоровья населения, что предусмотрено п. 1 ст. 39 Конституции Республики Казахстан.

Однако подчеркнем, что законодательство Республики Казахстан, также предусматривает и добровольные профилактические прививки², к которым была отнесена, в частности, прививка от новой коронавирусной инфекции, в обязательном порядке ей были подвергнуты только лица из числа декретированных групп³.

Следует отметить еще одну особенность казахстанской конституционной практики. В отличие от конституций Российской Федерации, Республики Беларусь и Республики Армения, Конституция Республики Казахстан не содержит правовой нормы о возможности ограничения прав в условиях чрезвычайного положения. Как следствие, ограничение прав в условиях соответствующего особого правового режима

профилактические прививки в рамках гарантированного объема медицинской помощи, правил, сроков их проведения и групп населения, подлежащих профилактическим прививкам» (ред. от 30.03.2021 г.) // Эталонный контрольный банк НПА РК 18.11.2020; Эталонный контрольный банк НПА РК 05.04.2021 г.

¹ О правовом основании обязательности вакцинации против коронавирусной инфекции COVID-19/Новости/Пресс-центр/Министерство юстиции Республики Казахстан [сайт] URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/adilet/press/news/details/226860?lang=ru> (дата обращения: 16.01.2024).

² Кодекс Республики Казахстан от 07 июля 2020 года № 360-VI «О здоровье народа и системе здравоохранения» (ред. от 01.01.2024 г.) «Казахстанская правда». 2020. № 130 (29257); 2023. № 74 (29951).

³ Оразова Г.У., Болатов А.К., Гудым Е.Б., Жамиева Ж.Н. Добровольная вакцинация против COVID-19 в Казахстане: мнение населения// Journal of Health Development. 2021. V. 3 № 43. С. 49.

осуществляется на основе общего правила, предусмотренного п. 1 ст. 39 Конституции Республики Казахстан.

Законом, устанавливающим возможность ограничения прав и свобод в условиях чрезвычайного положения, является Закон Республики Казахстан от 08 февраля 2003 года № 387 «О чрезвычайном положении» (далее – Закон РК «О чрезвычайном положении»). Так, в соответствии со ст. 15 и 16 Закона РК «О чрезвычайном положении» в случае введения режима чрезвычайного положения вследствие эпидемий могут вводиться следующие мероприятия, ограничивающие права человека:

- установление ограничений на свободу передвижения, в том числе транспортных средств, в местности, где введено чрезвычайное положение;
- установление ограничений на въезд в местность, где введено чрезвычайное положение, или на территорию Республики Казахстан, а также выезда из них;
- запрещение или ограничение организации и проведения мирных собраний, зрелищных, спортивных и других массовых мероприятий, а также семейных обрядов, связанных с рождением, свадьбой, смертью;
- запрещение забастовок;
- запрещение проведения выборов и республиканских референдумов в течение всего периода действия чрезвычайного положения в местности, где оно введено;
- приостановление деятельности сетей и средств связи;
- временное отселение жителей в безопасные районы с обязательным предоставлением им временных жилых помещений;
- введение карантина, проведение санитарно-противоэпидемических и противоэпизоотических мероприятий;
- в случаях, связанных с необходимостью проведения и обеспечения аварийно-спасательных и других неотложных работ, привлечение трудоспособного населения и транспортных средств физических лиц для проведения указанных работ с обязательным

соблюдением требований трудового законодательства Республики Казахстан¹.

Указанные выше мероприятия влекут за собой ограничения таких конституционных прав как право свободного передвижения, свобода слова (ст. 20), (п. 1 ст. 21), свобода труда (п. 1 ст. 24), право на забастовку (п. 3 ст. 24), право мирных собраний (ст. 32), избирательные права (п. 2-3, ст. 33)².

В практике Республики Казахстан имело место введение режима чрезвычайного положения в целях защиты здоровья населения. Соответствующий шаг был осуществлен в условиях распространения новой коронавирусной инфекции, путем издания Указа Президента Республики Казахстан от 15 марта 2020 года № 285 «О введении чрезвычайного положения в Республике Казахстан»³. Согласно данному акту, введение чрезвычайного положения преследовало целью защиту жизни и здоровья граждан. При этом, исследуемый указ предусматривал ряд ограничительных мероприятий, в том числе карантин⁴. При этом, следует отметить, что Кодекс РК «О здоровье народа и системе здравоохранения» дает весьма пространное определение карантина, не раскрывая конкретных мероприятий, входящих в его состав⁵. В свою очередь, мероприятия, которые закреплены в данном указе влекут за собой прямое либо косвенное ограничение таких следующих

¹ Закон Республики Казахстан от 08 февраля 2003 года № 387 «О чрезвычайном положении» (ред. от 11.09.2022 г.) «Казахстанская правда». 2003. № 43-44; 2022. 133 (29760).

² Конституция Республики Казахстан от 30 августа 1995 года (ред. от 05.06.2022 г.) / Конституция / Официальные документы / Президент Республики Казахстан [сайт] URL: https://www.akorda.kz/ru/official_documents/constitution (дата обращения: 16.01.2024).

³ Указ Президента Республики Казахстан от 15 марта 2020 года № 285 «О введении чрезвычайного положения в Республике Казахстан» / Правовые акты / Президент Республики Казахстан [сайт] URL: https://www.akorda.kz/ru/legal_acts/decrees/o-vvedenii-chrezvychainogo-polozheniya-v-respublike-kazahstan?q=положение (дата обращения: 06.05.2025).

⁴ Указ Президента Республики Казахстан от 15 марта 2020 года № 285 «О введении чрезвычайного положения в Республике Казахстан» / Правовые акты / Президент Республики Казахстан [сайт] URL: https://www.akorda.kz/ru/legal_acts/decrees/o-vvedenii-chrezvychainogo-polozheniya-v-respublike-kazahstan?q=положение (дата обращения: 06.05.2025).

⁵ Кодекс Республики Казахстан от 07 июля 2020 года № 360-VI «О здоровье народа и системе здравоохранения» (ред. от 01.01.2024 г.) «Казахстанская правда». 2020. № 130 (29257); 2023. № 74 (29951).

прав и свобод: право на свободу труда, право на осуществление предпринимательской деятельности, право на пользование культурой, право на свободу передвижения¹.

При этом Конституция Республики Казахстан устанавливает право на охрану здоровья, что косвенно возлагает на государство обязанность по обеспечению надлежащего уровня здоровья населения². Примечательно, что в ч. 2 ст. 29 Конституции Республики Казахстан установлен гарантированный объем медицинской помощи, что является новеллой в правовом регулировании охраны здоровья рассматриваемой страны³.

Таким образом, специфичной процедурной особенностью ограничения прав и свобод в целях защиты здоровья населения в Республике Казахстан, является отсутствие варианта ограничения в условиях особых правовых режимов, как самостоятельного порядка ограничения прав. Все возможные варианты ограничения прав и свобод в целях защиты здоровья населения в Казахстане базируются на общих положениях ст. 39 Конституции страны.

Последней страной, входящей в ЕАЭС, является Кыргызская Республика. Представляется необходимым обратить внимание на то, что конституционная практика Кыргызской Республики также имеет свои особенности, выделяющие ее на фоне остальных стран союза. Можно уверенно сказать, что Конституция Кыргызской Республики предусматривает наиболее мягкие правила в вопросах ограничения прав, в том числе и в целях защиты здоровья населения.

Так, согласно п. 5 ст. 23 Конституции Кыргызской Республики не подлежат никаким ограничениям установленные Конституцией права и

¹ Указ Президента Республики Казахстан от 15 марта 2020 года № 285 «О введении чрезвычайного положения в Республике Казахстан»/Правовые акты/Президент Республики Казахстан [сайт] URL: https://www.akorda.kz/ru/legal_acts/decrees/o-vvedenii-chrezvychainogo-polozheniya-v-respublike-kazahstan?q=положение (дата обращения: 06.05.2025).

² Конституция Республики Казахстан от 30 августа 1995 года (ред. от 05.06.2022 г.)/Конституция / Официальные документы / Президент Республики Казахстан [сайт] URL: https://www.akorda.kz/ru/official_documents/constitution (дата обращения: 10.01.2024).

³ Бейсенбекова Г.К. Аналитическая оценка нормативно-правовой регламентации права человека на охрану здоровья в Казахстане // Медицина и экология. 2008. № 4. С. 106.

свободы человека¹. Данный факт подтверждает сложившуюся в юридической науке Киргизии мнение об абсолютном характере прав². Примечательно, что в то же время, согласно п. 2 ст. 23 Конституции Кыргызской Республики, допускается ограничение прав посредством Конституции и законов в целях охраны здоровья³. Представляется, что закрепление данной нормы является развитием положений ст. 19 Конституции Киргизии, согласно которой государство заботится о благосостоянии народа⁴. На основе системного толкования данных норм, а также п. 4 ст. 23 Конституции Кыргызской Республики, представляется, что ограничение конституционных прав в Киргизии все же допустимо, но лишь в случаях прямого указания на эту возможность в самой Конституции. Данный тезис подтверждается наличием статей с прямым указанием на возможность ограничения соответствующих прав через издание закона (п. 3 ст. 29, п. 2 ст. 31, ст. 38 Конституции Кыргызской Республики и так далее)⁵.

При этом в Киргизии не допускается ограничения прав и свобод в иных целях и в большей степени, чем это предусмотрено Конституцией, а также принятие подзаконных актов, ограничивающих права и свободы человека, что резко контрастирует с порядок ограничения прав человека в РФ в условиях чрезвычайного или военного положения⁶.

¹ Конституция Кыргызской Республики от 05 мая 2021 года / Конституция Кыргызской Республики / Законодательство / Кабинет Министров Кыргызской Республики [сайт] URL: <https://www.gov.kg/ru/p/constitution> (дата обращения: 17.01.2024).

² Агабекова Н.К., Болотбекова Э.К., Ураимова Т.А. Конституционное закрепление прав и свобод человека в Кыргызской Республике в аспекте конституционной реформы 2021 года // Образование и право. 2021. № 7. С. 50.

³ Конституция Кыргызской Республики от 05 мая 2021 года / Конституция Кыргызской Республики / Законодательство / Кабинет Министров Кыргызской Республики [сайт] URL: <https://www.gov.kg/ru/p/constitution> (дата обращения: 17.01.2024).

⁴ Саганилиева В.Ж., Сатавулдиев И.Б. Обеспечение прав и свобод человека в Кыргызской Республике // Аграрное и земельное право. 2022. № 1 (205). С. 12.

⁵ Конституция Кыргызской Республики от 05 мая 2021 г. / Конституция Кыргызской Республики / Законодательство / Кабинет Министров Кыргызской Республики [сайт] URL: <https://www.gov.kg/ru/p/constitution> (дата обращения: 17.01.2024).

⁶ Зайцев А.А. Зарубежный конституционно-правовой опыт регулирования ограничения прав и свобод человека и гражданина (на примере стран СНГ) // Бизнес в законе. 2013. № 6. С. 128.

По аналогичной логике осуществляется ограничение прав в целях защиты здоровья населения в условиях режима чрезвычайного положения. Так, ст. 12 Конституции Кыргызской Республики определяет, что порядок и случаи введение чрезвычайного положения определяются Конституцией и законами¹. Соответствующим законом выступает Конституционный Закон Кыргызской Республики от 24 октября 1998 года № 135 «О чрезвычайном положении» (далее – КЗК «О чрезвычайном положении»)². Так, согласно ст. 22 КЗК «О чрезвычайном положении» в Кыргызской Республике могут вводиться обширные ограничения прав человека, в то же время, согласно ст. 3 того же закона, одним из оснований введения таких ограничений может служить возникновение в стране эпидемии³.

В то же время кыргызская Конституция не определяет ограничений конкретных прав в целях защиты здоровья населения. Тем не менее, такие ограничения устанавливаются на законодательном уровне. Так, согласно абз. 2 ст. 5 Закона Кыргызской Республики от 26 июня 2001 года № 56 «Об иммунопрофилактике инфекционных болезней» отказ от профилактической прививки влечет за собой временный запрет для граждан на выезд в ряд стран, временный отказ в приеме граждан в учреждения образования и оздоровительные учреждения в случае возникновения массовых инфекционных заболеваний или при угрозе возникновения эпидемий, а также отказ в приеме граждан на работы или отстранение граждан от работ, выполнение которых связано с высоким риском заболевания

¹ Конституция Кыргызской Республики от 05 мая 2021 г. / Конституция Кыргызской Республики / Законодательство / Кабинет Министров Кыргызской Республики [сайт] URL: <https://www.gov.kg/ru/p/constitution> (дата обращения: 17.01.2024).

² Конституционный Закон Кыргызской Республики от 24 октября 1998 года № 135 «О чрезвычайном положении» (ред. от 14.07.2015 г.) / Министерство Юстиции Кыргызской Республики [официальный сайт] URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/142?refId=1197568> (дата обращения: 20.01.2024).

³ Конституционный Закон Кыргызской Республики от 24 октября 1998 года № 135 «О чрезвычайном положении» (ред. от 14.07.2015 г.) / Министерство Юстиции Кыргызской Республики [официальный сайт] URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/142?refId=1197568> (дата обращения: 20.01.2024).

инфекционными болезнями¹. Таким образом, несмотря на то что ЗКР «Об иммунопрофилактике инфекционных болезней» на прямую не формулирует ограничение тех или иных конституционных прав и свобод, фактически, в приведенных выше положениях, он ограничивает свободу труда, права на образование, право на свободу передвижения. Следовательно, кыргызской законодательной практике можно наблюдать некоторый диссонанс между положениями республиканской Конституцией и законодательством страны, что требует скорейшей устранения данной проблемы.

В условиях отсутствия мероприятий по ограничению право и свобод в условиях чрезвычайных ситуаций, за исключением эвакуации населения, заслуживает внимание факт сложной категоризации видов соответствующих ситуаций. Так, Постановлением Кабинета министров Кыргызской Республики от 17 января 2025 года № 21 «Об утверждении Классификации чрезвычайных ситуаций и критериев их оценки в Кыргызской Республике» в Киргизии осуществляется категоризация чрезвычайных ситуаций по 1) по количеству пострадавших; 2) по размеру экономического ущерба; 3) по количеству населения с нарушенной жизнедеятельностью; 4) ситуации по источнику возникновения и характеру их проявления². Следует, однако усомниться в эффективности столь конкретной классификации и «стандартизации» чрезвычайных ситуаций. Строгое определение их сущностных характеристик ограничивает правоприменителя в гибкости и определенной степени самостоятельности при принятии конкретных мер для устранения обстоятельств, послуживших основанием для введения режима

¹ Закон Кыргызской Республики от 26 июня 2001 года № 56 «Об иммунопрофилактике инфекционных болезней» (ред. от 05.07.2017 г.) / Министерство Юстиции Кыргызской Республики [официальный сайт] URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/463?refId=816710> (дата обращения: 20.01.2024).

² Постановление Кабинета министров Кыргызской Республики от 17 января 2025 года № 21 «Об утверждении Классификации чрезвычайных ситуаций и критериев их оценки в Кыргызской Республике» / Министерство Юстиции Кыргызской Республики [официальный сайт] URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/7-37415/edition/25154/ru?lang=ru> (дата обращения: 12.05.2025).

чрезвычайной ситуации, и их последствий. В связи с этим, представляется нецелесообразным перенятия подобного опыта.

Таким образом, на основании проведенных выше исследований можно сделать следующие выводы.

Во-первых, не смотря на наличие сущностных особенностей в вопросах ограничений прав и свобод в целях защиты населения у некоторых из стран-участниц ЕАЭС (наличие обязательной вакцинации в Казахстане, особенности ограничения конституционных прав в Киргизии), формально во всех этих странах используется одно и то же правило введения ограничения в целях защиты здоровья населения: 1) посредством принятия законодательного акта, 2) при соблюдении принципов соразмерности и необходимости.

Во-вторых, в конституциях некоторых стран (Армении и Беларуси), в целях защиты здоровья населения посредством введения закона устанавливаются не ограничения, а изъятия. Тем не менее, на наш взгляд данное терминологическое различие скорее является формальным и указывает на наличие индивидуальных особенностей в вопросах формулировок в национальном законодательстве соответствующих стран. Содержательно же данные изъятия являются ограничениями, определёнными во времени, пространстве либо по кругу лиц.

§ 3.2 Ограничения прав и свобод в целях защиты здоровья населения в позициях конституционных судов стран ЕАЭС

Изучение той или иной конституционно-правовой проблемы через призму правовых позиций конституционных судов и их эквивалентов в зарубежных странах имеет большое значение для всестороннего ее исследования. Данный вывод продиктован целым рядом причин. Во-первых, конституционные суды в странах ЕАЭС, выступая в качестве органов конституционного контроля и единственными легальными толкователями конституций, определяют верность содержания нормативного правового акта

с точки зрения соответствия его содержания конституции, тем самым подтверждая или корректируя вектор развития законодательства в той или иной области соответствующей страны.

Во-вторых, вынося свои решения конституционные суды раскрывают существующие взаимосвязи в доктрине конституционного права. Нередко ими формулируются базовые положения конституционно-правовой доктрины. Конституционные суды интерпретируют конституционные нормы, наполняя понятия сложного философско-правового содержания, выступающие в качестве обобщенных в наиболее высокой степени масштабов возможного или должного поведения субъектов права, нормативным значением¹. Тем самым, они оказывают колоссальное влияние на развитие науки конституционного права в соответствующей стране. В-третьих, решения конституционных судов (советов) по своей сути являются правовыми прецедентами². Они входят в правовую практику и оказывают решающее влияние, задавая вектор для принятия решений не только судами, но и иными субъектами правового поля.

Соответствующее влияние оказывается конституционными судами на все сферы конституционно-правового регулирования, которые стали объектами их рассмотрения, в том числе на вопросы ограничения прав человека в целом, и в условиях защиты населения в частности. Рассмотрим детальнее влияние каждого из органов конституционного контроля в странах ЕАЭС и их позиции по вопросам ограничения прав и свобод в целях обеспечения здоровья населения начиная с Российской Федерации.

Конституционный контроль в России, согласно ч. 1 ст. 125 Конституции РФ, реализуется КС РФ через осуществление судебной власти посредством конституционного судопроизводства в целях защиты основ конституционного строя, основных прав и свобод человека и гражданина,

¹ Мурашко Л.О. Конституционное правоприменение и его ценностная составляющая // Мониторинг правоприменения. 2018. № 3 (28). С. 4.

² Мокосеева М.А. Юридическая природа правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». 2015. С. 95.

обеспечения верховенства и прямого действия Конституции РФ на всей территории страны¹. Уже в ч. 2-5 и в ч. 6 ст. 125 Конституции РФ закрепляется значимая часть компетенций КС РФ. Более подробно полномочия КС РФ раскрываются в ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»².

Компетенции КС РФ, позволяющие данному судебному органу оказывать существенное влияние на развитие правовой доктрины, а также законодательства и юридической практики в сфере ограничения прав и свобод человека обозначены в ст. ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», к ним относятся:

— разрешение дел о соответствии Конституции РФ федеральных конституционных законов, федеральных законов, нормативных актов Президента РФ, Совета Федерации, Государственной Думы, Правительства РФ (п. «а» ч. 1 ст. 3);

— проверка на основе жалоб на нарушение конституционных прав и свобод конституционности федеральных конституционных законов, федеральных законов, примененных в конкретном деле (ч. 3 ст. 3);

— проверка конституционности федеральных конституционных законов и федеральных законов, подлежащих применению судом в конкретном деле, по запросам соответствующего суда (ч. 3.1 ст. 3);

— толкование норм Конституции РФ (ч. 4 ст. 3);

¹ См.: Сайбулаев С.А. Функции Конституционного Суда российской Федерации: некоторые вопросы теории и практики // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. 2018. № 2. Т. 1. С. 68; Романовская Л.Р. Конституционный Суд РФ как главный субъект толкования Конституции // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2018. № 2. С. 166; Алиев А.М., Магарамова Х.М. Понятие и назначение Конституционного Суда Российской Федерации как органа судебного конституционного контроля // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2014. № 4. С. 117.

² Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 года № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (ред. от 31.07.2023 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 13. Ст. 1447; 2023. № 32 (часть I). Ст. 6118.

— проверка на соответствие Конституции РФ проектов законов РФ о поправке к Конституции РФ, проектов федеральных конституционных законов и федеральных законов (ч. 5.2 ст. 3)¹.

Таким образом, КС РФ является высшим специализированным судебным органом, осуществляющим конституционный контроль за соответствием федеральных законов и иных нормативных актов Конституции РФ².

Следует отметить, что компетенция КС РФ в сфере проверке конституционности нормативных правовых актов значительно шире и распространяется на все виды данного рода актов. В приведенном перечне, на данном этапе исследования, исключены полномочия КС РФ, закрепленные в ст. 3 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», подразумевающие проверку иных нормативных правовых актов, не являющихся федеральными законами. Соответствующее исключение продиктовано тем, что согласно ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации ограничение прав и свобод возможно лишь путем издания федерального закона. Следовательно, если на первый взгляд осуществляется ограничение права посредством иного, более низкого нормативного правового акта, то либо имеет место быть незаконное умаление права, либо обозначение процедурных правил осуществления права, по сути, не являющееся ограничением права, либо отображение ограничения, введенного федеральным законом. Правовые позиции КС РФ об ограничении прав и свобод в особом порядке – в условиях издания указа

¹ Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (ред. от 31.07.2023 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 13. Ст. 1447; 2023. № 32 (часть I). Ст. 6118.

² См.: Агарков К.Н., Агаркова Н.А. Конституционный Суд Российской Федерации в современной России // Вестник государственного и муниципального управления. 2012. № 4. С. 76; Татаринов С.А. К вопросу о принципах осуществления конституционного судопроизводства в Конституционном суде Российской Федерации // Вестник Томского государственного университета. Право. 2014. № 2 (12). С. 97; Мартынюк Р.С. Особенности функциональной природы органов конституционного контроля // Евразийская адвокатура. 2016. № 4 (23). С. 82.

Президента РФ о введении чрезвычайного либо военного положения, с сопутствующими ограничениями прав, будут рассмотрены позже.

Стоит обратить внимание на то, что в практике КС РФ имеют место быть решения, отображающие правовые позиции данного суда касательно общих правил ограничения прав и свобод, установленных в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ. Так, в Постановлении КС РФ от 20 декабря 1995 г. № 17-П «По делу о проверке конституционности ряда положений пункта «а» статьи 64 Уголовного кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.А. Смирнова» еще раз указывается на то, что введение ограничений возможно только в целях, определенных в ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации, а сами ограничения: «не могут толковаться расширительно и не должны приводить к умалению других гражданских, политических и иных прав, гарантированных гражданам Конституцией и законами Российской Федерации»¹.

Другим решением КС РФ, конкретизирующим положения ч. 3 ст. 55 Конституции РФ стало Постановление КС РФ от 27 апреля 1998 г. № 12-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений части первой статьи 92 Конституции Республики Башкортостан, части первой статьи 3 Закона Республики Башкортостан «О Президенте Республики Башкортостан» (в редакции от 28 августа 1997 года) и статей 1 и 7 Закона Республики Башкортостан «О выборах Президента Республики Башкортостан»². В данном постановлении КС РФ подчеркивает, что ограничения прав и свобод могут устанавливаться: 1 – только федеральным законом, 2 – только для достижения целей, установленных в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ (защита основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечение обороны страны и безопасности

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 20 декабря 1995 г. № 17-П «По делу о проверке конституционности ряда положений пункта «а» статьи 64 Уголовного кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.А. Смирнова» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 54.

² Закон Республики Башкортостан «О выборах Президента Республики Башкортостан» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 18. Ст. 2063.

государства). Кроме того, в данном постановлении КС РФ определяет, что федеральный законодатель может делегировать полномочие по ограничению прав и свобод субъектам РФ, но с обеспечением соразмерности вводимых ими ограничений целям, обозначенным в ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации, посредством установления пределов полномочий законодательных органов субъектов Российской Федерации¹.

Важнейшим актом КС РФ, принятым им по вопросам ограничения конституционных прав и свобод, является Постановление КС РФ от 30 октября 2003 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобами граждан С.А. Бунтмана, К.А. Катаняна и К.С. Рожкова»². В данном постановлении КС РФ суммирует все свои, ранее вынесенные правовые позиции по вопросам ограничения конституционных прав и свобод и формулирует общие требования к ограничению прав и свобод: «ограничения конституционных прав должны быть необходимыми и соразмерными конституционно признаваемым целям таких ограничений; в тех случаях, когда конституционные нормы позволяют законодателю установить ограничения закрепляемых ими прав, он не может осуществлять такое регулирование, которое посягало бы на само существо того или иного права и приводило бы к утрате его реального содержания; при допустимости ограничения того или иного права в соответствии с конституционно одобряемыми целями государство, обеспечивая баланс конституционно защищаемых ценностей и интересов, должно использовать не чрезмерные, а

¹ Конституция Российской Федерации // Собрание законодательства РФ. 1998. № 18. Ст. 2063.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 30 октября 2003 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобами граждан С.А. Бунтмана, К.А. Катаняна и К.С. Рожкова» // Собрание законодательства РФ. 2003. № 44. Ст. 4358.

только необходимые и строго обусловленные этими целями меры; публичные интересы, перечисленные в статье 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, могут оправдать правовые ограничения прав и свобод, только если такие ограничения отвечают требованиям справедливости, являются адекватными, пропорциональными, соразмерными и необходимыми для защиты конституционно значимых ценностей, в том числе прав и законных интересов других лиц, не имеют обратной силы и не затрагивают само существо конституционного права, то есть, не ограничивают пределы и применение основного содержания соответствующих конституционных норм; чтобы исключить возможность несоразмерного ограничения прав и свобод человека и гражданина в конкретной правоприменительной ситуации, норма должна быть формально определенной, точной, четкой и ясной, не допускающей расширительного толкования установленных ограничений и, следовательно, произвольного их применения»¹.

Таким образом, в данном решении КС РФ вывел и обобщил фундаментальные принципы, лежащие в основе государственно-правового механизма ограничения прав и свобод в России, в том числе, ограничения в целях защиты здоровья населения.

Как видно решения КС РФ лежат в основе регламентирования порядка ограничения прав и свобод в России. Данная ситуация характерна для всех случаев ограничения прав и свобод в целях обеспечения интересов, обозначенных в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ.

В то же время, среди решений КС РФ существуют и решения напрямую связанные с вопросом ограничения прав человека в целях защиты здоровья населения. Так, в определениях Конституционного Суда РФ от 30

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 30 октября 2003 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобами граждан С.А. Бунтмана, К.А. Катаняна и К.С. Рожкова» // Собрание законодательства РФ. 2003. № 44. Ст. 4358.

ноября 2023 г. № 3190-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Кабетовой Надежды Ивановны на нарушение ее конституционных прав положениями статей 65, 76 и 88 Трудового кодекса Российской Федерации, а также ряда федеральных законов» и от 30 ноября 2023 г. № 3191-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Кондрашовой Натальи Сергеевны на нарушение ее конституционных прав положениями статей 65, 76 и 88 Трудового кодекса Российской Федерации, а также ряда федеральных законов», КС РФ определил, что ограничение свободы труда в виде отстранения от работы граждан, занятых на работах, выполнение которых связано с высоким риском заболевания инфекционными болезнями при отсутствии у них профилактических прививок, является элементом правового механизма, направленного на предотвращение и устранение возникающих в связи с эпидемическими заболеваниями рисков для жизни и здоровья граждан¹. В данных определениях КС РФ подтвердил установленное в законодательстве Российской Федерации правило, ограничивающее свободу труда в целях защиты здоровья населения. Стоит отметить, что данное решение является очевидным, поскольку соответствует как содержательным, так и процедурным требованиям ч. 3 ст. 55 Конституции РФ.

Более значимым представляется уже обозначенное ранее Постановление КС РФ от 25 декабря 2020 года № 49-П «По делу о проверке конституционности подпункта 3 пункта 5 постановления Губернатора Московской области «О введении в Московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 30 ноября 2023 г. № 3190-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Кабетовой Надежды Ивановны на нарушение ее конституционных прав положениями статей 65, 76 и 88 Трудового кодекса Российской Федерации, а также ряда федеральных законов» и Определение Конституционного Суда РФ от 30 ноября 2023 г. № 3191-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Кондрашовой Натальи Сергеевны на нарушение ее конституционных прав положениями статей 65, 76 и 88 Трудового кодекса Российской Федерации, а также ряда федеральных законов». Конституционный Суд Российской Федерации [официальный сайт] URL: <https://www.ksrf.ru/ru/Pages/default.aspx> (дата обращения: 06.03.2024).

областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-2019) на территории Московской области» в связи с запросом Протвинского городского суда Московской области»¹ (далее – Постановление КС РФ от 25.12.2020 года № 49-П).

В данном постановлении КС РФ рассматривается ситуация, в которой пп. 3 п. 5 Постановления губернатора Московской области от 12 марта 2020 года № 108-ПГ «О введении в Московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (2019-nCoV) на территории Московской области»² (далее – Постановление Губернатора МО от 12.03.2020 года № 108-ПГ) (в редакции постановления Губернатора Московской области от 21 апреля 2020 года № 204-ПГ, действовавшей по состоянию на 24 апреля 2020 года), устанавливалась обязанность граждан не покидать места проживания (пребывания), за исключением случаев, установленных в указанном постановлении. По мнению заявителя, данное постановление Губернатора Московской области нарушает положения ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, поскольку напрямую ограничивает конституционную свободу передвижения (ч. 1 ст. 27 Конституции РФ), в то время как согласно обозначенной статье Конституции

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 25 декабря 2020 года № 49-П «По делу о проверке конституционности подпункта 3 пункта 5 постановления Губернатора Московской области «О введении в Московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-2019) на территории Московской области» в связи с запросом Протвинского городского суда Московской области». Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) 29 декабря 2020 г.

² Постановления губернатора Московской области от 12 марта 2020 года № 108-ПГ «О введении в Московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (2019-nCoV) на территории Московской области». Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) 19 мая 2020 г.

РФ, ограничение прав и свобод человека и гражданина могут осуществляться только путем принятия федерального закона.

Рассматривая данный вопрос КС РФ, апеллируя к сложной санитарно-эпидемиологической обстановке, существовавшей на момент принятия Губернатором Московской области рассматриваемого постановления, вызванной распространением новой коронавирусной инфекции COVID-19, а также распространившейся международной практикой установления изоляции и самоизоляции граждан по месту их проживания (пребывания), получившие международное обозначение «lockdown», установил, что Губернатором Московской области, по сути, было осуществлено оперативное (опережающее) правовое регулирование, впоследствии (спустя незначительный период) легитимированное правовыми актами федерального уровня¹. Соответствующее опережающее правовое регулирование, как утверждает КС РФ, соответствует выработанной им ранее правовой позиции².

¹ Постановление губернатора Московской области от 21 апреля 2020 года № 204-ПГ «О внесении изменений в постановление Губернатора Московской области от 12.03.2020 № 108-ПГ «О введении в Московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-2019) на территории Московской области» и в Порядок оформления и использования цифровых пропусков для передвижения по территории Московской области в период действия режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-2019) на территории Московской области» / Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) 29 декабря 2020 г.

² См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 марта 1997 года № 5-П «По делу о проверке конституционности положений абзаца второго пункта 2 статьи 18 и статьи 20 Закона Российской Федерации от 27 декабря 1991 года «Об основах налоговой системы в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1997. № 13. Ст. 1602; Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 09 июля 2002 № 12-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 5 статьи 18 и статьи 30.1 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», статьи 108 Конституции Республики Татарстан, статьи 67 Конституции (Основного Закона) Республики Саха (Якутия) и части третьей статьи 3 Закона Республик» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 28. Ст. 2909; Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 апреля 2008 года №

При этом в Постановлении КС РФ от 25.12.2020 года № 49-П, КС РФ указал, что фактическое отнесение правовых средств, направленных на защиту жизни и здоровья граждан в ситуациях, связанных с распространением заболеваний, в том числе, сопряженных с ограничением иных прав, к полномочиям федерального законодателя, в данном случае, в условиях отсутствия правового регулирования, адекватного по своему содержанию и предусмотренным мерам чрезвычайной ситуации, угрожающей жизни и здоровью граждан, при том, что такая угроза реальна и безусловна, не может быть оправданием для бездействия органов публичной власти по предотвращению и сокращению случаев наступления смертей и тяжелых заболеваний¹. Соответствующий вывод продиктован тем, что в определенных случаях, конкретно в данном, интересы защиты жизни и здоровья граждан могут преобладать над ценностью сохранения обычного правового режима реализации иных прав и свобод².

Более того, КС РФ, ссылаясь на положения ст. 1 и 8 Закона РФ от 25 июня 1993 года № 5242-1 «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации», согласно которому, в соответствии с законами

7-П «По делу о проверке конституционности абзаца второго статьи 1 Федерального закона «О садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях граждан» в связи с жалобами ряда граждан» // Собрание законодательства РФ. 2008. № 18. Ст. 2089.

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 25 декабря 2020 года № 49-П «По делу о проверке конституционности подпункта 3 пункта 5 постановления Губернатора Московской области «О введении в Московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-2019) на территории Московской области» в связи с запросом Протвинского городского суда Московской области» // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) 29 декабря 2020 г.

² Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2020 года № 11-П «По делу о проверке конституционности подпункта 3 пункта 5 постановления Губернатора Московской области «О введении в Московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-2019) на территории Московской области» в связи с запросом Протвинского городского суда Московской области» // «Официальный интернет-портал правовой информации» (www.pravo.gov.ru) 29 декабря 2020 г.

России, свобода передвижения может ограничиваться на отдельных территориях и в населенных пунктах, где в случае опасности распространения инфекционных и массовых неинфекционных заболеваний и отравлений людей введены особые условия и режимы проживания населения и хозяйственной деятельности, указывает¹, а также на то, что в соответствии с п. «б» ч. 1 ст. 72 Конституции России вопрос защиты прав и свобод человека и гражданина относится к совместному ведению РФ и субъектов РФ, законодатель субъекта вправе самостоятельно решать правотворческие задачи по вопросам, не получившим содержательного выражения в федеральном законе, не отступая от конституционных требований о не противоречии законов и иных нормативных правовых актов субъектов РФ федеральным законам и о соблюдении прав и свобод человека и гражданина².

Таким образом, КС РФ признал право субъектов РФ в определенных случаях ограничения прав человека³.

Кроме того, КС РФ отметил, что предусмотренные в Постановлении Губернатора МО от 12.03.2020 года № 108-ПГ исключения из устанавливаемого режима⁴, ограничивающего свободу передвижения,

¹ Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации. 1993. № 32. Ст. 1227; 2023. № 5. Ст. 701.

² Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2020 года № 11-П «По делу о проверке конституционности подпункта 3 пункта 5 постановления Губернатора Московской области «О введении в Московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-2019) на территории Московской области» в связи с запросом Протвинского городского суда Московской области» // «Официальный интернет-портал правовой информации» (www.pravo.gov.ru) 29 декабря 2020 г.

³ Петрова Д.А., Моськина М.Н., Мухалов Д.В. Обзор судебной практики по вопросу введения ограничений прав граждан в период пандемии новой коронавирусной инфекции (COVID-19) на примере цифровых пропусков // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2020. № 4. С. 113.

⁴ Постановление губернатора Московской области от 12 марта 2020 года № 108-ПГ «О введении в Московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (2019-nCoV) на территории Московской области» // Официальный интернет-портал правовой информации» (www.pravo.gov.ru) 19.05.2020 г.

свидетельствуют о соразмерном характере такого ограничения¹.

Таким образом, в Постановлении КС РФ от 25.12.2020 года № 49-П органом конституционного контроля Российской Федерации были сформулированы и обозначены фундаментальные правила ограничения прав человека в целях защиты здоровья населения в экстраординарных ситуациях. КС РФ обосновал возможность введения ограничения прав и свобод, в том числе конституционных, органами публичной власти без соблюдения процедуры предусмотренной в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ. Однако это возможно лишь в условиях одновременного наличия нескольких компонентов:

- экстраординарный характер сложившейся ситуации, при которой промедление может нанести невосполнимый урон здоровью населения страны, региона, муниципалитета;
- отсутствие адекватного узаконенного механизма разрешения подобной экстраординарной ситуации.

То есть, вводимые ограничения должны быть необходимыми. В то же время, они должны быть соразмерными той угрозе здоровью населения, для разрешения которой вводятся соответствующие ограничения. Примечательно, что в данном постановлении КС РФ допустил возможность введения ограничений не только федеральными органами публичной власти, но и органами публичной власти субъектов РФ.²

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2020 года № 11-П «По делу о проверке конституционности подпункта 3 пункта 5 постановления Губернатора Московской области «О введении в Московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-2019) на территории Московской области» в связи с запросом Протвинского городского суда Московской области» // «Официальный интернет-портал правовой информации» (www.pravo.gov.ru) 29 декабря 2020 г.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 25 декабря 2020 года № 49-П «По делу о проверке конституционности подпункта 3 пункта 5 постановления Губернатора Московской области «О введении в Московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-2019) на территории

Такова практика КС РФ. Обратимся теперь к практике органов конституционного контроля стран ЕАЭС. Отметим, что в странах, входящих в ЕАЭС, используется единая модель конституционного контроля. Так, в Российской Федерации, Республике Беларусь, Республике Армения, с 2021 года в Кыргызской Республике, а с 2023 года и в Республике Казахстан действуют специально созданные судебные органы конституционного контроля – Конституционный Суд Республики Беларусь (далее – КС РБ)¹, Конституционный Суд Республики Армения (далее – КС РА), Конституционный Суд Кыргызской Республики (далее – КС КР) и Конституционный Суд Республики Казахстан (далее – КС РК) соответственно². Тем не менее, отмеченное единство в модели конституционного контроля не является гарантией выработки единой практики решений данных органов по вопросам введения ограничений прав и свобод в целях защиты здоровья населения.

Начнем с рассмотрения практики КС РБ. Как отмечает Г.А. Василевич: «В своих решениях Конституционный Суд проводит идею правового государства о ... соразмерности ограничения прав и свобод правомерно

Московской области» в связи с запросом Протвинского городского суда Московской области» // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) 29 декабря 2020 г.

¹ См.: Синицына А.М. Состояние и перспективы взаимодействия адвокатуры и Конституционного Суда Республики Беларусь в сфере обеспечения конституционной законности // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки. 2020. № 6. С. 105; Иванова Т.В. Правотворческая деятельность органов конституционного контроля в Республики Беларусь и в зарубежных государствах: сравнительный анализ // Экономическая наука сегодня. 2014. С. 345-346; Остапович И.Ю. Толкование норм Конституции органами охраны Конституции Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации // Lex Russica. 2016. № 2 (111). С. 46.

² См.: Судебные системы Европы и Евразии: научно-энциклопедическое издание: в 3. т. Т. 3 / под ред. Р.А. Курбанова, Р.А. Гурбанова. М.: Проспект, 2019. С. 57-59, С. 88-91; Конституция Республики Казахстан от 30 августа 1995 г. (ред. от 05.06.2022 г.) / Конституция / Официальные документы / Президент Республики Казахстан [сайт] URL: https://www.akorda.kz/ru/official_documents/constitution (дата обращения: 02.03.2024); Конституция Кыргызской Республики от 05 мая 2021 г. / Конституция Кыргызской Республики / Законодательство / Кабинет Министров Кыргызской Республики [сайт] URL: <https://www.gov.kg/ru/p/constitution> (дата обращения: 02.03.2024).

достижимым целям»¹. Данная мысль находит свое подтверждение и в последних решениях КС РБ. Например, в Решении Конституционного Суда Республики Беларусь от 14 марта 2023 г. № Р-1304/2023 «О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь» подчеркивается, что: «правовые ограничения должны обеспечивать баланс между конституционными правами и свободами граждан и публичными интересами государства и общества. Любые ограничения конституционных прав и свобод должны быть не только юридически допустимыми, социально оправданными, но и справедливыми, необходимыми и соразмерными конституционно признаваемым целям таких ограничений»².

Таким образом, можно отметить схожесть правовых позиций КС РФ и КС РБ в фундаментальных основах ограничения прав и свобод человека и гражданина.

Следует подчеркнуть, что КС РБ, в результате обязательного предварительного конституционного контроля³, также выработал определенную практику по вопросам ограничения прав и свобод в целях обеспечения здоровья населения. Центральным решением КС РБ в данной сфере является Решение Конституционного Суда Республики Беларусь от 28 декабря 2011 г. № Р-669/2011 «О соответствии Конституции Республики

¹ Василевич Г.А. Реализация решений Конституционного Суда Республики Беларусь – важное условие формирования современной правовой системы: Национальная государственность и европейские интеграционные процессы. В 2 т. Т. 1. Национальное законодательство и его гармонизация с правом Европейского Союза: сб. науч. тр. Минск, 2008. С. 76.

² Решение Конституционного Суда Республики Беларусь от 14 марта 2023 г. № Р-1304/2023 «О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь» / Конституционный Суд Республики Беларусь / Акты / Конституционный Суд Республики Беларусь [официальный сайт] URL: <http://www.kc.gov.by/document-75033> (дата обращения: 07.03.2024).

³ См.: Василевич Г.А. Полномочия Конституционного Суда и судов общей юрисдикции Республики Беларусь в новом конституционном измерении: Сборник статей по результатам II международной научно-практической конференции, посвященной празднованию 10-летней годовщины воссоединения Крыма с Российской Федерацией. Симферополь, 2024. С. 241; Сеницына А.М. Роль Конституционного Суда Республики Беларусь в обеспечении конституционализации нормотворчества и правоприменения // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Д. Экономические и юридические науки. 2018. № 6. С. 202.

Беларусь Закона Республики Беларусь «О предупреждении распространения заболеваний, представляющих опасность для здоровья населения, вируса иммунодефицита человека»¹. В данном решении предметом предварительного конституционного контроля КС РБ являлся вновь принимаемый Закон РБ «О предупреждении распространения заболеваний, представляющих опасность для здоровья населения, вируса иммунодефицита человека», устанавливающий ряд определенных ограничений в целях недопущения распространения социально опасных заболеваний, а также ВИЧ, и обеспечения посредством этого надлежащего уровня здоровья населения². В рассматриваемом решении КС РБ приходит к выводу, что здоровью каждого индивида присуща не только личная (частная), но и социальная ценность. Тем самым, КС РБ подтверждает соответствие вводимым Законом РБ «О предупреждении распространения заболеваний, представляющих опасность для здоровья населения, вируса иммунодефицита человека» ограничениям прав и свобод допустимой конституционной цели – защите здоровья населения. При этом, КС РБ, отмечает необходимость обеспечения соразмерности устанавливаемых в проверяемом Законе ограничений прав и свобод личности с общественными и государственными интересами, что является следствием правового характера белорусского государства³.

¹ Решение Конституционного Суда Республики Беларусь от 28 декабря 2011 г. № Р-669/2011 «О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь «О предупреждении распространения заболеваний, представляющих опасность для здоровья населения, вируса иммунодефицита человека» / Акты/ Конституционный Суд Республики Беларусь [официальный сайт] URL: <http://www.kc.gov.by/document-25573> (дата обращения: 07.03.2024).

² Закон Республики Беларусь от 07 января 2012 года № 345-З «О предупреждении распространения заболеваний, представляющих опасность для здоровья населения, вируса иммунодефицита человека»// Национальный реестр правовых актов. 2012 г. № 2/1897.

³ Решение Конституционного Суда Республики Беларусь от 28 декабря 2011 г. № Р-669/2011 «О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь «О предупреждении распространения заболеваний, представляющих опасность для здоровья населения, вируса иммунодефицита человека» / Акты/ Конституционный Суд Республики Беларусь [официальный сайт] URL: <http://www.kc.gov.by/document-25573> (дата обращения: 07.03.2024).

Другим актом в данной плеяде является Решение Конституционного Суда Республики Беларусь от 05 мая 2020 г. № Р-1214/2020 «О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь «Об изменении Закона Республики Беларусь «О лекарственных средствах»¹. Согласно п. 3 ст. 21 Закона Республики Беларусь от 13 мая 2020 г. № 13-З «Об изменении Закона Республики Беларусь «О лекарственных средствах», фармацевтический инспектор Министерства здравоохранения, при выявлении в ходе инспектирования (фармацевтической инспекции) промышленного производства лекарственных средств фактов, создающих угрозу причинения вреда жизни или здоровью населения, в пределах своей компетенции принимает меры, направленные на запрещение реализации лекарственного средства, представляющего угрозу причинения вреда жизни или здоровью населения². В указанном решении КС РБ отметил, что обозначенное выше полномочие, предоставленное фармацевтическому инспектору, явно ограничивает предусмотренное ст. 13 Конституции Республики Беларусь право на осуществление хозяйственной деятельности. При этом преследуемая данным ограничением цель – недопущение причинения вреда жизни или здоровью населения – соответствует положениям Конституции Республики Беларусь, предусмотренным ст. 23³.

¹ Решение Конституционного Суда Республики Беларусь от 05 мая 2020 г. № Р-1214/2020 «О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь «Об изменении Закона Республики Беларусь «О лекарственных средствах» / Акты/ Конституционный Суд Республики Беларусь [официальный сайт] URL:<http://www.kc.gov.by/document-66553> (дата обращения: 07.03.2024).

² Закон Республики Беларусь от 13 мая 2020 года № 13-З «Об изменении Закона Республики Беларусь «О лекарственных средствах» // Национальный реестр правовых актов. 2020 г. № 2/2732.

³ См.: Конституция Республики Беларусь от 15 марта 1994 года (ред. от 07.03.2024 г.) / Конституция / Государство / Президент Республики Беларусь [сайт] URL: <https://president.gov.by/ru/gosudarstvo/constitution> (дата обращения: 21.10.2023); Решение Конституционного Суда Республики Беларусь от 5 мая 2020 г. № Р-1214/2020 «О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь «Об изменении Закона Республики Беларусь «О лекарственных средствах» / Акты / Конституционный Суд Республики Беларусь [официальный сайт] URL:<http://www.kc.gov.by/document-66553> (дата обращения: 07.03.2024).

Однако КС РБ обращает внимание на то, что Закон Республики Беларусь «Об изменении Закона Республики Беларусь «О лекарственных средствах» не предусматривает какие конкретно меры может принимать фармацевтический инспектор¹. В связи с этим КС РБ, в духе выработанной им правовой позиции преследования идеалов правового государства, в число которых входит признание и обеспечение защиты прав и свобод человека, обращает внимание что в целях соблюдения принципов верховенства права и законности, равенства всех перед законом при реализации указанного полномочия фармацевтического инспектора Министерства здравоохранения необходимо исходить из того, что запрет осуществления деятельности, связанной с производством и контролем качества лекарственных средств, ограничивает право субъектов хозяйствования на осуществление хозяйственной деятельности, такая мера может применяться только в определенных законодательными актами случаях исключительно для обеспечения охраны жизни и здоровья граждан². Иными словами, КС РБ считает допустимым указанное ограничение, но при этом подчеркивает необходимость соблюдения установленных законом целей и условий применения данных ограничений. При этом, используемые в указанных случаях меры также должны быть соразмерными, не искажающими сущности ограничиваемого права и не являться излишними.

Еще одним решением КС РБ, в котором затрагивается вопрос ограничения прав в целях защит здоровья населения, является Решение

¹ См.: Решение Конституционного Суда Республики Беларусь от 05 мая 2020 г. № Р-1214/2020 «О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь «Об изменении Закона Республики Беларусь «О лекарственных средствах» / Акты/ Конституционный Суд Республики Беларусь [официальный сайт] URL: <http://www.kc.gov.by/document-66553> (дата обращения: 07.03.2024); Закон Республики Беларусь от 13 мая 2020 г. № 13-З «Об изменении Закона Республики Беларусь «О лекарственных средствах» // Национальный реестр правовых актов. 2020 г. № 2/2732.

² См.: Решение Конституционного Суда Республики Беларусь от 05 мая 2020 г. № Р-1214/2020 «О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь «Об изменении Закона Республики Беларусь «О лекарственных средствах» / Акты/ Конституционный Суд Республики Беларусь [официальный сайт] URL: <http://www.kc.gov.by/document-66553> (дата обращения: 07.03.2024); Закон Республики Беларусь от 13 мая 2020 г. № 13-З «Об изменении Закона Республики Беларусь «О лекарственных средствах» // Национальный реестр правовых актов. 2020 г. № 2/2732.

Конституционного Суда Республики Беларусь от 01 декабря 2020 г. № Р-1230/2020 «О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь «Об изменении законов по вопросам здравоохранения и оказания психологической помощи»¹. Проверяемый в данном решении Закона Республики Беларусь от 11 декабря 2020 г. № 94-З «Об изменении законов по вопросам здравоохранения и оказания психологической помощи», расширяет случаи для проведения патологоанатомического вскрытия, чем, по мнению КС РБ вводит определенные ограничения права на неприкосновенность личности, поскольку, в соответствии с правовыми позициями КС РБ, данное право продолжает действовать и после смерти человека, выражаясь в праве на физическую неприкосновенность тела умершего и достойное к нему отношение. В то же время, как считает КС РБ, данное ограничение конституционного права имеет целью обеспечение защиты здоровья населения, прав и свобод других лиц путем предотвращения профессиональных ошибок, совершенствования механизмов оказания медицинских услуг, отвечает требованиям соразмерности, разумности и соответствуют части первой статьи 23 Конституции Республики Беларусь².

Особенным в указанном положении является то, что КС РБ обращает на связь общего здоровья населения с профессионализмом медицинского персонала и совершенством системы здравоохранения. В отличие от указанных выше случаев, признанное конституционным ограничением права на неприкосновенность жизни не связано на прямую с обеспечением

¹ Решение Конституционного Суда Республики Беларусь от 01 декабря 2020 г. № Р-1230/2020 «О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь «Об изменении законов по вопросам здравоохранения и оказания психологической помощи»/ Акты/ Конституционный Суд Республики Беларусь [официальный сайт] URL: <http://www.kc.gov.by/document-68243> (дата обращения: 07.03.2024).

² Решение Конституционного Суда Республики Беларусь от 01 декабря 2020 г. № Р-1230/2020 «О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь «Об изменении законов по вопросам здравоохранения и оказания психологической помощи»/ Акты / Конституционный Суд Республики Беларусь [официальный сайт] URL: <http://www.kc.gov.by/document-68243> (дата обращения: 07.03.2024).

здоровья населения, но является необходимым перестраховочным фактором, позволяющими обеспечивать его посредством создания соответствующих условий.

В отличие от КС РБ, КС РА не имеет такой широкой практики по вопросам ограничения прав и свобод в целях защиты здоровья населения, хотя именно рассмотрение вопроса о защите прав и свобод человека и гражданина является самым массовым в практике КС РА¹. Редка и практика принятия решений КС РА относительно восстановления нарушенных прав и свобод по запросу иных судов Республики Армения².

Решения КС РА носят лаконичный характер. В них указывается только резолютивная часть, без изложения логики суда, обосновывающего принятие соответствующего решения. Из всей практики КС РА по рассматриваемому вопросу было принято лишь одно решение – Постановление Конституционного Суда Республики Армения от 23 декабря 2021 года № ПКС-1621 «По делу об определении вопроса соответствия Конституции части 3 статьи 20.1, третьего абзаца статьи 22 Закона РА «Об обеспечении санитарно-эпидемиологической безопасности населения Республики Армения» и Приказа Министра здравоохранения РА от 20 августа 2021 года № 65 на основании обращения как минимум одной пятой от общего числа депутатов Национального Собрания РА»³.

¹ Рябова Т.А. Субъекты конституционного судопроизводства при рассмотрении дел по обращениям граждан Конституционным Судом Российской Федерации и Конституционным Судом Республики Армения и их сравнительный анализ // Образование и право. 2023. № 10. С. 264.

² Туманянц Е.С. Полномочия судов по обращению в Конституционный Суд Республики Армения с запросом о проверке конституционности закона как условие реализации принципа самостоятельности судов и судебной власти // Сибирское юридическое обозрение. 2016. № 10. С. 4-10.

³ Постановление Конституционного Суда Республики Армения от 23 декабря 2021 года № ПКС-1621 «По делу об определении вопроса соответствия Конституции части 3 статьи 20.1, третьего абзаца статьи 22 Закона РА «Об обеспечении санитарно-эпидемиологической безопасности населения Республики Армения» и Приказа Министра здравоохранения РА от 20 августа 2021 года № 65 на основании обращения как минимум одной пятой от общего числа депутатов Национального Собрания РА»/ Постановления КС / Решения КС [официальный сайт] URL: <http://www.kc.gov.by/document-68243> (дата обращения: 08.03.2024).

В соответствующем постановлении КС РА признает конституционным положения проверяемых актов, в том числе налагаемые ими обязанность трудоустроенных граждан проходить вакцинацию от коронавирусной инфекции COVID-19, либо в противном случае, каждые 14 дней проходить ПЦР-обследование, что косвенно ограничивает свободу труда (ст. 32 Конституции Республики Армения).

Данное решение соответствует положениям ч. 2 ст. 32 Конституции Республики Армения, в соответствии с которой каждый работник имеет право на условия труда, отвечающие требованиям безопасности и гигиены, на достижение чего и направлены введенные обязанности и сопутствующие им ограничение в обозначенных актах армянского законодателя и Министерства здравоохранения¹.

В Республике Казахстан до недавнего времени функционировал Конституционный совет, который, однако, в 2022 году был преобразован в Конституционный Суд, в силу недостаточной функциональной гибкости первого². Примечательно, что согласно официальному сайту КС РК в Республике Казахстан в принципе отсутствует практика рассмотрения дел по ограничению конституционных прав и свобод в целях защиты здоровья населения, в том числе, в период существования Конституционного совета³.

Не богата также и практика Конституционного Суда Кыргызской Республики (далее - КС КР). КС КР является высшим органом судебной власти, осуществляющим конституционный контроль посредством конституционного судопроизводства, в том числе в целях защиты основных

¹ Конституция Республики Армения от 05 июля 1995 года (ред. от 06.12.2015 г.) / Конституция / Библиотека / Президент Республики Армения [сайт] URL: <https://www.president.am/ru/constitution-2015/> (дата обращения: 08.03.2024).

² См.: Караев А.А. Конституционный Суд - важнейший орган защиты прав и свобод человека и гражданина: историко-правовой опыт зарубежных стран // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2022. № 4 (71). С. 44; Ревнов Б.А., Кохман Д.В. Сравнительно-правовой анализ конституционных судов Российской Федерации и Республики Казахстан: статус, состав, структура и полномочия // Пролог: журнал о праве. 2023. № 1. С. 25-33.

³ Конституционный Суд Республики Казахстан [официальный сайт] URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/ksrk?lang=ru> (дата обращения: 09.03.2024).

прав и свобод человека и гражданина¹. Единственным актом КС КР, посвященным вопросы ограничения прав и свобод в целях защиты населения, размещенным на сайте данного органа является принятый еще в период существования Конституционной Палаты Верховного Суда Кыргызской Республики (далее - КП КР) Решение Конституционной Палаты Верховного Суда Кыргызской Республики от 27 января 2021 года «По делу о проверке конституционности пункта 39 Перечня заболеваний, при наличии которых лицо не может быть усыновителем, опекуном (попечителем) и приемным родителем, утвержденного Постановлением Правительства Кыргызской Республики от 27 октября 2015 года №733 в связи с обращением Осмоналиевой Айнуры Мусаевны, представляющей интересы Б.И.К.»². В данном акте КП КР пришла к выводу, что установленное ограничение на усыновление (удочерение) ВИЧ-положительными людьми детей, является чрезмерным, поскольку: «при проведении антиретровирусной терапии качество и продолжительность жизни ВИЧ-положительных людей повышается и практически не отличается от жизни ВИЧ-отрицательных людей ... лицо, которое проходит терапию, достигает нулевой вирусной нагрузки, вследствие чего, не способно инфицировать других людей в

¹ См.: Шерипов Н.Т., Акбаралиев М.Б. Конституционный Суд Кыргызской Республики В системе органов государственной власти Кыргызской Республики// Бюллетень науки и практики. 2023. Т. 10. № 6. С. 501; Брежнев О.В. Эволюция статусов органов конституционного правосудия в Кыргызской Республике // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 476. С. 233-247.

² Решение Конституционной Палаты Верховного Суда Кыргызской Республики от 27 января 2021 года «По делу о проверке конституционности пункта 39 Перечня заболеваний, при наличии которых лицо не может быть усыновителем, опекуном (попечителем) и приемным родителем, утвержденного Постановлением Правительства Кыргызской Республики от 27 октября 2015 года №733 в связи с обращением Осмоналиевой Айнуры Мусаевны, представляющей интересы Б.И.К.».Конституционная Палата Верховного Суда Кыргызской Республики [официальный сайт] [URL: https://constsot.kg/wp-content/uploads/2021/01/111.-Osmonaliev-A.M.-v-interesah-B.I.K..pdf](https://constsot.kg/wp-content/uploads/2021/01/111.-Osmonaliev-A.M.-v-interesah-B.I.K..pdf) (дата обращения: 09.03.2024).

бытовых условиях»¹. Кроме того, предоставление возможности усыновления (удочерения) лицам, живущим с ВИЧ/СПИДом позволит детям, оставшимся без родительского попечения, обрести полноценную семью, являющейся основополагающим условием повышения уровня жизни ребенка, необходимого для его физического, умственного, духовного, нравственного и социального развития (части 1, 2 статьи 36 Конституции), тем более, при наличии родственной связи между усыновителями и усыновляемыми, а также фактически сложившегося совместного проживания². Как следствие, КП КР признало данное ограничение в целях защиты населения неконституционным.

Таким образом, можно констатировать, что при принятии данного решения КП КР, так же, как и КС РФ, КС РБ и КС РА, исходила из принципа соразмерности и адекватности вводимых ограничений, защищаемым публичным интересам.

Подводя итог осуществленному в данном параграфе анализу, можно обобщить следующие выводы.

Во-первых, из всех стран ЕАЭС наибольшая практика органов конституционного контроля сложилась в Российской Федерации и Республике Беларусь.

¹ Решение Конституционной Палаты Верховного Суда Кыргызской Республики от 27 января 2021 года «По делу о проверке конституционности пункта 39 Перечня заболеваний, при наличии которых лицо не может быть усыновителем, опекуном (попечителем) и приемным родителем, утвержденного Постановлением Правительства Кыргызской Республики от 27 октября 2015 года №733 в связи с обращением Осмоналиевой Айнуры Мусаевны, представляющей интересы Б.И.К.». Конституционная Палата Верховного Суда Кыргызской Республики [официальный сайт] URL: <https://constsot.kg/wp-content/uploads/2021/01/111.-Osmonaliev-A.M.-v-interesah-B.I.K..pdf> (дата обращения: 09.03.2024).

² Решение Конституционной Палаты Верховного Суда Кыргызской Республики от 27 января 2021 года «По делу о проверке конституционности пункта 39 Перечня заболеваний, при наличии которых лицо не может быть усыновителем, опекуном (попечителем) и приемным родителем, утвержденного Постановлением Правительства Кыргызской Республики от 27 октября 2015 года №733 в связи с обращением Осмоналиевой Айнуры Мусаевны, представляющей интересы Б.И.К.». Конституционная Палата Верховного Суда Кыргызской Республики [официальный сайт] URL: <https://constsot.kg/wp-content/uploads/2021/01/111.-Osmonaliev-A.M.-v-interesah-B.I.K..pdf> (дата обращения: 09.03.2024).

Представляется позитивным и возможным к адаптации в России опыта Республики Беларусь по обязательному предварительному конституционному контролю всех нормативных актов, влекущих за собой ограничение прав, в том числе, в целях защиты здоровья населения.

Во-вторых, во всех случаях ограничения прав и свобод в целях защиты здоровья населения, органы конституционного контроля стран-участников ЕАЭС исходят из необходимости обеспечения таких принципов как соразмерность, адекватность и справедливость вводимых ограничений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог проведенного исследования, можно сделать ряд выводов относительно особенностей ограничения прав и свобод человека и гражданина в целях защиты здоровья населения.

Ограничение прав и свобод человека и гражданина, как институт конституционного права, при условии соблюдения правил и фундаментальных принципов его применения, является важным механизмом обеспечения правозащитной функции государства.

Признание в ст. 3 Конституции Российской Федерации человека, его прав и свобод высшей ценностью, а также подтверждение корреспондирующей данному положению обязанности государства по признанию и соблюдению прав и свобод, детерминирует необходимость создания сложно государственного правозащитного механизма. В то же время государство признает существование и необходимость обеспечения защиты иных общественных благ, относящихся, в том числе, к интересу коллективных субъектов, таких как народ. Одним из таких благ признается здоровье население.

Возникшая в 2020 году пандемия новой коронавирусной инфекции COVID-19 вновь вывела на повестку дня вопрос о соблюдении баланса между правами и свободами человека и гражданина, с одной стороны, и обеспечение общественных интересов, в первую очередь, здоровья населения, с другой. Возникшие в российской конституционно-правовой доктрине, а также правоприменительной практике споры о соотношении данных благ, определило актуальность проведения исследований по указанным вопросам, в том числе, вопросу использования ограничения прав и свобод человек и гражданина, как инструмента, направленного на защиту здоровья населения. Указанная ситуация определила необходимость проведения всестороннего исследования по данной теме.

По итогу проведенного исследования было установлено, что ограничение прав и свобод человека и гражданина в целях защиты здоровья населения преследует не только обеспечение данного общественного блага, но и, в сущности, является проявлением правозащитной функции государства. Соответствующий вывод проистекает из признания состояния защищенности здоровья населения, как «суммы» гипотетического и реального использования права на охрану здоровья на должном уровне.

Одним из итогов проведенной диссертационной работы стало формулирование авторского подхода к пониманию природы категории «ограничение прав и свобод». Под ним предлагается понимать сужение объема прав и свобод человека, не влекущее их уничтожения или деформацию материального содержания соответствующих прав и свобод. При этом, в качестве варианта такого сужения может быть изъятие прав и свобод, которое проявляется в исключении возможности реализации прав и правомочий, составляющих конкретное право, при определенных условиях.

Проведенное исследование ограничений прав позволило их классифицировать по следующим основаниям: по процедуре введения (обычные и чрезвычайные), по субъектам ограничения (общие и специальные), по времени действия (временные и постоянные), по основанию для введения (ординарные и экстраординарные).

Определено, что введение ограничений прав человека в целях защиты здоровья населения имеет также синергетический эффект, выражающийся в том, что закрепление соответствующих ограничений направленно в том числе, на защиту прав одного человека от злоупотребления правами другими людьми. Следовательно, ограничение прав человека можно считать способом проявления правозащитной функции государства.

Сами ограничения прав предлагается понимать как сужение объема прав человека, не влекущее их уничтожения или деформацию материального содержания соответствующих прав. Одним из вариантов такого сужения может быть изъятие прав и свобод, которое проявляется в исключении

возможности реализации прав и правомочий при определенных условиях. При этом, представляется неверным отождествление категории «ограничение прав» с такими категориями как «умаление прав», «уничтожение прав» и «пределы прав».

В результате осуществленного исследования были определены формальные и сущностные черты конституционно-правовых процедур ограничения прав и свобод. Так, Конституция РФ устанавливает две процедуры введения ограничений прав и свобод. Первый, общий порядок, определяется ч. 3 ст. 55 Конституции РФ посредством издания федерального закона в целях защиты конкретных конституционных благ. При этом, установление ограничений прав человека и гражданина, в порядке, предусмотренном ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, всегда прямо или опосредованно направленно, на защиту прав одного человека (группы лиц) от злоупотребления правами другими людьми. В частности, ограничение прав и свобод в целях защиты здоровья населения, является проявлением правозащитной функции государства, направленной на защиту права на охрану здоровья.

Второй вариант – посредством объявления чрезвычайного положения, в соответствии со ст. 56 Конституции РФ – также к данному варианту относится и объявление военного положения. Таким образом, доказывается, что ограничение прав в целях защиты здоровья населения может осуществляться как на основе общего порядка, так и посредством введения в стране, на отдельных ее территориях, режима чрезвычайного положения.

При этом, обосновывается утверждение, согласно которому, карантин и самоизоляцию следует рассматривать как мероприятие или комплекс мероприятий, вводимых в определенных правовых режимах в целях недопущения распространения заболеваний. Подход к ним как к самостоятельным режимам является ошибочным. Соответствующий вывод требует так же изменений в определении карантина, содержащегося в

Федеральном законе «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения».

В ходе исследования обнаружена прямо пропорциональная зависимость уровня обеспечения защиты здоровья населения от реализации права на охрану здоровья каждого конкретного человека. Установлено, что в основе обеспечения необходимого уровня здоровья населения находится синергетический эффект реализации права на охрану здоровья каждым физическим лицом. В целях обеспечения указанного синергетического эффекта законодательством Российской Федерации устанавливаются ограничения прав лиц, не реализующих в полной мере свое право на охрану здоровья, в частности, отказывающихся от профилактических прививок. Следует подчеркнуть, что данная взаимосвязь характерна не только для лиц, относящихся к декретированным группам.

Важным итогом диссертационного исследования стало обнаружения взаимосвязи прямого ограничения одной свободы – свободы передвижения – с косвенным ограничением иных прав и свобод, в первую очередь, относящихся к категории социально-экономических. Так, доказано, что ограничение некоторых социально-экономических прав и свобод является «правовым предохранителем» от нарушения данных прав, в результате отсутствия необходимых условий, отвечающих требованиям безопасности и гигиены, что также негативным образом сказывается на защите здоровья населения.

Исследование ограничения прав и свобод в период коронавирусной инфекции COVID-19, потребовало изучение природы позитивной дискриминации и ее роли в защите здоровья населения. Было сформулировано авторское определение позитивной дискриминации, согласно которой под ней стоит понимать метод правового регулирования конституционного статуса человека, сущность которого заключается в создании более благоприятных условий для лиц, относящихся к той или иной

менее защищенной в силу естественных причин категории населения в сравнении с другими, более защищенными.

Также было установлено, что позитивная дискриминация имеет в себе всегда два аспекта – индивидуально-личный и общественный. Первый аспект имеет целью поддержать конкретные менее защищенные категории лиц в той или иной ситуации, посредством «уравнивания» их конституционно-правового статуса с более защищенными лицами. Второй – обеспечить нормальное функционирование сфер общественной жизни путем создания дополнительных гарантий для менее защищенных, но не менее важных категорий населения. Общественный аспект в позитивной дискриминации, применяемой в условиях тяжелой эпидобстановки, проявляется, например, в сохранении ценных медицинских кадров путем создания им более благоприятных условий.

Обращение к опыту зарубежных стран позволило провести сравнительно-правовое исследование определенных аспектов введения ограничений прав и свобод человека и гражданина в целях защиты здоровья населения. Так, было установлено, что в конституциях Республики Армения и Республики Беларусь, в целях защиты здоровья населения посредством введения закона устанавливаются не ограничения, а изъятия, которые, тем не менее, сущностно являются ограничениями, с точки зрения определенного нами подхода к пониманию природы данного правового явления.

Также, было установлено, что во всех случаях ограничения прав и свобод в целях защиты здоровья населения, в стран-участниках ЕАЭС используются одни и те же фундаментальные принципы: соразмерность, адекватность и справедливость вводимых ограничений.

По итогам диссертационного исследования, в целях обеспечения охраны здоровья населения на основе ч. 3 ст. 55 Конституции РФ предлагается внесение изменений в ст. 1 федерального закона «Об иммунопрофилактике инфекционных болезней». Автором обосновывается целесообразность законодательного закрепления дефиниции «обязательная

вакцинация», под которой предложено понимать медицинское мероприятие по проведению профилактических прививок по эпидемическим показаниям категориям граждан, определенным в установленном законом порядке, отсутствие которых влечет за собой ограничение права на образование, свободы труда, свободы передвижения.

Кроме этого предлагается дополнить ст. 10 федерального закона «Об иммунопрофилактике инфекционных болезней» п. 4, изложив его в следующей редакции: «Уклонение граждан, подпадающих под категории, подлежащих обязательной вакцинации в соответствии с календарем профилактических прививок по эпидемическим показаниям, влечет за собой ограничение свободы передвижения, выражающееся в принудительной самоизоляции на период до отмены главным государственным санитарным врачом Российской Федерации, главным государственным санитарным врачом субъекта Российской Федерации, принявшим решение о проведении профилактических прививок по эпидемическим показаниям, соответствующего решения».

Кроме того, представляется, что эффективным правовым инструментом обеспечения здоровья населения может стать заимствованный и адаптированный к российским условиям опыт Республики Беларусь в части установления обязанности граждан заботиться о своем здоровье. Такая обязанность должна влечь действия, направленные на частичное самоограничение таких прав, как право на труд, право на образование, право на участие в культурной жизни в случае наличия инфекционного заболевания у человека. Соответствующую обязанность предлагается закрепить в Федеральном законе от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения», изложив аб. 4 ст. 10 данного закона в следующей редакции: не осуществлять действия, влекущие за собой нарушение прав других граждан на охрану здоровья и благоприятную среду обитания, в том числе, в случае установления факта инфекционного заболевания, в порядке установленным законом, оформлять временную

нетрудоспособность и не посещать место работы, учебы до полного выздоровления.

Таким образом, в результате проведенного диссертационного исследования были сформулированы определенные практические предложения и теоретические выводы и обобщения, направленные на совершенствование многослойного механизма ограничения прав и свобод человека в целях защиты здоровья населения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Нормативные правовые акты

1. Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (ред. от 31.07.2023 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 13. Ст. 1447; 2023. № 32 (часть I). Ст. 6118.
2. Федеральный конституционный закон от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» (ред. от 02.11.2023 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 23. Ст. 2277; 2023. № 45. Ст. 7978.
3. Федеральный конституционный закон от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» (ред. от 29.05.2023 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 23. Ст. 2277; 2023. № 23 (часть I). Ст. 3998.
4. Федеральный конституционный закон от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении» (ред. от 13.12.2024 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 5. Ст. 375; 2024. № 51. Ст. 7842.
5. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. №197-ФЗ (ред. 31.07.2025 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (Часть I). Ст. 1; СЗ РФ. 2025. № 31. Ст. 4660.
6. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2012 г. № 195-ФЗ (ред. от 29.12.2025 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (Часть I). Ст. 1; «Официальный интернет-портал правовой информации» (www.pravo.gov.ru) 30 декабря 2025 г.
7. Закон Российской Федерации от 25 июня 1993 г. № 5242-І «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» (ред. от 13.12.2024 г.) // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета

Российской Федерации. 1993. № 32. Ст. 1227; Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 26. Ст. 3558.

8. Федеральный закон от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» (ред. от 08.08.2024 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 35. Ст. 3648; 2024. № 33 (часть I). Ст. 4928.

9. Федеральный закон от 03 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности» (ред. от 28.12.2025 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 15. Ст. 1269; 2025. № 14. Ст. 1574.

10. Федеральный закон от 17 сентября 1998 г. № 157-ФЗ «Об иммунопрофилактике инфекционных болезней» (ред. от 25.12.2023 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998 г. № 18 Ст. 4736; 2024. 1 (часть I) Ст. 16.

11. Федеральный закон от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» (ред. от 26.12.2024 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 14. Ст. 1650; 2024. № 57 Ст. 8495.

12. Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (ред. от 25.12.2023 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002 г. № 24 Ст. 2253; 2024. № 1 (часть I) Ст. 16.

13. Федеральный закон от 06 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (ред. от 28.02.2025 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 11. Ст. 1146; 2025. № 9. Ст. 845.

14. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» (ред. от 24.06.2025 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31. (часть I). Ст. 3451; 2025. № 26. (часть I) Ст. 3482.

15. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (ред. от 24.11.2025 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011 г. № 48 Ст. 6724; 2025. № 47 Ст. 7052.

16. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (ред. от 24.11.2025 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012 г. № 53 (часть I) Ст. 7598; 2025. № 47 Ст. 7052.

17. Федеральный закон от 01 апреля 2020 г. № 98-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 14. (часть I) Ст. 2028; 2024. № 33 (часть II) Ст. 5064.

18. Федеральный закон от 24 апреля 2020 г. № 125-ФЗ «О внесении изменений в статью 4 Федерального закона «О порядке учета доходов и расчета среднедушевого дохода семьи и дохода одиноко проживающего гражданина для признания их малоимущими и оказания им государственной социальной помощи» и статью 4 Федерального закона «О ежемесячных выплатах семьям, имеющим детей» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 17. Ст. 2703.

19. Указ Президента Российской Федерации от 23 мая 1996 г. № 763 «О порядке опубликования и вступления в силу актов Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации и нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти»: в ред. Указа Президента Российской Федерации от 03 марта 2022 г. № 90 // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 22. ст. 2663; 2022. № 10. ст. 1470.

20. Указ Президента Российской Федерации от 25 марта 2020 г. № 206 «Об объявлении в Российской Федерации нерабочих дней» //

«Официальный интернет-портал правовой информации» (www.pravo.gov.ru)
25 марта 2020 г.

21. Указ Президента Российской Федерации от 02 апреля 2020 года № 239 «О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» // «Российская газета». 2020. № 72.

22. Указ Президента Российской Федерации от 28 апреля 2020 года № 294 «О продлении действия мер по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» // «Официальный интернет-портал правовой информации» (www.pravo.gov.ru) 29 апреля 2020 г.

23. Указ Президента Российской Федерации от 06 мая 2020 г. № 313 «О предоставлении дополнительных страховых гарантий отдельным категориям медицинских работников»: // «Официальный интернет-портал правовой информации» (www.pravo.gov.ru) 06 мая 2020 г.

24. Указ Президента Российской Федерации от 11 мая 2020 г. № 316 «Об определении порядка продления действия мер по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения в субъектах Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)»: // Российская газета 2020. № 100 (8154).

25. Указ Президента Российской Федерации от 23 апреля 2021 № 242 «Об установлении на территории Российской Федерации нерабочих дней в мае 2021 г.» // «Официальный интернет-портал правовой информации» (www.pravo.gov.ru) 23 апреля 2021 г.

26. Указ Президента Российской Федерации от 20 октября 2021 № 595 «Об установлении на территории Российской Федерации нерабочих дней в октябре - ноябре 2021 г.» // «Официальный интернет-портал правовой информации» (www.pravo.gov.ru) 20 октября 2021 г.

27. Постановление Правительства Российской Федерации от 25 февраля 2000 г. № 163 «Об утверждении перечня тяжелых работ и работ с вредными или опасными условиями труда, при выполнении которых запрещается применение труда лиц моложе восемнадцати лет» (ред. 20.06.2011) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 163. Ст. 1131; Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 26. Ст. 3803.

28. Постановление Правительства Российской Федерации от 02 апреля 2020 г. № 417 «Об утверждении Правил поведения, обязательных для исполнения гражданами и организациями, при введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 15 (часть IV). Ст. 2274.

29. Постановление Правительства Российской Федерации от 12 апреля 2020 г. № 484 «Об утверждении Правил предоставления в 2020 году иных межбюджетных трансфертов из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации, источником финансового обеспечения которых являются бюджетные ассигнования резервного фонда Правительства Российской Федерации, в целях софинансирования в полном объеме расходных обязательств субъектов Российской Федерации, возникающих при осуществлении выплат стимулирующего характера за выполнение особо важных работ медицинским и иным работникам, непосредственно участвующим в оказании медицинской помощи гражданам, у которых выявлена новая коронавирусная инфекция COVID-19» // «Официальный интернет-портал правовой информации» (www.pravo.gov.ru) 13 апреля 2020 г.

30. Постановление Правительства Российской Федерации от 15 мая 2020 г. № 681 «Об утверждении Правил предоставления в 2020 году иных межбюджетных трансфертов из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации, источником финансового обеспечения которых являются бюджетные ассигнования резервного фонда Правительства

Российской Федерации, в целях софинансирования расходных обязательств субъектов Российской Федерации, возникающих при осуществлении выплат стимулирующего характера за особые условия труда и дополнительную нагрузку работникам стационарных организаций социального обслуживания, стационарных отделений, созданных не в стационарных организациях социального обслуживания, оказывающим социальные услуги гражданам, у которых выявлена новая коронавирусная инфекция, и лицам из групп риска заражения новой коронавирусной инфекцией» // «Официальный интернет-портал правовой информации» (www.pravo.gov.ru) 18 мая 2020 г.

31. Постановление Правительства Российской Федерации от 10 сентября 2020 г. № 1392 «О внесении изменений в Правила предоставления в 2020 году иных межбюджетных трансфертов из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации, источником финансового обеспечения которых являются бюджетные ассигнования резервного фонда Правительства Российской Федерации, в целях софинансирования расходных обязательств субъектов Российской Федерации по финансовому обеспечению выплат стимулирующего характера за особые условия труда и дополнительную нагрузку работникам стационарных организаций социального обслуживания, стационарных отделений, созданных не в стационарных организациях социального обслуживания, оказывающим социальные услуги гражданам, у которых выявлена новая коронавирусная инфекция, и лицам из групп риска заражения новой коронавирусной инфекцией» // «Официальный интернет-портал правовой информации» (www.pravo.gov.ru) 15 сентября 2020 г.

32. Постановление Правительства Российской Федерации от 26 июня 2020 г. № 926 «О внесении изменения в пункт 3 Правил предоставления в 2020 году иных межбюджетных трансфертов из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации, источником финансового обеспечения которых являются бюджетные ассигнования резервного фонда Правительства Российской Федерации, в целях софинансирования в полном

объеме расходных обязательств субъектов Российской Федерации, возникающих при осуществлении выплат стимулирующего характера за выполнение особо важных работ медицинским и иным работникам, непосредственно участвующим в оказании медицинской помощи гражданам, у которых выявлена новая коронавирусная инфекция COVID-19» // «Официальный интернет-портал правовой информации» (www.pravo.gov.ru) 29 июня 2020 г.

33. Постановление Правительства Российской Федерации от 09 сентября 2020 г. № 1381 «О внесении изменения в пункт 3 Правил предоставления в 2020 году иных межбюджетных трансфертов из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации, источником финансового обеспечения которых являются бюджетные ассигнования резервного фонда Правительства Российской Федерации, в целях софинансирования в полном объеме расходных обязательств субъектов Российской Федерации, возникающих при осуществлении выплат стимулирующего характера за выполнение особо важных работ медицинским и иным работникам, непосредственно участвующим в оказании медицинской помощи гражданам, у которых выявлена новая коронавирусная инфекция COVID-19» // «Официальный интернет-портал правовой информации» (www.pravo.gov.ru) 15 сентября 2020 г.

34. Постановление Правительства Российской Федерации от 30 октября 2020 г. № 1762 «О государственной социальной поддержке в 2020 - 2022 годах медицинских и иных работников медицинских и иных организаций (их структурных подразделений), оказывающих медицинскую помощь (участвующих в оказании, обеспечивающих оказание медицинской помощи) по диагностике и лечению новой коронавирусной инфекции (COVID-19), медицинских работников, контактирующих с пациентами с установленным диагнозом новой коронавирусной инфекции (COVID-19), внесении изменений во Временные правила учета информации в целях предотвращения распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-

19) и признании утратившими силу отдельных актов Правительства Российской Федерации» // «Официальный интернет-портал правовой информации» (www.pravo.gov.ru) 31 октября 2020 г.

35. Распоряжение Правительства РФ от 27 марта 2020 № 762-р «Об организациях, обеспечивающих население продуктами питания и товарами первой необходимости в период нерабочих дней, установленных Указом Президента, и утверждении рекомендуемого Перечня непродовольственных товаров первой необходимости» // «Официальный интернет-портал правовой информации» (www.pravo.gov.ru) 30 марта 2020 г.

36. Приказ Минздрава России от 21 марта 2014 г. № 125н «Об утверждении национального календаря профилактических прививок и календаря профилактических прививок по эпидемическим показаниям» (ред. от 09.12.2020 г.) // Российская газета. 2014. № 109; «Официальный интернет-портал правовой информации» (www.pravo.gov.ru) 16 декабря 2020 г.

37. Приказ Минтруда от 18 июля 2019 г. № 512н «Об утверждении перечня производств, работ и должностей с вредными и (или) опасными условиями труда, на которых ограничивается применение труда женщин»// «Официальный интернет-портал правовой информации» (www.pravo.gov.ru) 15 августа 2019 г.

38. Приказ Минздрава России от 06 декабря 2021 г. № 1122н «Об утверждении национального календаря профилактических прививок, календаря профилактических прививок по эпидемическим показаниям и порядка проведения профилактических прививок»// «Официальный интернет-портал правовой информации» (www.pravo.gov.ru) 20 декабря 2021 г.

39. Постановление Главного государственного санитарного врача Российской Федерации от 18 марта 2020 г. № 7 «Об обеспечении режима изоляции в целях предотвращения распространения COVID-2019»// «Официальный интернет-портал правовой информации» (www.pravo.gov.ru) 19 марта 2020 г.

40. Постановление Главного государственного санитарного врача Российской Федерации от 07 июля 2021 г. № 18 «О мерах по ограничению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19) на территории Российской Федерации в случаях проведения массовых мероприятий»// «Официальный интернет-портал правовой информации» (www.pravo.gov.ru) 12 июля 2021 г.

41. Указ Мэра Москвы от 05 марта 2020 г. № 12-УМ «О введении режима повышенной готовности»: // Вестник Мэра и Правительства Москвы 2020. № 14.

42. Указ Мэра Москвы от 10 марта 2020 г. № 17-УМ «О внесении изменения в указ Мэра Москвы от 05 марта 2020 г. № 12-УМ»: // Вестник Мэра и Правительства Москвы 2020. № 13.

43. Указ Мэра Москвы от 25 марта 2020 г. № 28-УМ «О внесении изменения в указ Мэра Москвы от 05 марта 2020 г. № 12-УМ»: // Вестник Мэра и Правительства Москвы 2020. № 18.

44. Постановление губернатора Московской области от 12 марта 2020 года № 108-ПГ «О введении в Московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (2019-nCoV) на территории Московской области»: // «Официальный интернет-портал правовой информации» (www.pravo.gov.ru) 19 мая 2020 г.

45. Распоряжение Губернатора Курской области от 10 марта 2020 года № 60-рг «О введении режима повышенной готовности» // «Официальный интернет-портал правовой информации» (www.pravo.gov.ru) 13 марта 2020 г.

46. Постановление губернатора Пензенской области от 16 марта 2020 года № 27 «О введении режима повышенной готовности на территории

Пензенской области» // «Официальный интернет-портал правовой информации» (www.pravo.gov.ru) 16 марта 2020 г.

47. Указ главы Республики Дагестан от 18 марта 2020 года № 17 «О введении режима повышенной готовности» // «Официальный интернет-портал правовой информации» (www.pravo.gov.ru) 18 марта 2020 г.

48. Указ Мэра Москвы от 25 марта 2020 г. № 28-УМ «О внесении изменения в указ Мэра Москвы от 05 марта 2020 г. № 12-УМ» // Вестник Мэра и Правительства Москвы 2020. № 18.

49. Указ Мэра Москвы от 26 марта 2020 г. № 31-УМ «О внесении изменения в указ Мэра Москвы от 05 марта 2020 г. № 12-УМ» // Вестник Мэра и Правительства Москвы 2020. № 18.

50. Указ Мэра Москвы от 29 марта 2020 г. № 34-УМ «О внесении изменения в указ Мэра Москвы от 05 марта 2020 г. № 1/2-УМ» // Вестник Мэра и Правительства Москвы 2020. № 19.

51. Указ Мэра Москвы от 21 мая 2020 г. № 59-УМ «О внесении изменения в указ Мэра Москвы от 05 марта 2020 г. № 12-УМ» / Официальный портал Мэра и Правительства Москвы [сайт]. URL: <https://www.mos.ru/authority/documents/doc/43922220/>.

52. Постановление главного государственного санитарного врача по городу Москве от 15 июня 2021 г. № 1 «О проведении профилактических прививок отдельным группам граждан по эпидемическим показаниям» / Пресс-центр / Управление Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека по городу Москве [сайт]. URL: https://77.rospotrebnadzor.ru/images/Postanovlenie_Andreevoy1506.PDF.

53. Постановление главного государственного санитарного врача по Московской области от 16 июня 2021 г. № 3 «О проведении профилактических прививок отдельным группам граждан по эпидемическим показаниям» / Постановления / Документы Управления Роспотребнадзора / Документы / Роспотребнадзор / Управление Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека по Московской

области [сайт]. URL: <https://50.rospotrebnadzor.ru/documents/10156/9af9fd3f-afb6-484f-b705-57643f8bf5fc>.

54. Постановление главного государственного санитарного врача по Пензенской области от 07 октября 2021 г. № 3 «О проведении профилактических прививок против новой коронавирусной инфекции по эпидемическим показаниям» / Документы / Роспотребнадзор / Управление Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека по Пензенской области [сайт]. URL: https://58.rospotrebnadzor.ru/c/document_library/get_file?uuid=72cb166e-8d5d-44ff-9c66-99a571701f6d&groupId=10156.

Международные акты

55. Устав (Конституция) всемирной организации здравоохранения / Устав ВОЗ / Руководящие органы / информация о ВОЗ / Главная страница [сайт]. URL: <https://www.who.int/ru/about/governance/constitution>.

56. Всеобщая декларация прав человека: принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10.12.1948 г. // «Российская газета». 1995. № 67; Международный пакт о гражданских и политических правах: принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16.12.1966 г. // «Ведомости Верховного Совета СССР». 1976. № 17. Ст. 291.

57. Международный пакт о гражданских и политических правах: принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16.12.1966 г. // «Ведомости Верховного Совета СССР». 1976. № 17. Ст. 291.

58. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах: принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16.12.1966 г. // «Ведомости Верховного Совета СССР». 1976. № 17 (1831).

59. Соглашение о создании Содружества Независимых Государств от 08 декабря 1991 г. / О Содружестве / Исполнительный комитет Содружества Независимых Государств [сайт] URL: <https://cis.minsk.by/about-cis>.

60. Договор о создании Евразийского экономического союза от 29 мая 2014 г. / Правовой портал Евразийского экономического союза [сайт] URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0053610/itia_05062014.

Нормативные правовые акты зарубежных стран

61. Конституция Республики Армения от 05 июля 1995 г. (ред. от 06.12.2015 г.) / Конституция / Библиотека / Президент Республики Армения [сайт] URL: <https://www.president.am/ru/constitution-2015/>.

62. Конституция Республики Беларусь от 15 марта 1994 г. (ред. от 27.02.2022 г.) / Конституция / Государство / Президент Республики Беларусь [сайт] URL: <https://president.gov.by/ru/gosudarstvo/constitution>.

63. Конституция Республики Казахстан от 30 августа 1995 г. (ред. от 05.06.2022 г.) / Конституция / Официальные документы / Президент Республики Казахстан [сайт] URL: https://www.akorda.kz/ru/official_documents/constitution.

64. Конституция Кыргызской Республики от 05 мая 2021 г. / Конституция Кыргызской Республики / Законодательство / Кабинет Министров Кыргызской Республики [сайт] URL: <https://www.gov.kg/ru/p/constitution>.

65. Конституционный Закон Кыргызской Республики от 24 октября 1998 года № 135 «О чрезвычайном положении» (ред. от 14.07.2015 г.) / Министерство Юстиции Кыргызской Республики [официальный сайт] URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/142?refId=1197568>.

66. Закон Республики Армения от 29 декабря 1998 г. № ЗР–265 «О защите населения при чрезвычайных ситуациях» (ред. от 24.03.2023 г.) / Законодательство / Национальное собрание Республики Армения [официальный сайт] URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=alpha<ype=3&lang=rus#6>.

67. Закон Республики Армения от 12 апреля 2012 г. № ЗР–106 «О правовом режиме чрезвычайного положения» (ред. от 05.05.2020 г.) / Законодательство / Национальное собрание Республики Армения

[официальный

сайт]

URL:

<http://www.parliament.am/legislation.php?sel=alpha<ype=3&lang=rus#13>.

68. Закон Республики Беларусь от 18 июня 1993 г. № 2435-XII «О здравоохранении» (ред. от 17.07.2023 г.) // «Народная газета». 1993 г.; Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 25 июля 2023.

69. Закон Республики Беларусь от 24 июня 2002 г. № 117-3 «О чрезвычайном положении» (ред. от 19.07.2023 г.) // Национальный реестр правовых актов. 2002 г. № 2/866; Национальный реестр правовых актов. 2023 г. № 2/3012.

70. Закон Республики Беларусь от 07 января 2012 г. № 340-3 «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» (ред. от 15.07.2019 г.) // Национальный реестр правовых актов. 2012 г. № 2/1892; Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 26 июля 2019.

71. Закон Республики Беларусь от 07 января 2012 г. № 345-3 «О предупреждении распространения заболеваний, представляющих опасность для здоровья населения, вируса иммунодефицита человека» (ред. от 10.07.2017 г.) // Национальный реестр правовых актов. 2012 г. № 2/1897; Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 18 июля 2017.

72. Закон Республики Беларусь от 11 декабря 2020 г. № 94-3 «Об изменении законов по вопросам здравоохранения и оказания психологической помощи» // Национальный реестр правовых актов. 2021 г. № 2/2814.

73. Закон Республики Беларусь от 13 мая 2020 г. № 13-3 «Об изменении Закона Республики Беларусь «О лекарственных средствах» // Национальный реестр правовых актов. 2020 г. № 2/2732.

74. Закон Республики Казахстан от 08 февраля 2003 года № 387 «О чрезвычайном положении» (ред. от 11.09.2022 г.) // «Казахстанская правда». 2003. № 43-44; 2022. 133 (29760).

75. Кодекс Республики Казахстан от 07 июля 2020 г. № 360-VI «О здоровье народа и системе здравоохранения» (ред. от 01.01.2024 г.) // «Казахстанская правда». 2020. № 130 (29257); 2023. № 74 (29951).

76. Закон Кыргызской Республики от 26 июня 2001 года № 56 «Об иммунопрофилактике инфекционных болезней» (ред. от 05.07.2017 г.) / Министерство Юстиции Кыргызской Республики [официальный сайт] URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/463?refId=816710>.

77. Указ Президента Республики Казахстан от 15 марта 2020 года № 285 «О введении чрезвычайного положения в Республике Казахстан»/ Правовые акты / Президент Республики Казахстан [сайт] URL: https://www.akorda.kz/ru/legal_acts/decrees/o-vvedenii-chrezvychainogo-polozheniya-v-respublike-kazahstan?q=положение.

78. Постановлением Правительства Республика Армения № 298-№ от 16 марта 2020 года «Об объявлении чрезвычайного положения в Республике Армения» / Законодательство / Национальное собрание Республики Армения [официальный сайт] URL: https://www.moj.am/storage/uploads/298voroshum_RUS.pdf.

79. Постановление Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 15 июня 2012 г. № 75 «Об установлении перечня заболеваний, представляющих опасность для здоровья населения» (ред. 16.02.2023 г.) // База НАП / Нормативная правовая база / Для специалистов / Министерство здравоохранения Республики Беларусь [сайт] URL: https://minzdrav.gov.by/ru/dlya-spetsialistov/normativno-pravovaya-baza/baza-npa.php?ELEMENT_ID=333010.

80. Постановление Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 12 июля 2012 г. № 96 «Об установлении перечня профессий и инфекционных заболеваний, при которых носители возбудителей инфекционных заболеваний представляют опасность для окружающих, и признании утратившим силу постановления Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 14 декабря 2007 г. № 165» // База НАП /

Нормативная правовая база / Для специалистов / Министерство здравоохранения Республики Беларусь [сайт] URL: https://minzdrav.gov.by/ru/dlya-spetsialistov/normativno-pravovaya-baza/baza-npa.php?ELEMENT_ID=333106.

81. Постановление Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 12 июля 2012 г. № 97 «Об установлении клинических показаний и категорий лиц, подлежащих обязательному медицинскому освидетельствованию» (ред. 29.06.2023 г.) // Национальный реестр правовых актов. 2012 г. № 8/26165; Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 01 августа 2023.

82. Постановление Правительства Республики Казахстан от 24 сентября 2020 года № 612 «Об утверждении перечня заболеваний, против которых проводятся обязательные профилактические прививки в рамках гарантированного объема медицинской помощи, правил, сроков их проведения и групп населения, подлежащих профилактическим прививкам» (ред. от 30.03.2021 г.) // Эталонный контрольный банк НПА РК 18.11.2020; Эталонный контрольный банк НПА РК 05.04.2021 г.

83. Постановление Кабинета министров Кыргызской Республики от 17 января 2025 года № 21 «Об утверждении Классификации чрезвычайных ситуаций и критериев их оценки в Кыргызской Республике» / Министерство Юстиции Кыргызской Республики [официальный сайт] URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/7-37415/edition/25154/ru?lang=ru>.

Судебная практика

84. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20 декабря 1995 г. № 17-П «По делу о проверке конституционности ряда положений пункта «а» статьи 64 Уголовного кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.А. Смирнова» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 1. Ст. 54.

85. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 марта 1997 № 5-П «По делу о проверке конституционности положений

абзаца второго пункта 2 статьи 18 и статьи 20 Закона Российской Федерации от 27 декабря 1991 года «Об основах налоговой системы в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 13. Ст. 1602.

86. Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 27 апреля 1998 г. № 12-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений части первой статьи 92 Конституции Республики Башкортостан, части первой статьи 3 Закона Республики Башкортостан «О Президенте Республики Башкортостан» (в редакции от 28 августа 1997 года) и статей 1 и 7 Закона Республики Башкортостан «О выборах Президента Республики Башкортостан» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 18. Ст. 2063.

87. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 09 июля 2002 № 12-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 5 статьи 18 и статьи 30.1 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», статьи 108 Конституции Республики Татарстан, статьи 67 Конституции (Основного Закона) Республики Саха (Якутия) и части третьей статьи 3 Закона Республик» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 28. Ст. 2909.

88. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30 октября 2003 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобами граждан С.А. Бунтмана, К.А. Катаняна и К.С. Рожкова» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 44. Ст. 4358.

89. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 апреля 2008 № 7-П «По делу о проверке конституционности абзаца

второго статьи 1 Федерального закона «О садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях граждан» в связи с жалобами ряда граждан» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 18. Ст. 2089.

90. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2020 № 11-П «По делу о проверке конституционности подпункта 3 пункта 5 постановления Губернатора Московской области «О введении в Московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-2019) на территории Московской области» в связи с запросом Протвинского городского суда Московской области» // «Официальный интернет-портал правовой информации» (www.pravo.gov.ru) 29 декабря 2020 г.

91. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2023 г. № 3190-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Кабетовой Надежды Ивановны на нарушение ее конституционных прав положениями статей 65, 76 и 88 Трудового кодекса Российской Федерации, а также ряда федеральных законов» // Конституционный Суд Российской Федерации [официальный сайт] URL: <https://www.ksrf.ru/ru/Pages/default.aspx>.

92. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2023 г. № 3191-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Кондрашовой Натальи Сергеевны на нарушение ее конституционных прав положениями статей 65, 76 и 88 Трудового кодекса Российской Федерации, а также ряда федеральных законов» // Конституционный Суд Российской Федерации [официальный сайт] URL: <https://www.ksrf.ru/ru/Pages/default.aspx>.

Иностранная судебная практика

93. Постановление Конституционного Суда Республики Армения от 23 декабря 2021 года № ПКС-1621 «По делу об определении вопроса соответствия Конституции части 3 статьи 20.1, третьего абзаца статьи 22 Закона РА «Об обеспечении санитарно-эпидемиологической безопасности населения Республики Армения» и Приказа Министра здравоохранения РА от 20 августа 2021 года № 65 на основании обращения как минимум одной пятой от общего числа депутатов Национального Собрания РА» / Постановления КС / Решения КС [официальный сайт] URL: <http://www.kc.gov.by/document-68243>.

94. Решение Конституционного Суда Республики Беларусь от 28 декабря 2011 г. № Р-669/2011 «О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь «О предупреждении распространения заболеваний, представляющих опасность для здоровья населения, вируса иммунодефицита человека» / Акты / Конституционный Суд Республики Беларусь [официальный сайт] URL: <http://www.kc.gov.by/document-25573>.

95. Решение Конституционного Суда Республики Беларусь от 01 декабря 2020 г. № Р-1230/2020 «О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь «Об изменении законов по вопросам здравоохранения и оказания психологической помощи» / Акты / Конституционный Суд Республики Беларусь [официальный сайт] URL: <http://www.kc.gov.by/document-68243>.

96. Решение Конституционного Суда Республики Беларусь от 05 мая 2020 г. № Р-1214/2020 «О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь «Об изменении Закона Республики Беларусь «О лекарственных средствах» / Акты / Конституционный Суд Республики Беларусь [официальный сайт] URL: <http://www.kc.gov.by/document-66553>.

97. Решение Конституционного Суда Республики Беларусь от 14 марта 2023 г. № Р-1304/2023 «О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь» / Конституционный Суд Республики Беларусь / Акты /

Конституционный Суд Республики Беларусь [официальный сайт] URL: <http://www.kc.gov.by/document-75033>.

98. Решение Конституционной Палаты Верховного Суда Кыргызской Республики от 27 января 2021 года «По делу о проверке конституционности пункта 39 Перечня заболеваний, при наличии которых лицо не может быть усыновителем, опекуном (попечителем) и приемным родителем, утвержденного Постановлением Правительства Кыргызской Республики от 27 октября 2015 года №733 в связи с обращением Осмоналиевой Айнуры Мусаевны, представляющей интересы Б.И.К.». Конституционная Палата Верховного Суда Кыргызской Республики [официальный сайт] URL: <https://constsot.kg/wp-content/uploads/2021/01/111.-Osmonalieva-A.M.-v-interesah-B.I.K..pdf> (дата обращения: 09.03.2024).

Справочная литература

99. Большая советская энциклопедия / под общ. редакцией Вавилова С.И. 2-е изд., М. 1957. Т. 49. 797 с.

100. Гоббс Т. Левиафан // Т. Гоббс. М. РИПОЛ классик, 2017. 608 с.

101. Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В.Д. Зорькина. 3-е изд., пересмотр. М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. 1040 с.

102. Локк Дж. Два трактата о правлении // Сочинения в трех томах / пер. с англ. и лат. Т. 3 / ред. и сост., авт. примеч. А.Л. Субботин. М.: Мысль, 1988. 668 с.

103. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Отв. ред. кандидат юридических наук А.А. Вешняков; Науч. ред. доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации В.И. Лысенко. М.: Объединённая редакция МВД России, 2007. 880 с.

104. Общественное здоровье: эволюция понятия в стратегических документах охраны здоровья и развития здравоохранения в странах мира /

Е.И. Аксенова, Н.А. Гречушкина, Т.Н. Каменева, Н.Н. Камынина. – М.: ГБУ «НИИОЗММ ДЗМ», 2021. 42 с.

105. Система защиты прав человека в Российской Федерации: учебник / Г.Н. Комкова, Е.А. Абаева, Н.Н. Аверьянова [и др.]. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Проспект», 2023. – 384 с.

106. Судебные системы Европы и Евразии: научно-энциклопедическое издание: в 3. т. Т. 3 / под ред. Р.А. Курбанова, Р.А. Гурбанова. М.: Проспект, 2019. 524 с.

Монографии и учебная литература

107. Авакьян С.А. Конституционное право России. Учебный курс: учебное пособие: в 2 т. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНРФА-М, 2020. Т. 1. – 864 с.

108. Алексеев С.С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. М., 1989. – 288 с.

109. Алексеева Т.А., Варламова Н.В., Габов А.В. Конституционализм: универсальное и национальные измерения: монография. М.: Издательство ИГП РАН, 2022. – 392 с.

110. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации: учебник для вузов. М., 2007. – 784 с.

111. Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности / Н.В. Витрук. Москва: Инфра-М, 2008. – 447 с.

112. Воеводин Л.Д. Юридический статус личности в России / Л.Д. Воеводин. М.: ИНФРА•М–НОРМА, 1997. – 298 с.

113. Гимпельсон В.Е. Зарплата и потоки на российском рынке труда в условиях ковида / В.Е. Гимпельсон; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. - 30 с.

114. Конституционные права и свободы человека и гражданина в Российской Федерации: учеб. для вузов; под ред. О.И. Тиунова. - Москва: НОРМА, 2005. - 591 с.

115. Крусс В.И. Теория конституционного правопользования: монография. М.: Норма, 2007. - 752 с.
116. Кулапов В.Л. Теория государства и права: учебник. Саратов: Издательство СГАП, 2011. - 486 с.
117. Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве: монография. 2-е изд. перераб. и доп. М.: Юрист, 2003. - 248 с.
118. Нерсисянц В.С. Теория права и государства: учебный курс. М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. - 272 с.
119. Павленко Е.М. Проблемы формирования культуры прав человека у молодежи в условиях цифровой реальности / Права молодежи в условиях цифровой среды: вопросы правового регулирования, реализации и защиты: монография / Под общ. ред. Т.Н. Москальковой; отв. ред. О.С. Рыбакова. – М.: Проспект, 2025. – 288 с.
120. Павленко Е.М. Международные стандарты обеспечения безопасности ребенка / Безопасность детства: социальные проблемы и правовые способы их решения: монография / Под ред. О.Ю. Рыбакова. М.: Проспект, 2023 – 424 с.
121. Правовые и управленческие меры борьбы с пандемией в России: ретроспективный взгляд в 2020 год: монография / Под общ. ред. О.В. Зайцева. Москва: Проспект, 2022. - 112 с.
122. Реализация конституционных социальных прав и свобод с использованием искусственного интеллекта: проблемы правового регулирования, пределы и ответственность: монография / М.А. Липчанская, Т.Н. Балашова, Т.В. Заметина [и др.]; Под общ. ред. М.А. Липчанской. Москва: Проспект, 2022. — 208 с.
123. Сусликов В.Н., Богдан В.В., Воронцова Е.В. Правовое регулирование охраны и защиты прав граждан на здоровье в Российской Федерации: Монография. Новосибирск: Изд. АНС «СибАК», 2016. - 84 с.
124. Ушанков И. В. Правовые и управленческие меры, направленные на регламентирование трудовых отношений в Российской Федерации в

условиях пандемии Правовые и управленческие меры борьбы с пандемией в России: ретроспективный взгляд в 2020 год: монография / Под общей ред. О.В. Зайцева. М.: Проспект, 2022. - 112 с.

125. Штерн К. Защита основных прав и их ограничения // Государственное право Германии: Пер. с нем.: В 2 т. Т.2. М.: Институт государства и права РАН, 1994. - 319 с.

126. Эбзеев Б.С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации. М., 2013. - 574 с.

127. Эбзеев Б.С. Конституционное право России: Учебник для обучающихся образовательных организаций по направлению подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» (уровень бакалавриата), по направлению подготовки 40.04.01 «Юриспруденция» (уровень магистратуры) / Б.С. Эбзеев. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Проспект», 2019. - 768 с.

Научные статьи в сборниках и периодической литературе

128. Аблаев Р.Р., Макарова В.С. Последствия для мировой экономики социальных ограничений, связанных с пандемией // Экономика и бизнес: теория и практика. 2021. № 4-1 (74). С. 10-12.

129. Агарков К.Н., Агаркова Н.А. Конституционный Суд Российской Федерации в современной России // Вестник государственного и муниципального управления. 2012. № 4. С. 74-80.

130. Агафонов М.В. Содержание принципа приоритета прав и свобод человека и гражданина в республике Армения // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 4 (44). С. 153-157.

131. Алиев А.М., Магарамова Х.М. Понятие и назначение Конституционного Суда Российской Федерации как органа судебного конституционного контроля // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2014. № 4. С. 117-119.

132. Аничкин Е.С. Конституционный статус человека и гражданина в условиях пандемии коронавирусной инфекции: векторы трансформации в России // Правоприменение. 2021. Том 5. № 3. С. 101–111.

133. Астафьев Е.В. Виды ограничений конституционных прав и свобод // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. 2006. № 4 (12). С. 191-192.

134. Атабекова Н.К., Болотбекова Э.К., Ураимова Т.А. Конституционное закрепление прав и свобод человека в Кыргызской Республике в аспекте конституционной реформы 2021 года // Образование и право. 2021. № 7. С. 48-50.

135. Басова А.В., Комкова Г.Н. Правовые проблемы вакцинации работников // Инфекционные болезни: новости, мнения, обучение. Журнал имени академика Н.Д. Ющука. 2025. Т. 14, № 2(53). С. 110-115.

136. Бажуков С.А. Соотношение понятий «Естественные пределы права» и «Ограничение права» на примере избирательных прав граждан // Юридические записки. 2014. № 2. С. 63-69.

137. Баньковский А.Е., Панкратова К.М. Актуальные проблемы международно-правового сотрудничества в противодействии эпидемиям и пандемиям // Вестник экономической безопасности. 2020. № 5. С. 161-166.

138. Бейсенбекова Г.К. Аналитическая оценка нормативно-правовой регламентации права человека на охрану здоровья в Казахстане // Медицина и экология. 2008. № 4. С. 106-109.

139. Белкин А.А. Избранные работы 90-х годов по конституционному праву. СПб., 2003. С. 1050.

140. Беляева Г.С. Правовые режимы, основанные на ограничениях: к определению понятия // Право и политика. 2015. № 8 (188). С. 1141-1149.

141. Береговцова Д.С. Универсальные и региональные международно-правовые стандарты в области охраны здоровья человека и их воплощение в законодательстве Республики Беларусь о здравоохранении // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. 2014. № 5. С. 140-145.

142. Болдырев В.А. Ограничение свободы предпринимательской деятельности: новая правовая реальность // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2020. № 9 (228). С. 62-74.

143. Бондарь Н.С., Джагарян А.А. Самовывдвижение на выборах: конституционная ценность и (или) социально-политическая целесообразность? // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 5. С. 27-40.

144. Брежнев О.В. Эволюция статусов органов конституционного правосудия в Кыргызской Республике // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 476. С. 233-247.

145. Вавило К.В. Сущность права на охрану здоровья по Конституции Республики Беларусь // Юридические науки. Теория и история права. Конституционное право. Международное право. 2022. Выпуск 42 (112). С. 17-18.

146. Вальчук Э.А., Тищенко Е.М. Реализация конституционного права на охрану здоровья населения в Республике Беларусь // Медицинские новости. 2015. № 1. С. 63-67.

147. Василевич Г.А. Реализация решений Конституционного Суда Республики Беларусь – важное условие формирования современной правовой системы: Национальная государственность и европейские интеграционные процессы. В 2 т. Т. 1. Национальное законодательство и его гармонизация с правом Европейского Союза: сб. науч. тр. Минск, 2008. С. 65-76.

148. Василевич Г.А., Остапович И.Ю., Калинина Е.Г. Пандемия коронавируса как основание ограничения прав и свобод человека // Правоприменение. 2021. № 2. С. 62– 76.

149. Василевич Г.А. Полномочия Конституционного Суда и судов общей юрисдикции Республики Беларусь в новом конституционном измерении: Сборник статей по результатам II международной научно-практической конференции, посвященной празднованию 10-летней

годовщины воссоединения Крыма с Российской Федерацией. Симферополь, 2024. С. 235-244.

150. Волков А.Н., Начева Л.В., Захарова Ю.В. Молекулярно-генетические методы в практике современных медико-биологических исследований. часть II: использование ПЦР в диагностике инфекционных заболеваний человека // Фундаментальная и клиническая медицина. 2021. Т. 6. № 1. С. 77-85.

151. Воронцов С.А. О соотношении прав и свобод человека с уровнем безопасности личности, общества, государства в период пандемии // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2020. № 5 (120). С. 50-53.

152. Габай П.Г., Дронова С.А. Допуск в образовательные организации при отказе от вакцинации // Вопросы современной педиатрии. 2020. № 19 (5). С. 379-385.

153. Габиева С. Пределы ограничения прав и свобод в Российской Федерации // Закон и право. 2020. № 8. С. 27-29.

154. Гойман В.И. Принципы, пределы, основания ограничения прав и свобод человека по российскому законодательству и международному праву // Государство и право. 1998. № 7. С. 20-43.

155. Гончарова Е.В., Донников А.Е., Кадочникова В.В., Морозова С.А., Болдырева М.Н., Галкина И.С., Блинов Д.В. Диагностика вируса, вызывающего COVID-19, методом ПЦР в реальном времени // Фармакоэкономика. Современная фармакоэкономика и фармакоэпидемиология. 2020. Т. 13. № 1. С. 52-63.

156. Гордиенко Ю.Н. Профессиональная подготовка специалистов для судебной системы в контексте междисциплинарных исследований: Сборник материалов Всероссийского круглого стола, Санкт-Петербург, 27 октября 2022 года / Под общей редакцией В.Г. Бондарева, Е.П. Цыплаковой. Санкт-Петербург: Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2023. С. 20-25.

157. Гошуляк В.В. Политико-правовая природа института собственности в России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2011. Т. 11. № 4. С. 97-101.

158. Гуторова А.Н. Конституционные гарантии выражения доверия или недоверия гражданского общества: Сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 30-летию Конституции Российской Федерации, 30-летию юридического факультета Амурского государственного университета. Благовещенск, 2024. С. 42-50.

159. Гуторова А.Н. Право на публичные акции и свободу слова как факторы обеспечения мандата народного доверия к федеральной власти // НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право. 2024. Т. 49. № 3. С. 513-524.

160. Григорьев В.Н. Особые правовые режимы: вопросы соответствия Конституции // Вестник Томского государственного университета. Право. 2015. № 4 (18). С. 22-29.

161. Дорина В.В. Направления развития международно-правового сотрудничества Республики Беларусь в сфере охраны здоровья // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки. 2020. № 5. С. 67-71.

162. Дорошенко Е.Н. Конституционно-правовые основы ограничения прав человека в связи с пандемией новой коронавирусной инфекции // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 12 (121). С. 48-56.

163. Жильская Л.В. Закрепление конституциями государств СНГ прав по охране и укреплению здоровья населения (конституционно-правовой анализ) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2005. № 4 (28). С. 66-70.

164. Зайцев А.А. Зарубежный конституционно-правовой опыт регулирования ограничения прав и свобод человека и гражданина (на примере стран СНГ) // Бизнес в законе. 2013. № 6. С. 127-132.

165. Иванова Т.В. Правотворческая деятельность органов конституционного контроля в Республики Беларусь и в зарубежных государствах: сравнительный анализ // Экономическая наука сегодня. 2014. С. 342-357.

166. Кабышев В. Т. Российский конституционализм на рубеже тысячелетий // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2001. № 4 (237). С. 61-70.

167. Караев А.А. Конституционный Суд - важнейший орган защиты прав и свобод человека и гражданина: историко-правовой опыт зарубежных стран // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2022. № 4 (71). С. 41-49.

168. Киреев М.П., Беляев А.А. Контртеррористическая операция, ее правовой режим: теоретико-правовой аспект // Труды Академии управления МВД России 2017. № 3 (43). С. 36-40.

169. Кириллова Л.В. Историографический обзор политики позитивной дискриминации в США // Вестник Удмуртского Университета. 2015. Т. 25. Вып. 4. С. 157-162.

170. Клименко Е.П. Направления деятельности Содружества Независимых Государств по борьбе с инфекционными заболеваниями // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского Серия «Юридические науки». Том 27 (66). 2014. № 2. С. 49-57.

171. Ковалев Д.О. Понятие и сущность имманентных ограничений политических прав и свобод граждан России // Правовая политика и правовая жизнь. 2020. № 4. С. 177-185.

172. Колосова Н.М. Прямое действие Конституции Российской Федерации и ограничение конституционных прав и свобод человека и гражданина в контексте судебной практики // Журнал российского права. 2019. № 8. С. 36-47.

173. Комарова В.В. Общественное здоровье в конституционно-правовом ракурсе // Образование и право. 2024. № 1. С. 28-33.

174. Комарова В.В. «Общественное здоровье» в теоретико-правовом аспекте // Российский юридический журнал. 2024. № 3 (156). С. 7-19.
175. Комарова В.В. Биотехнологии и их роль в реализации права человека на жизнь и права на здоровье // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право. 2025. № 2. С. 38-50.
176. Комарова В.В. Общество сквозь призму конституционного законодательства России и Китая // Юридическая наука в Китае и России. 2023. № 6. С. 8-15.
177. Комкова Г.Н. Конституционные принципы взаимоотношений власти и личности: реализация в современной России // Lex Russica (Русский закон). 2009. Т. 68, № 2. С. 344-351.
178. Комкова Г.Н., Басова А.В., Тогузаева Е.Н. Пропаганда вакцинации в России: возможные пути совершенствования // Журнал инфектологии. 2025. Т. 17, № 1. С. 90-97.
179. Кондрашев А.А. Ограничения конституционных прав в Российской Федерации: теоретические подходы и политико-правовая практика // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 7. С. 40-47.
180. Корнеев М.Р. Здоровье и его социальная обусловленность // Бюллетень ВСНЦ СО РАМН. 2005. № 8 (46). С. 206-209.
181. Корниенко А.С., Самохвалов Н.А. COVID-19: правовое регулирование всеобщей вакцинации // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 5. С. 148–166.
182. Красинский В.В. О правовых позициях Европейского суда по правам человека и Конституционного Суда Российской Федерации по вопросам ограничения избирательных прав в связи с наличием судимости // Современное право. 2014. № 2. С. 34-41.
183. Краснов М.А. Ограничение прав человека или поиск их естественных пределов? // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2009. № 2. С. 103-115.

184. Краснов М.А. Некоторые аспекты проблемы ограничения конституционных прав (на примере экономических прав) // Сравнительное конституционное обозрение. 2013. № 1 (92). С. 82-93.

185. Кропачева А.В. О некоторых вопросах процедуры введения режима чрезвычайного положения в Российской Федерации // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2016. № 5. С. 196-201.

186. Лазарев В.В. Ограничение прав и свобод как теоретическая и практическая проблема // Журнал российского права. 2009. № 9. С. 35-47.

187. Лапаева В.В. Проблема ограничения прав и свобод человека и гражданина в Конституции РФ (опыт доктринального исследования) // Журнал российского права. 2005. № 7. С. 13-23.

188. Лебедев В.А. Конституционные основы ограничений прав и свобод человека и гражданина // Lex Russica (Русский закон). 2017. № 1(122). С. 130-139.

189. Липчанская М.А., Отставнова Е.А. Конституционно-правовые и нравственные основы использования искусственного интеллекта в реализации социальных прав и свобод человека // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2020. № 3. С. 69-79.

190. Логвинова И.В. Толкование Конституционного суда Российской Федерации умаления и отмены прав и свобод // Проблемы экономики и юридической практики. 2015. № 5. С. 42-44.

191. Лошкарева И.А. Модели ограничения личных прав и свобод человека и гражданина в странах СНГ // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2013. № 5. С. 21-24.

192. Луценко В.В., Семёнова И.В. Режим контртеррористической операции как особый комплексный правовой институт // Военное право. 2021. № 4 (68). С. 56-60.

193. Лухтенкова Я.С. Конституционное право граждан на медицинскую помощь: проблемы реализации // Молодой ученый. 2018. № 2. С. 186-188.

194. Майдыков А.Ф., Овчинников В.В. О понятии и введении особых правовых режимов в целях обеспечения безопасности граждан Российской Федерации // Труды Академии управления МВД России. 2016. № 2 (38). С. 11-15.

195. Мархгейм М.В. Права и обязанности: аккорды диалектики: Право и государство в современном мире: состояние, проблемы, тенденции развития: материалы международной научно-теоретической конференции - XI Международные «Мальцевские чтения» - памяти заслуженного деятеля науки Российской Федерации, члена-корреспондента РАН, доктора юридических наук, профессора Мальцева Геннадия Васильевича. Белгород, 2024. С. 23-30.

196. Мархгейм М.В., Алексеева Ж.Д. Акты Президента Российской Федерации: понятие, виды, сопряжение: Konferenz Wissenschaftund Bildung: In-undausländische Erfahrung. Gelsenkirchen, 2024. С. 28-34.

197. Мархгейм М.В., Шматко Д.А. Правовые режимы в Российской Федерации: от понятийной определенности к видовому многообразию: Konferenz Wissenschaftund Bildung: In-undausländische Erfahrung. Gelsenkirchen, 2024. С. 89-95.

198. Мартынюк Р.С. Особенности функциональной природы органов конституционного контроля // Евразийская адвокатура. 2016. № 4 (23). С. 80-87.

199. Морозова Л.А. Принципы, пределы, основания ограничения прав и свобод человека по российскому законодательству и международному праву. Материалы «круглого стола» журнала «Государство и право» // Государство и право. 1998. № 7. С. 20-42.

200. Мокосеева М.А. Юридическая природа правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». 2015. С. 93-96.

201. Муслимов М.И., Гуреев С.А., Мингазова Э.Н. К вопросу об общественном и популяционном здоровье // Менеджер здравоохранения. 2024. № 7. С. 97-105.
202. Мурашко Л.О. Конституционное правоприменение и его ценностная составляющая // Мониторинг правоприменения. 2018. № 3 (28). С. 4-8.
203. Никитина Е.Е. Ограничения конституционных прав человека законодательством субъекта Российской Федерации // Журнал российского права. 2015. № 11. С. 35-48.
204. Никитина Е.Е., Селезнев В.А. Использование мер административной ответственности в механизме реализации права на публичное мероприятие // Журнал российского права. 2019. № 3. С. 38-51.
205. Новиков М.В. Сущность конституционных ограничений правового статуса личности // Конституционное и муниципальное право. 2005. № 9. С. 31-33.
206. Оразова Г.У., Болатов А.К., Гудым Е.Б., Жамиева Ж.Н. Добровольная вакцинация против COVID-19 в Казахстане: мнение населения // Journal of Health Development. 2021. V. 3 № 43. С. 48-53.
207. Остапович И.Ю. Толкование норм Конституции органами охраны Конституции Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации // Lex Russica. 2016. № 2 (111). С. 40-48.
208. Павленко Е.М. Современные подходы к развитию научного знания о правах человека // Вестник Филиала Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова в Душанбе. 2024. Т.2, №2 (40). С. 48-58.
209. Панкевич Н.В., Руденко В.В. Самоизоляция как правовой режим: опыт России // Правопорядок: история, теория, практика. 2021. № 2 (29). С. 16-23.
210. Плигин В.Н. Соответствие реального функционирования политической системы конституционному идеалу // М.: Институт общественного проектирования, 2009. – 53 с.

211. Пермиловский М.С. Конституционная аксиология прав человека: философия антропоцентризма в конституционном праве // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 3. С. 7-11.

212. Петрова Д.А., Моськина М.Н., Мухалов Д.В. Обзор судебной практики по вопросу введения ограничений прав граждан в период пандемии новой коронавирусной инфекции (COVID-19) на примере цифровых пропусков // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2020. № 4. С. 111-117.

213. Петрянина О.А. Чрезвычайное положение как особый правовой режим защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 4 (36). С. 135-138.

214. Плотникова И.Н. «Конституционализация»: к вопросу о понятии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2021. Т. 21. Вып. 2. С. 188-197.

215. Подмарев А.А. Ограничение прав и свобод человека и гражданина: определение конституционного понятия // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: юридические науки. 2014. № 9. С. 9-17.

216. Подмарев А.А. Ограничение прав и свобод человека и гражданина в условиях военного положения в Российской Федерации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Экономика. Управление. Право. 2018. Т. 18. № 1. С. 96-100.

217. Попов М.Ю., Самыгин П.С., Самыгин С.И. К дискуссии об ограничении прав и свобод человека в условиях пандемии // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 4. С. 143-147.

218. Путило Н.В. Нормативно-правовые основы иммунопрофилактики в государствах-участниках СНГ // Ремедиум. 2021. № 4. С. 30-38.

219. Ревнов Б.А., Кохман Д.В. Сравнительно-правовой анализ конституционных судов Российской Федерации и Республики Казахстан:

статус, состав, структура и полномочия // Пролог: журнал о праве. 2023. № 1. С. 25-33.

220. Романовская Л.Р. Конституционный Суд РФ как главный субъект толкования Конституции // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2018. № 2. С. 166-171.

221. Романовский В.Г. Ограничения прав человека в современном конституционном праве России // Наука. Общество. Государство. 2019. Т. 7, № 4 (28). С. 16-21.

222. Рябова Л.К. Позитивная дискриминация в этнополитике: постановка проблемы в современной историографии // Новейшая история России. 2019. Т. 9. № 2. С. 536-548.

223. Рябова Т.А. Субъекты конституционного судопроизводства при рассмотрении дел по обращениям граждан Конституционным Судом Российской Федерации И Конституционным Судом Республики Армения и их сравнительный анализ // Образование и право. 2023. № 10. С. 263-271.

224. Саганилиева В.Ж., Сатавулдиев И.Б. Обеспечение прав и свобод человека в Кыргызской Республике // Аграрное и земельное право. 2022. № 1 (205). С. 12-14.

225. Сайбулаев С.А. Функции Конституционного Суда российской Федерации: некоторые вопросы теории и практики // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. 2018. № 2. Т. 1. С. 67-75.

226. Салагай О.О., Сошкина К.В. Концепция личной ответственности за сохранение здоровья: правовой аспект // Журнал российского права. 2020. № 8. С. 94-104.

227. Самойленко А.А. Информационные технологии и их роль в минимизации негативных последствий от распространения коронавирусной инфекции COVID-19 // Постсоветские исследования. 2020. № 4. Т. 3 С. 336-341.

228. Сибилева А.Ю. Пределы регулирования политических прав граждан как предмет конституционного права // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 11. С. 169-175.

229. Сеницына А.М. Роль Конституционного Суда Республики Беларусь в обеспечении конституционализации нормотворчества и правоприменения // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки. 2018. № 6. С. 202-206.

230. Сеницына А.М. Состояние и перспективы взаимодействия адвокатуры и Конституционного Суда Республики Беларусь в сфере обеспечения конституционной законности // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки. 2020. № 6. С. 104-109.

231. Сквозников А.Н. Ограничение прав и свобод человека в условиях пандемии COVID-19: международно-правовые аспекты // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. № 3. С. 222-240.

232. Снежко О.А. Пределы законодательных ограничений социальных прав // Сравнительное конституционное обозрение. 2011. № 2. С. 34-46.

233. Соглаева Л., Филинская Л., Бригадин П., Ротман Д. Система здравоохранения и здоровье населения Республики Беларусь: состояние и диагностика проблем (социологический анализ): Здоровье населения и социальные перемены в постсоветских государствах / редкол.: П. Бригадин [и др.]. Минск: ГИУСТ БГУ, 2013. 352. С. 641-83.

234. Суровенко Т.Н., Глушкова Е.Ф. Вакцинация от гриппа в условиях пандемии COVID-19 // Поликлиника. 2021. № 1. С. 70-77.

235. Татаринов С.А. К вопросу о принципах осуществления конституционного судопроизводства в Конституционном суде Российской Федерации // Вестник Томского государственного университета. Право. 2014. № 2 (12). С. 96-104.

236. Таточенко В.К. Комментарий к статье «Допуск в образовательные организации при отказе от вакцинации», подготовленной

Юридическим отделом «Факультета Медицинского Права» // Вопросы современной педиатрии. 2020. № 19 (5). С. 386-390.

237. Туманянц Е.С. Полномочия судов по обращению в Конституционный Суд Республики Армения с запросом о проверке конституционности закона как условие реализации принципа самостоятельности судов и судебной власти // Сибирское юридическое обозрение. 2016. № 10. С. 4-10.

238. Филатова М.А. Современные вопросы позитивной дискриминации в контексте практики конституционных судов // Журнал конституционного правосудия. 2014. № 4. С. 19-28.

239. Черепанова Т.С. Конституционно-правовые основы обязательной вакцинации в России // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 4. С. 47-49.

240. Цомартова Ф.В., Н.В. Путило Общественное здоровье: от принципа управления здравоохранением до конституционно-правовой ценности // Журнал российского права. 2023. Т. 27. № 1. С. 93-109.

241. Шелегов Ю.В. О конституционно-правовых основах введения режима чрезвычайного положения в Российской Федерации // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 3 (102). С. 45–55.

242. Шерипов Н.Т., Акбаралиев М.Б. Конституционный Суд Кыргызской Республики В системе органов государственной власти Кыргызской Республики // Бюллетень науки и практики. 2023. Т. 10. № 6. С. 500-504.

243. Шумских Ю. Ужесточение юридической ответственности в условиях коронавируса // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2020. № 3. С. 56-63.

244. Шупицкая О.Н. Конституционализация права и правовая система // Юридический вестник ДГУ. 2018. Т. 28. № 4. С. 105-113.

245. Ягофарова И.Д. Основные характеристики ограничения прав и свобод человека: теоретико-правовой аспект // Академический юридический журнал. 2002. № 4 (10). С. 4-10.

246. Языкеев С.Н. Правовой механизм ограничения конституционных прав и свобод человека и гражданина в целях обеспечения безопасности в России // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 2. С. 233–238.

247. Ястребов О.А. Обязательная вакцинация: социальное благо или нарушение индивидуальных прав // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2022. Т. 6 № 1. С. 210-235.

248. Яшина М.С. Категории «отмена» и «умаление» прав и свобод человека и гражданина в конституционной доктрине современной России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2020. Т. 20. № 1. С. 97-107.

Диссертации, авторефераты диссертаций

249. Агеев В.Н. Конституционные ограничения основных прав и свобод личности в Российской Федерации: теория, история, практика: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань. 2006. 30 с.

250. Ашихмина А.В. Конституционно-правовой механизм ограничения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва. 2008. 35 с.

251. Беломестных Л.Л. Ограничение прав и свобод человека и гражданина: теоретический аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 24 с.

252. Грецова Е.Е. Правомерные ограничения прав и свобод человека в международном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва. 2009. 26 с.

253. Гуторова А.Н. Народное доверие в конституционном праве современной России: проблемы теории и правового регулирования: дис. ... доктора юрид. наук. Нижний Новгород. 2024. 575 с.

254. Жилина М.Л. Конституционно-правовые ограничения политических прав и свобод граждан Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005. 204 с.

255. Казимирская Ю.В. Конституционно-правовые основы ограничения личных (гражданских) прав и свобод человека и гражданина в России и зарубежных странах: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва. 2016. 22 с.

256. Квитко А.Ф. Конституционно-правовые основы ограничения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2007. 28 с.

257. Москаленко Т.О. Конституционно-правовые основания ограничения прав и свобод человека и гражданина в целях обеспечения безопасности Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 32 с.

258. Рассолова Е.Ш. Ограничения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: конституционно-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 25 с.

259. Смирнов А.А. Ограничение прав и свобод человека и гражданина Российской Федерации при обеспечении обороны страны и безопасности государства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва. 2007. 24 с.

260. Суменков С.Ю. Исключения в праве: общетеоретический анализ: дис. ... док. юрид. наук. Саратов. 2016. 475 с.

261. Троицкая А.А. Конституционно-правовые пределы и ограничения свободы личности и публичной власти: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 24 с.

262. Умарова А.А. Институт правовых ограничений: общетеоретическое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Грозный. 2018. 26 с.

263. Щеголева Н.А. Конституционно-правовой анализ ограничений прав и свобод граждан в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Орел, 2004. 172 с.

264. Ягофарова И.Д. Право как мера ограничения свободы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург., 2004. 28 с.

Интернет-ресурсы

265. Большой толковый словарь русского языка / [гл. ред. С.А. Кузнецов]. - Санкт-Петербург: Норинт; Москва : Рипол классик, 2008. [сайт]. URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovyj-slovar>.

266. Конституционная Палата Верховного Суда Кыргызской Республики [официальный сайт] URL: <https://constsot.kg/wp-content/uploads/2021/01/111.-Osmonalieva-A.M.-v-interesah-B.I.K..pdf>.

267. Конституционный Суд Республики Казахстан [официальный сайт] URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/ksrk?lang=ru>.

268. Минкомсвязь: отслеживание перемещения инфицированных коронавирусом не нарушает закон / Стопкоронавирус.рф [сайт]. URL: <https://xn--80aesfpebagmfb1c0a.xn--p1ai/news/20200410-1417.html>.

269. Минкомсвязь разработала систему отслеживания контактов зараженных коронавирусом / Пандемия COVID-2019 / ТАСС [сайт]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/8898605>.

270. На территориях Белгородской, Брянской и Курской областей введен правовой режим КТО / Контртеррористические операции / Главная / Национальный антитеррористический комитет [официальный сайт]. URL: <http://nac.gov.ru/kontrterroristicheskie-operacii/na-territoriyah-belgorodskoy-bryanskoy-i-kurskoy.html>.

271. О правовом основании обязательности вакцинации против коронавирусной инфекции COVID-19 / Новости / Пресс-центр / Министерство юстиции Республики Казахстан [сайт] URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/adilet/press/news/details/226860?lang=ru>.

272. О решениях по итогам заседания президиума Координационного совета при Правительстве Российской Федерации по борьбе с распространением новой коронавирусной инфекции / Поручения и их выполнение / Правительство России [сайт]. URL: <http://government.ru/orders/selection/401/39243>.

273. Пандемия / Термины МЧС России / О министерстве / Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий Российской Федерации [сайт]. URL: <https://mchs.gov.ru/ministerstvo/o-ministerstve/terminy-mchs-rossii/term/2023>.

274. Проект «Социальный мониторинг» / Официальный портал Мэра и Правительства Москвы [сайт]. URL: <https://www.mos.ru/authority/documents/doc/43922220/>.

275. Региональные ограничения, введенные в соответствии с уровнями реагирования и террористической опасности / Главная / ЭПС «Гарант» [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/77321388/>.

276. Россия покидает Совет Европы. Что это значит и из-за чего было принято такое решение / ТАСС [сайт]. 2022 URL: https://tass.ru/politika/14026531?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru.

277. Совещание с постоянными членами Совета Безопасности / События / Президент Российской Федерации [официальный сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/73095>.

278. Фазы предупреждений о вероятности пандемии / Темы / Птичий грипп и угрозы пандемии [сайт]. URL: https://www.un.org/ru/influenza/topics/alert_phases.shtml.

279. Эпидемия / Термины МЧС России / О министерстве / Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий

Российской Федерации [сайт]. URL: <https://mchs.gov.ru/ministerstvo/o-ministerstve/terminy-mchs-rossii/term/909>.

Приложение 1

Название особого режима / комплекса мероприятий	Регулирующий правовой акт	Субъект, принимающий решение о введении	Основания введения	Гипотетическая цель – защита здоровья населения	Ограничиваемые права
Чрезвычайное положение	Ст. 56, 88, 102 Конституции РФ, ФКЗ от 30.05.2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении»	Президентом РФ с последующим утверждением Советом Федерации РФ	Политические (субъективные) основания введения чрезвычайного положения: попытки насильственного изменения конституционного строя Российской Федерации, захвата или присвоения власти, вооруженный мятеж, массовые беспорядки, террористические акты, блокирование или захват особо важных объектов или отдельных местностей, подготовка и деятельность незаконных вооруженных формирований, межнациональные, межконфессиональные и региональные	Да (одна из возможных целей)	Общие ограничения при режиме чрезвычайного положения: - свобода передвижения; - право на участие в управлении делами государства; - право на проведение публичных мероприятий; - избирательные права; - право на политические объединения; - право на предпринимательскую и иную не запрещенную законом экономическую деятельность Ограничения при режиме чрезвычайного положения по политическим (субъективным) основаниям: - свобода массовой информации; - право на личную свободу;

			конфликты, сопровождающиеся насильственными действиями, создающие непосредственную угрозу жизни и безопасности граждан, нормальной деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления. Стихийные (объективные) основания введения чрезвычайного положения: чрезвычайные ситуации природного и техногенного характера, чрезвычайные экологические ситуации, в том числе эпидемии и эпизоотии, возникшие в результате аварий, опасных природных явлений, катастроф, стихийных и иных бедствий, повлекшие (могущие повлечь) человеческие жертвы, нанесение ущерба здоровью людей и		- право на неприкосновенность жилища Ограничения при режиме чрезвычайного положения по стихийным (объективным) основаниям: - свобода труда
--	--	--	--	--	--

			окружающей природной среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности населения и требующие проведения масштабных аварийно-спасательных и других неотложных работ		
Военное положение	Ст. 87, 102 Конституции РФ, ФКЗ от 30.01.2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении»	Президентом РФ с последующим утверждением Советом Федерации РФ	Агрессия против Российской Федерации или непосредственная угроза агрессии	Нет	- свобода передвижения; - право на политические объединения; - свобода труда; - право собственности; - право на проведение публичных мероприятий; - право на предпринимательскую и иную не запрещенную законом экономическую деятельность; - свобода массовой информации
Режим контртеррористической операции	ФЗ от 06.03.2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»	Федеральной службой безопасности	В целях пресечения и раскрытия террористического акта, минимизации его последствий и защиты жизненно важных интересов личности, общества и государства	Нет	- свобода передвижения; - право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений; - право собственности; - право на предпринимательскую и иную не запрещенную

					законом экономическую деятельность
Чрезвычайная ситуация	ФЗ от 21.12.1994 года № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера»	В зависимости от уровня реагирования на чрезвычайную ситуацию: Президент РФ; Правительство РФ; Правительственная комиссия по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций и обеспечению пожарной безопасности; Высшее должностное лицо субъекта РФ; Глава местной администрации муниципального образования	Аварии, опасные природные явления, катастрофы, распространение заболевания, представляющего опасность для окружающих, стихийное или иное бедствие, которые могут повлечь или повлекли за собой человеческие жертвы, ущерб здоровью людей или окружающей среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности людей	Да (одна из возможных целей)	- свобода передвижения; - свобода труда; - право на предпринимательскую и иную не запрещенную законом экономическую деятельность
Режим повышенной готовности	ФЗ от 21.12.1994 года № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного	Правительство РФ; Высшее должностное лицо субъекта РФ; Глава местной администрации муниципального образования	Угроза возникновения чрезвычайной ситуации	Да (одна из возможных целей)	- свобода передвижения; - свобода труда; - право на предпринимательскую и иную не запрещенную законом экономическую деятельность

	характера»				
Карантин	ФЗ от 30.03.1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения»	На основании предложений, предписаний главных государственных санитарных врачей и их заместителей решением Правительства Российской Федерации или исполнительного органа субъекта Российской Федерации, органа местного самоуправления, а также решением уполномоченных должностных лиц федерального органа исполнительной власти или его территориальных органов, структурных подразделений, в ведении которых находятся объекты обороны и иного специального	Угроза возникновения и распространения инфекционных заболеваний	Да (исключительная цель)	Нет конкретного перечня ограничительных мероприятий Могут быть: - свобода передвижения; - свобода труда; - право на предпринимательскую и иную не запрещенную законом экономическую деятельность; - право на образование; - право на участие в культурных мероприятиях

		назначения			
Самоизоляция	Закон РФ от 25.06.1993 г. № 5242-I «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации»	Высшее должностное лицо; орган местного самоуправления	Опасность распространения инфекционных и массовых неинфекционных заболеваний	Да (исключительная цель)	- свобода передвижения; - свобода труда; - право на образование; - право на предпринимательскую и иную не запрещенную законом экономическую деятельность; - право на участие в культурных мероприятиях; - право на проведение публичных мероприятий

